ОГОНЁК

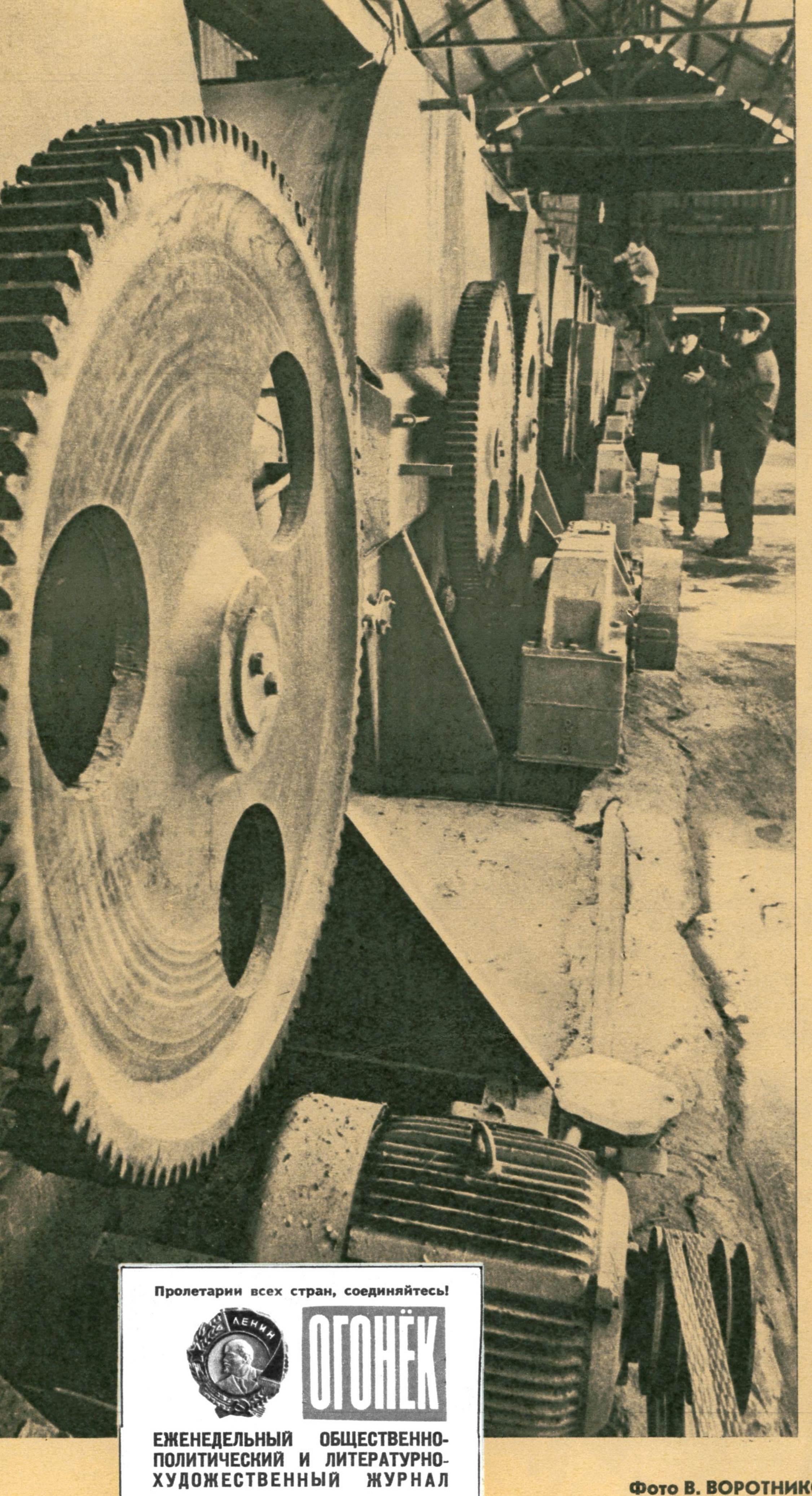
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 51 ДЕКАБРЬ 1985

ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ ПРОФЕССОРУ С. ФЕДОРОВУ

НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ— ЧЕРЕНКОВ

СОСТАВ ДЛИНОЮ ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ

Новый кормоцех.

На откормочной площадке колхоза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

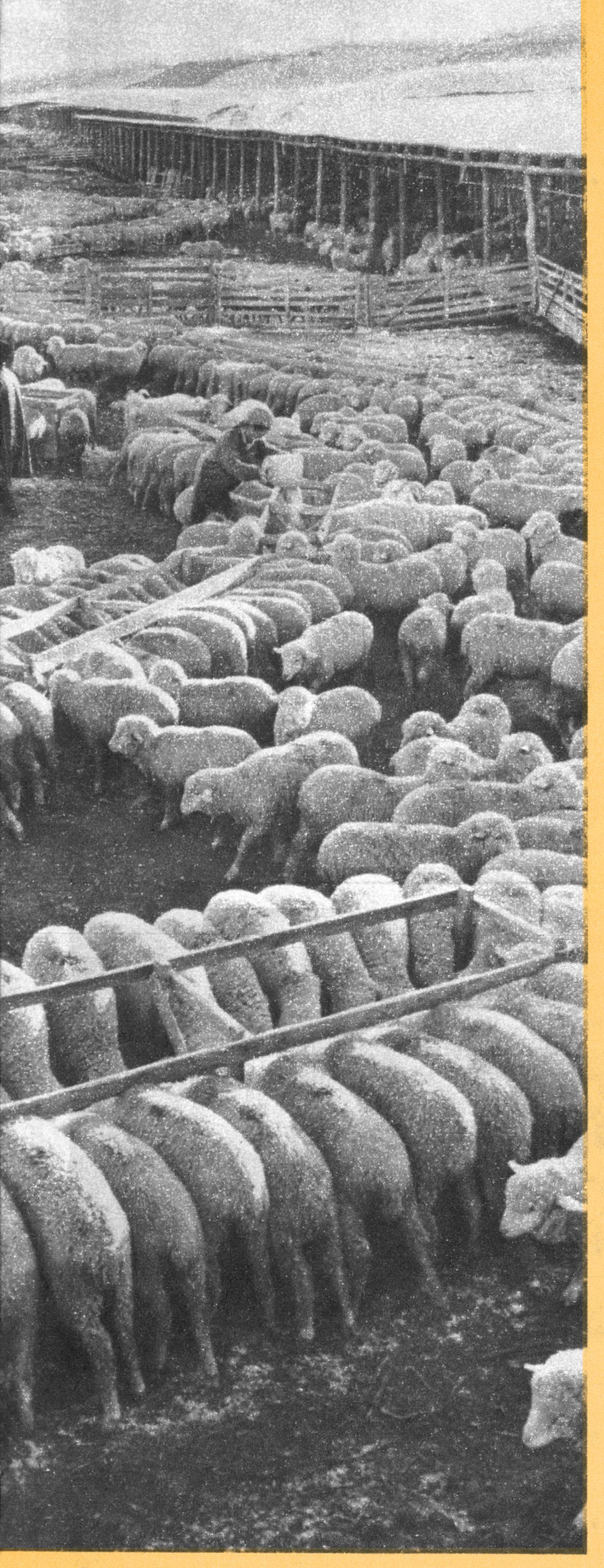
Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (3048)

14—21 ДЕКАБРЯ

Фото В. ВОРОТНИКОВА (ТАСС)

ПО-ХОЗЯ

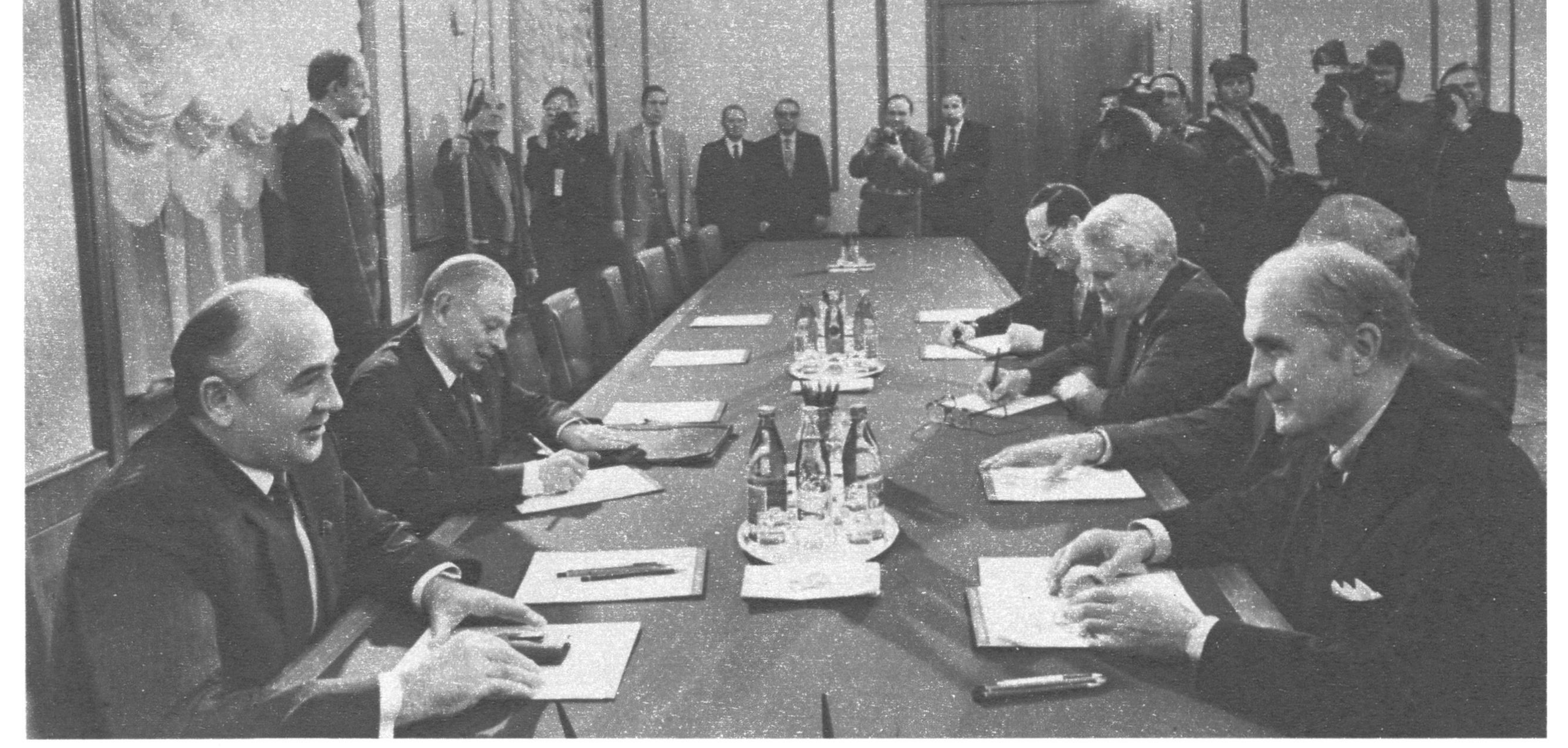
Знатный бригадир чабанов депутат Верховного Совета СССР Т. Б. Аманбаев. В этом году в его отаре получено 162 ягненка от каждой сотни овцематок.

ЙСКИ!

Задания одиннадцатой пятилетки по животноводству киргизский колхоз имени Карла Маркса уже выполнил. За счет чего? В этом хозяйстве работают люди рачительные, да к тому же щедрые на выдумку.

Проблем с кормами у них сейчас нет: новый кормоцех, построенный собственноручно, ежедневно вырабатывает более восьмидесяти тонн отличной смеси, которая, видимо, весьма по вкусу животным, поскольку они активно прибавляют в весе. Сельские умельцы-рационализаторы разместили оборудование цеха на крутизне склона с таким расчетом, чтобы кормосмесь перемещалась по конвейеру за счет собственного веса. В результате не только поднялись привесы, но и вдвое сократилось количество электродвигателей, механизмы стали работать надежнее и экономичнее.

Ничего не скажешь: хорошо трудятся животноводы в колхозе имени Карла Маркса.

Во время беседы. Фото ТАСС

Беседа М. С. Горбачева с министром торговли США

10 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле министра торговли США М. Болдриджа, прибывшего в Москву для участия в IX годовом собрании Американо-советского торгово-экономического совета (АСТЭС), и имел с ним беседу, в которой приняли участие министр внешней торговли СССР Б. И. Аристов, посол США в СССР А. Хартман и заместитель министра торговли США Б. Смарт.

В ходе беседы М. С. Горбачев отметил важное значение женевской встречи, прежде всего в плане тех возможностей, которые она открывает для нормализации советско-американских отношений и общего оздоровления международной обстановки.

Все это, сказал М. С. Горбачев, в полной мере относится и к торгово-экономической сфере. Советский Союз со всей серьезностью относится к зафиксированному в совместном заявлении о женевской встрече намерению обеих сторон развивать торгово-экономические связи.

В ходе беседы были также обсуждены некоторые другие аспекты советско-американских отношений.

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

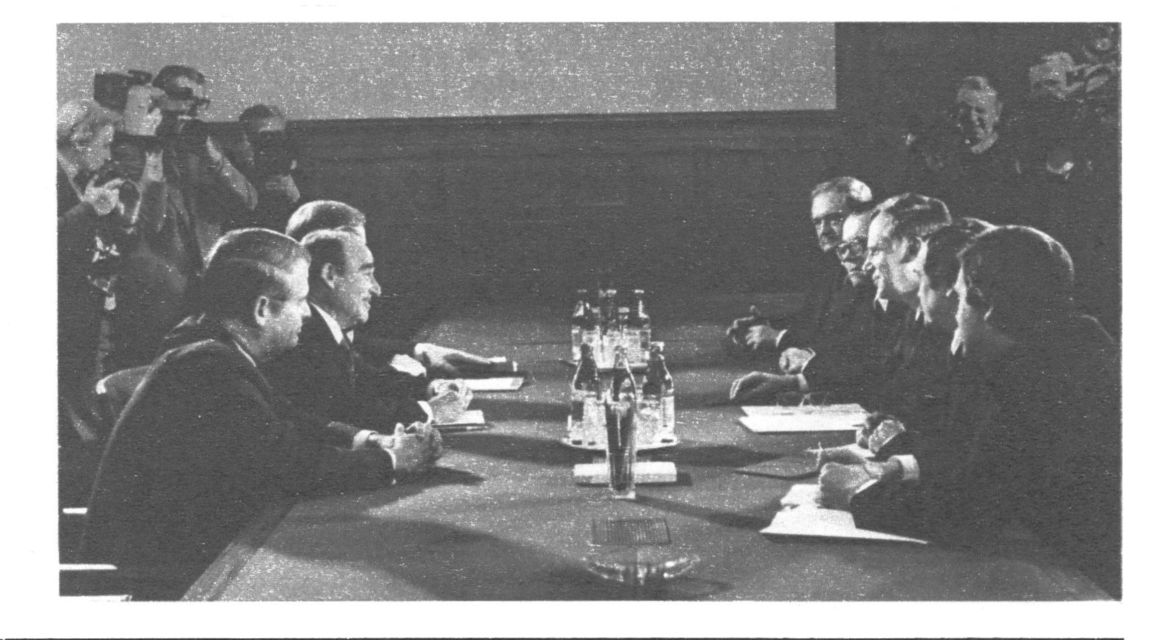
Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков принял 10 декабря в связи с проведением IX годового собрания Американо-советского торгово-экономического совета (АСТЭС) его руководителей: с американской стороны — сопредседателя совета Д. О. Андреаса, заместителя сопредседателя Дж. Мерфи, президента совета Дж. Гиффена; с советской стороны — сопредседателя совета, заместителя министра внешней торговли СССР В. Н. Сушкова, старшего вице-президента совета Ю. В. Легеева.

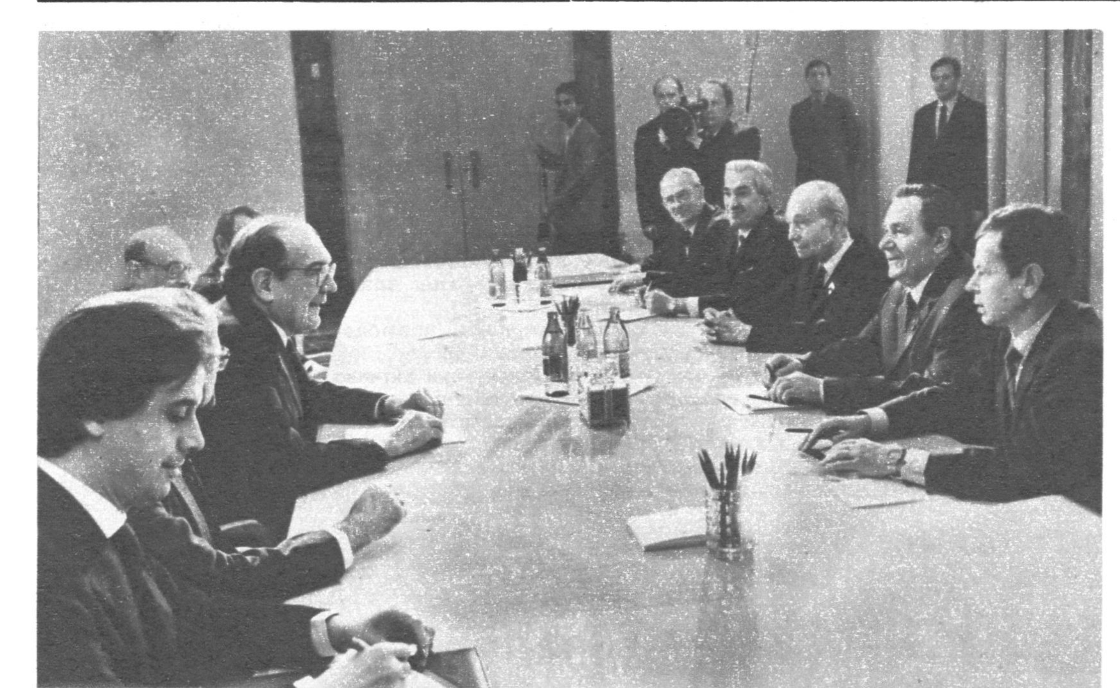
В беседе участвовал министр внешней торговли СССР Б. И. Аристов.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам отношений между СССР и США, особенно относящимся к нынешнему состоянию и перспективам двусторонних торгово-экономических связей.

На снимке: во время беседы.

Фото А. Гостева

Беседа в Кремле

10 декабря член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко принял в Кремле находившегося в нашей стране с официальным визитом министра иностранных дел Федеративной Республики Бразилии О. Сетубала и сопровождавших его в поездке лиц.

В беседе, прошедшей в конструктивной и деловой обстановке, были обсуждены проблемы, связанные с укреплением всеобщего мира и международной безопасности, а также вопросы советско-бразильских отношений.

На снимке: во время беседы.

Фото ТАСС

11 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся VI съезд Союза писателей РСФСР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ХУДОЖНИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

С одиннадцати зональных выставок были отобраны лучшие произведения живописи, скульптуры, графики, прикладного и декоративного искусства для традиционной, проходящей раз в четыре года выставки «Советская Россия», которая открылась 9 декабря 1985 года в Центральном выставочном зале столицы.

Эта яркая и многоталантливая экспозиция посвящается мастерами изобразительного искусства России XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Открытие выставки. Фото Л. Шерстенникова

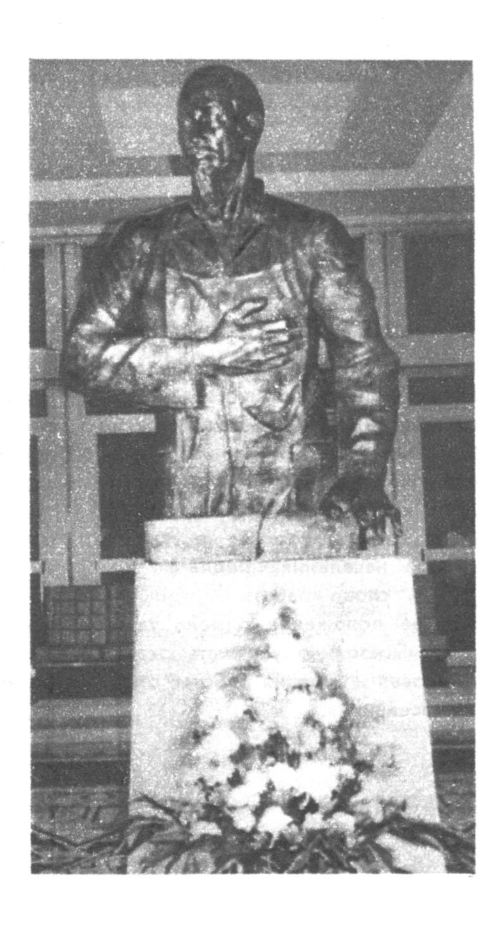
В ДУХЕ ЕДИНСТВА

В конце ноября в столице Социалистической Республики Вьетнам Ханое состоялось очередное XVI Консультативное совещание комитетов афроазиатской солидарности социалистических стран, в котором приняли также участие общественно-политические организации стран социалистической ориентации — Народной Республики Ангола, Социалистической Эфиопии, Народной Республики Мозамбик, Народной Республики Кампучия, Народной Демократической Республики Йемен, Республики Никарагуа и делегация Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). Советскую делегацию на совещании возглавлял А. С. Дзасохов, первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

На совещании были рассмотрены вопросы современного этапа движения солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки и задачи общественности на предстоящий период в свете современного международного положения, а также согласованы планы деятельности комитетов афро-азиатской солидарности социалистических стран на 1986 год.

В день закрытия Консультативного совещания состоялась торжественная церемония передачи братскому вьетнамскому народу дара Советского комитета солидарности стран Азии и Африки — скульптурного портрета первого президента Социалистической Республики Вьетнам Хо Ши Мина.

С. ВЫДРИН

ИДТИ ВПЕРЕД

Бились долго, пока создали растворный узел на автоматике. Десять кубометров бетона в час — такая у него производительность! А дальше было вот что... Установку смонтировали, наладили, и тут же выяснилось, что некому на ней работать. Искали специалистов, не нашли. Тогда... убрали автоматику, и растворный узел «вошел в строй» своих морально устаревших собратьев.

Печальную эту историю директор республиканского учебно-методического центра Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР Валентин Дмитриевич Браим рассказал специалистам вновь созданного научно-производственного объединения «Жилкоммунтехника», когда они собрались, чтобы посоветоваться по вопросам, содержащимся в проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года».

Там записано: «Поднять качество продукции и услуг до уровня лучших отечественных и мировых достижений». И еще: «Обеспечивать всемерное ускорение научно-технического прогресса, повсеместное применение его результатов в производстве и управлении, сфере обслуживания и в быту».

Поднять качество услуг... Ускорить прогресс... Что может быть важнее! Но вот проблема — создали растворный узел «на уровне», а потом пришлось от автоматики отказаться. Сколько их, таких проблем, крупных, сложных, безотлагательных, в системе республиканского Минжилкомхоза, от деятельности которого во многом зависит, как нас обслуживают дома. Надо отдать должное министерству: здесь настойчиво ищут пути решения возникших проблем.

В 1982 году тут было создано Специальное проектно-технологическое бюро (СПТБ). В его недрах родилась система «Интеллект» («Огонек» рассказывал о ней), помогающая оперативно управлять отраслью, экономить время на принятие решений, тем самым эффективнее использовать все ресурсы.

С нового года начнет действовать научно-производственное объединение «Жилкоммунтехника», что позволит сконцентрировать усилия на главном, сократить сроки разработок проектов, создать максимум возможностей для комплексного решения разных проблем. Отрасль большая, и замыслы здесь большие. Хотят на год сократить цикл «Исследование — разработка — производство», значительно увеличить объем конструкторско - технологических решений, сократить расходы на административно - управленческий аппарат.

Проблемы, проблемы... Их и обсуждают сейчас специалисты жилищно-коммунального хозяйства республики. В разговоре участвуют руководитель будущего НПО «Жилкоммунтехника» В. В. Войнило, член коллегии министерства, директор конструкторско-технологического института городского хозяйства М. Ф. Лунин, заместитель директора СПТБ по науке А. Г. Журавлев, директор республиканского учебно-методического центра В. Д. Браим, заведующие отделами СПТБ Ю. М. Ясинский и В. М. Безнис.

О чем говорят? Прислушаемся.

В. В. Войнило. Надо создавать системы автоматизированного управления жилищно-коммунальным хозяйством. Мы уже добились, что с их помощью расписание движения трамваев и троллейбусов в Минске составляется не в течение недели, как было, а за двадцать минут. Автоматы стали регулировать водоснабжение. Но это лишь начало. Большая забота — содержание жилья. Тут необходимы новые принципы обслуживания, здесь не обойдешься без технического перевооружения отрасли.

М. Ф. Лунин. А для этого требуются экспериментальная база, опытные полигоны. Появилась очень удачная сушилка лесоматериалов. А кто возьмется выпускать ее серийно? Своих предприятий мы не имеем, заводы других министерств отбиваются от наших заказов. У них свои планы. Старая техническая оснащенность новых требований не выдержит! Предстоит создать механизм, который учитывал бы новые условия труда, новые оценки его, новый принцип планирования, который отвечал бы интересам обеих сторон — обслуживаемой и обслуживающей. Ненормально ведь, а так бывает, когда фонды материального поощрения коммунальников увеличиваются параллельно росту... претензий на качество их работы. Нам нельзя рассчитывать на увеличение численности работников. Резерв один — человеческий потенциал.

В. Д. Браим. Надо кардинально менять систему подготовки кадров. Требуются инженеры, экономисты, техники, которые владеют спецификой отрасли и могут ее совершенствовать.

Думаю, что будет правильно, если мы заключим с вузами договоры на подготовку нужных нам специалистов, если будем выплачивать студентам стипендии, давать им общежитие и, естественно, приобщать их к будущей деятельности. Оправдает себя и отраслевая целевая аспирантура.

В. М. Безнис. Надо интенсифицировать труд работников службы управления. И есть тут такая опасность: надеемся на компьютеры, а вот готовы ли мы «общаться» с ними? Время думать не только о технической, но и о психологической перестройке людей.

* * *

...Полезный получился разговор. Тем более для работников сферы, от которой во многом зависит комфорт нашего быта.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Минск.

ПРЕДЛАГАЮ ДОПОЛНИТЬ

Читая проект Основных направлений, видишь большие задачи для каждого труженика нашей страны. Одобряя в целом проект, вношу следующие дополнения. В X разделе во фразу «Постоянно улучшать охрану здоровья и условия отдыха населения» предлагаю добавить слово «работы», чтобы это важное положение обрело такой вид: «Постоянно улучшать охрану здоровья и условия работы, отдыха населения».

В следующем абзаце начало фразы: «Развивать сеть лечебно-профилактических учреждений» — предлагаю заменить на: «Развивать сеть ювенологических клубов, профилакториев и лечебных учреждений». Дело в том, что только в одном Зеленоградском ювенологическом клубе укрепили здоровье более трех с половиной тысяч трудящихся. Работает успешно ювенологический клуб в Первомайском районе столицы. Организуются ювенологические клубы в Ленинском и Севастопольском районах. В десятках городов подобные клубы восстанавливают молодость многим людям. В Минздраве СССР есть секция ювенологии, руководить которой поручено мне. В ювенологических клубах желающие заниматься бегом овладевают техникой саморегуляции, всячески укрепляют свое здоровье. Люди перестают болеть простудными и другими болезнями. Для такой профилактической работы используются пустующие спортивные сооружения, школы, особенно в вечерние часы. Предлагаю в конце того же абзаца добавить: «Создать государственный ювенологический центр».

Е. КРАСОВСКИЙ,
профессор,
доктор медицинских наук

Москва.

ДОВЕРЕНО ХУДОЖНИКУ

Вия АРТМАНЕ, народная артистка СССР

Сегодня у меня свободный вечер, и я иду во Дворец культуры одного из лучших предприятий Риги — производственного объединения ВЭФ. Более двадцати лет я здесь председатель художественного совета. Ныне в великолепном здании Дворца культуры занимаются более пяти тысяч участников художественной самодеятельности. Интересные, талантливые люди. Каждый находит занятие по душе. Вот и я прихожу сюда, зная, что меня ждут. Люблю наблюдать, слушать, учиться. Порой ловлю себя на мысли, что счастлива, когда вижу тех, кого мне, быть может, суждено показать на сцене. Я живу их заботами, делами. Вот такое непосредственное общение важно чрезвычайно. Как много мы берем в эти минуты друг от друга и как много отдаем!.. Художник не может создать образ без подлинного знания жизни. Он всегда должен быть с народом. Уверена, общественная деятельность помогает ощутить свою полезность, усиливает гражданскую активность, дает заряд духовной бодрости. Потому и спешу в свой Дворец культуры.

Актер, как и каждый работник искусства, просто обязан вести общественную работу, проявлять себя в любых ее областях. Убедилась в том на собственном опыте, будучи и депутатом Верховного Совета Латвийской ССР, председателем Латвийского театрального общества, одним из заместителей председателя Советского комитета защиты мира. Знакома с людьми самых разных профессий, возрастов, которые, в свою очередь, находят всегда время для того, чтобы посвятить его людям. По потребности души они делятся знаниями, умениями. Мы идем навстречу друг другу. Радостно, когда видишь полезность своего труда, чувствуешь отклик в сердце человека.

Когда прочитала газету с опубликованным текстом проекта новой редакции Программы КПСС, особое внимание обратила на раздел «Идейно-воспитательная работа, образование, наука и культура», в котором определены задачи, обращенные и к нам, работникам цеха искусств. Задумалась: а в чем конкретно выразится мое участие в решении задач, поставленных Коммунистической партией? Безусловно, за минувшие годы в стране достигнуты определенные успехи в эстетическом воспитании. Но то было вчера, а сегодня выдвигаются новые требования, человек растет и утолить его духовные потребности становится все труднее. Вопрос эстетического воспитания представляется как комплекс задач. Например, говоря о досуге, стоит задуматься не только о помещении для проведения вечеров отдыха, концертов, занятий любимым делом, но и об интерьере, комфорте, уюте, подборе квалифицированных кадров, которые помогли бы людям провести свой свободный час. У нас в Риге молодежь любит собираться в маленьких кафе, где обстановка располагает к неторопливой беседе, разговору за чашкой кофе. При соответствующей инициативе эти места отдыха могут стать клубами поэтов, художников, музыкантов. Думаю, в гости к ребятам с удовольствием придут мастера сцены, слова, литературы. Воспитывая любовь к прекрасному, мы сможем способствовать преодолению многих негативных явлений.

Обращаясь к прошлому, явственно видишь, насколько богаче, полнокровнее стала жизнь сегодняшнего дня. Эти перемены не только радуют, вдохновляют, но и заставляют более пристально вглядываться в жизнь. Откровенный, порой и нелицеприятный разговор, осуждение чуждых нашему обществу явлений помогают увидеть подлинную красоту поступков, мыслей, чувств. Исстари повелось, что театр — школа познания добра и зла. На помощь ему двадцатый век привел радио, телевидение. Слово художника вошло в каждый дом, стало действенным помощником и в вопросах идеологической работы, воспитания. И все же... Как актриса театра и кино скажу откровенно — нам предстоит серьезная работа. Ведь еще случается открывать занавес для произведений слабых, поверхностных. Голод на хороший, крепкий материал принуждает брать такие сочинения. И, работая с ними, режиссер и актеры надеются в конце концов довести пьесу, сценарий до желаемого. Но такое случается редко. Как правило, чуда не происходит, и зритель встречает премьеру прохладно, слегка похлопав для вежливости. У нас в Латвии существует прекрасная поэтическая школа, а вот проза, драма оставляют желать лучшего. И не всякая попытка инсценировки приносит успех. Только те произведения способны дойти до сердца зрителя, что написаны со знанием жизни, ее проблем. А это, как известно, невозможно постичь в тиши кабинета. Наступил час, требующий от каждого художника пересмотреть сделанное. Следует активно включаться в работу. И, не останавливаясь на достигнутом, смело шагать вперед.

Несомненно, гласность, серьезное критическое слово — добрые помощники. Но порой бывает и так, что, оценивая работу художника, рецензент отталкивается от стереотипа, создаваемого на протяжении десятилетий, прочно утвердившегося и на сцене, и в произведениях литературы. Но вот на сцене тот же образ, но решенный уже в ином ключе. Критика в растерянности...

Серьезное, вдумчивое, авторитетное мнение дает толчок для последующих дерзаний, для анализа. Мне всегда интересно знать правду. Красивые, ни к чему не обязывающие слова вызывают раздражение, досаду. Мы часто говорим об этом на заседаниях своего театрального общества, нас волнует, тревожит, когда о работе говорят вроде бы много, а конкретно — ничего.

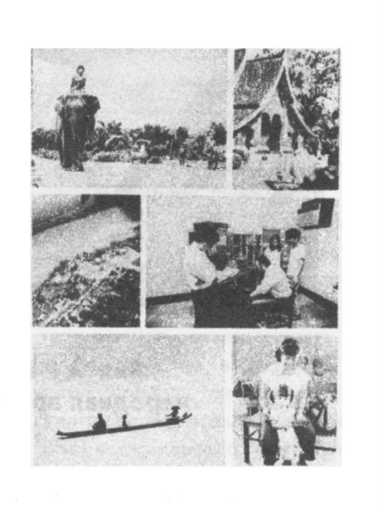
И вот еще одна тема, о которой хотела поговорить,— о положительном герое. Создавая образ, автор порой забывает, что его герой прежде всего человек. Ведь не родился он сразу таким, а стал, сформировался, выбрал определенные жизненные пути и позиции. Положительность должна проявляться не на словах, а на деле, в понимании социальных, нравственных задач, в преодолении собственных слабостей, переживании ошибок. Не монумент, а — человек. Знаю многих передовиков производства, ученых, художников. Интересные люди, совершающие полезное, важное дело. И как далеки от них некоторые положительные герои сцены, кинематографа! Надуманные, искусственные, лишенные жизненной правды. Так и хочется сказать авторам таких произведений: выйдите на улицу, пройдитесь по городу, постучитесь в двери предприятий, учреждений, познакомьтесь с людьми, узнайте их судьбы! А уж потом пишите.

У каждого коммуниста, каждого советского человека опубликованные партийные документы вызвали не только горячий интерес, но и желание работать согласно выдвинутым в них задачам. Сейчас идет всенародное обсуждение документов, идет серьезнейший разговор о дне сегодняшнем и завтрашнем. Запечатлеть его будет доверено лишь подлинному художнику. И каждый из нас должен доказать свое право на доверие. Доказать своими делами.

К 10-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЛАОССКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Александр ЖАКОВ

Буннак из деревни Ма

Дороги Лаоса. Вытянутые с севера на юг, они артериями соединяют провинции, города и деревни древней страны. По дорогам Лаоса интересно путешествовать и ранним утром, когда оживленными группами идут на поля крестьяне, и днем, когда остановка у деревенской кофейни несет короткое избавление от полуденной жары, и вечером, когда заканчивается работа и люди собираются вместе, чтобы обсудить последние новости или устроить небольшой импровизированный концерт.

Сегодня, кажется, нет ни одного лаосца, которого не коснулись бы экономические, социальные, политические преобразования в республике. Буквально все они могут поведать о переменах, происшедших на их глазах, — ведь республика молода, ей всего десять лет!

Мне хочется рассказать о моем друге, крестьянине, большая часть жизни которого прошла в маленькой деревушке Ма, расположенной на стыке северных провинций Сиангкхуанг и Самныа. Я познакомился с ним несколько лет назад, когда в этом районе сдавался в эксплуатацию один из первых объектов советско-лаосского сотрудничества—автодорожный мост, соединивший берега горной реки Нён. Сегодня, возможно, подобное событие и не вызвало бы столь большого стечения народа, ведь в Лаосе уже не первый год действуют сооруженные с помощью СССР госпиталь, нефтебаза, мастерские по ремонту автомашин и сельхозтехники, госхоз, станция спутниковой связи и многое другое. Но тогда вокруг новостройки все было запружено рабочими, инженерами, жителями окрестных деревень. На митинге говорили о трудовом энтузиазме мостовиков, о помощи местного населения — это позволило завершить сооружение моста досрочно. Тогда же я узнал, что сокращению сроков строительства во многом способствовало то, что часть необходимых материалов удалось найти на месте: тот же щебень, который собирали по руслу реки. С Буннаком меня познакомили после митинга и тут же заметили, что ему принадлежит открытие самых больших россыпей речной гальки. На следующий день я был в деревне Ма гостем на дне рождения Буннака. Тут-то и услышал удивительные истории, рассказанные хозяином, и о самом хозяине дома...

Буннак не молод, но и сейчас в своей деревне слывет первым упрямцем и непревзойденным оригиналом. «На его счету много изобретений, — говорили о нем,— правда, авторство их не зафиксировано нигде...» Это неудивительно, ведь грамоте он выучился уже в преклонном возрасте... Тогда в его провинции Сиангкхуанг появилась группа юношей и девушек, приехавших специально, чтобы покончить с веками царившей неграмотностью. Местные старички разворчались, негоже, мол, на старости лет в школьники записываться, как раньше жили, так и теперь проживем, учение — это для молодых, у тех голова еще, заботами житейскими не забита. И Буннак ворчал вместе со всеми. Через год спохватились старички, поняли, какие возможности дает чтение газет, записались в группу по ликвидации неграмотности. Учеба шла с трудом для всех, но не для Буннака. Все ему давалось быстро, легко. Посмеивался он над престарелыми «одноклассниками», однако секретов своих успехов не выдавал.

— Есть у меня одно небольшое открытие, — стараясь говорить серьезно, пояснял он, — раскрывать его вам пока не стану, потому как это, так сказать, внутреннее изобретение.

«Секрет» в конце концов раскрылся. Оказалось, весь предыдущий год Буннак занимался со своей внучкой, только что поступившей в школу, потому и был более подготовлен к учебе.

— Что же ты изобрел? — спросили его.

Буннак не замедлил с ответом:

— Если бы не мои успехи в группе, многие бросили бы занятия. А так — не хотели отставать, показать себя глупее. Короче, я открыл способ, как полюбить учебу...

Буннак любит поговорить, притом обязательно приукрасить свои рассказы. Мне же нравилось его слушать.

...Это было во время борьбы за независимость. Буннак отправился погостить к своим родственникам, жившим в небольшом городке, где-то в районе Долины кувшинов. Шел он как-то вечером по центральной улице и вдруг в кафе увидел своего племянника. Сидел тот грустный, молчаливый, лишь подливал в высокий стакан пиво из бутылки. Буннак подсел к нему и, как давний противник подобной выпивки, сразу спросил, что, мол, случилось, какой повод для столь пустячного времяпрепровождения?

— Для тебя, дядя, не секрет, — объяснил юноша.— Я член боевой организации молодежи. Сложилась смертельная ситуация для двух десятков моих товарищей: они удерживают небольшой пункт километрах в пятидесяти отсюда и не могут самостоятельно пробиться. Местные каратели выступят часа через три, у них бронемашина... У нас же нет ни грамма взрывчатки, а только так можно было бы помочь ребятам, перехватив карателей за городом. Вот и остается сидеть и ждать, пока будут убивать наших патриотов, — опустил голову племянник.

Буннак посмотрел, как с шипением была открыта очередная бутылка, и вдруг сказал:

— Придумал я, как карателей из машины вытащить. Времени для объяснений нет. Через два часа ребята должны с оружием быть у моста, в пяти километрах за городом. Я тоже буду там, тогда все поймешь. А сейчас торопись.

В назначенный срок все были на месте. Едва Буннак расставил людей в засаде по обе стороны моста, как послышалось урчание мотора...

Надо сказать, что дорожные мосты того времени — их и сейчас везде много в Лаосе — были крепкими, но довольно узкими. По краям мосты обивались рифлеными металлическими полосами. Ездить было непросто, но умелые водители проскакивали их, не снижая скорости.

Едва машина взлетела на мост, как все услышали взрыв, и в следующую минуту она уже лежала в овраге. Высыпавших из нее карателей встретил огонь подпольщиков...

— Это было мое собственное изобретение в области пиротехники,— подчеркивает каждый раз Буннак.— Все очень просто. Вы помните, я на полчаса уходил из кафе домой? Там выяснил, какой шумовой эффект от разбитых бутылок с пивом. Громче всех взрывалось пльзеньское. Я закупил его пару ящиков и на ручной тележке отвез к мосту. К приходу отряда успел рассовать бутылки под колею. Водитель, как я и рассчитывал, испугавшись взрыва, крутанул руль в сторону, а машина перевернулась в овраг.

Вот такая история. Как говорится: хотите — верьте, хотите — нет. Но боевая медаль, которую всегда демонстрирует после этого рассказа старик, становится главным аргументом для сомневающихся.

Я уже упоминал о дне рождения Буннака. Это важное событие в жизни деревни, так как за ним стоит его очередное изобретение из области, так сказать, геронтологии. Возраст старика установлен далеко не точно. В Лаосе не очень принято отмечать личные даты, поэтому, когда десять лет назад, в декабре семьдесят пятого, Буннак пригласил чуть ли не всю деревню Ма на свой день рождения, многие были удивлены. Еще более удивительной выглядела речь, сказанная им во время торжества. Вкратце она сводилась к тому, что, хотя точных данных о времени своего появления на свет Буннак не имеет, он решил отмечать эту дату в день рождения нового государства — Лаосской Народно-Демократической Республики.

— По виду мне сейчас лет шестьдесят пять,— говорил Буннак.— Годы эти я прожил при старом режиме, а что это такое, вам объяснять не надо. Тогда и старость было не обидно! А теперь впереди новая, счастливая жизнь, и остаться в ней мне хочется как можно дольше. Свои годы я не считаю старостью — душой я всегда молод.

С тех пор и отмечает старик ежегодно свое шестидесятипятилетие. Смеялись поначалу над очередным его чудачеством, а теперь многие уже сомневаются, может, что-то есть в этом очередном открытии: годы идут, а Буннак вроде и не меняется...

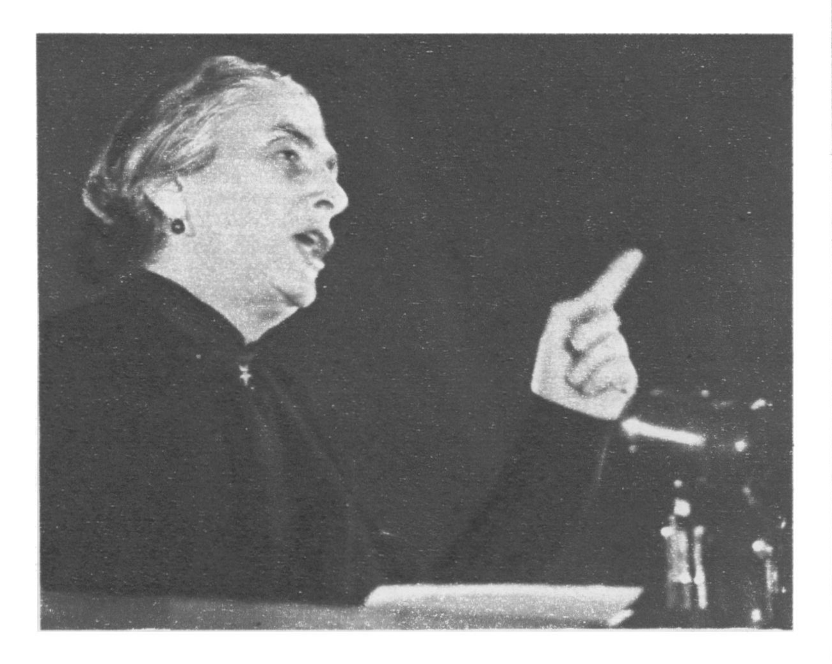
Сиангкхуанг— Вьентьян — Москва.

АПН — специально для «Огонька»

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ

Имя ее знают во всем мире. Это имя борца за дело рабочего класса, за свободу и лучшую жизнь своего народа. Долорес Ибаррури — ветеран и видный деятель испанского и международного коммунистического и рабочего движения. В эти дни из всех стран мира, из Советской страны, где она прожила многие годы, ей шлют самые горячие приветствия и поздравления.

Долорес родилась 9 декабря 1895 года. Ее отец был шахтером, и сама она начала трудиться с самых ранних лет. В 1917 году она вступила в Испанскую социалистическую партию и стала активной участницей рабочего движения, а в 1920 году, после создания Коммунистической партии Испании, она была избрана членом самого первого комитета компартии, созданного в ее родной провинции Бискайя. Долорес Ибаррури выступала в рабочей печати под именем «Пасионария» — «Пламенная» и вскоре приобрела широкую популярность. За свою революционную деятельность она неоднократно подвергалась политическим преследованиям и тюремным заключениям.

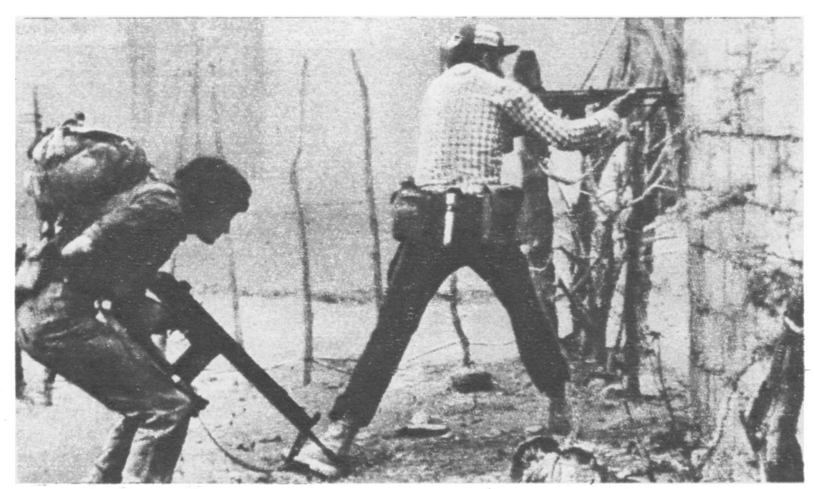
С именем Пасионарии навечно связано героическое сопротивление испанских республиканцев фашистским мятежникам и иностранным интервентам в период национально-революционной войны 1936—1939 годов. Это она совместно с другими коммунистами возглавила восставших рабочих-антифашистов Астурии. Можно сказать, что она стала символом охватившей весь мир солидарности с Испанской республикой. Ибаррури сыграла большую роль в организации интернациональной помощи в те тяжелые дни своему народу. Как известно, Советский Союз оказывал тогда Испанской республике широкую всестороннюю помощь, и многие советские добровольцы пали на фронтах Испании.

В годы второй мировой войны Долорес Ибаррури стала Генеральным секретарем Коммунистической партии Испании и прилагала все силы для организации всенародного сопротивления фашизму. За победу над фашизмом отдал свою жизнь в боях под Сталинградом ее сын Рубен Ибаррури, подвиг которого был отмечен Золотой Звездой Героя Советского Союза.

В Испании 90-летие председателя коммунистической партии Долорес Ибаррури отмечалось широко и торжественно. Более 20 тысяч представителей партийных и других общественных организаций из различных провинций собрались в мадридском дворце спорта. Появление в зале легендарной Пасионарии было встречено бурными аплодисментами. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза обратился к ней с приветствием, в котором пожелал ей доброго здоровья и успехов в работе на благо трудового народа Испании, ради единства всех испанских коммунистов на основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, во имя дружбы между советским и испанским народами, торжества идей мира и социализма.

П. ЮРЬЕВ

На снимке: Долорес Ибаррури, ноябрь 1949 года.
Фото А. Гостева

Бойцы ФНО в ходе боевой операции. Фото из журнала «Камбио-16».

ПЕРВЫЕ РОСТКИ НОВОГО ОБЩЕСТВА

САЛЬВАДОР

Более четырех лет идет гражданская война в Сальвадоре. Народ, доведенный правящей кликой и монополиями США, хозяйничающими в стране, до полной нищеты и отчаяния, взялся за оружие.

Патриотические силы Сальвадора, возглавляемые Фронтом национального освобождения имени Фарабундо Марти и Революционно-демократическим фронтом, добиваются все более значительных политических и военных успехов. Сегодня под контролем их подразделений — более трети территории страны. О жизни сальвадорских трудящихся в освобожденных районах рассказывает член Международной комиссии Коммунистической партии Сальвадора Мария МАРТИНЕС.

— Во всех районах, находящихся под контролем Фронта национального освобождения, создаются органы народной власти. Они избираются самими жителями. Во главе каждого освобожденного района стоят генеральный секретарь, начальник народного ополчения и ответственный за снабжение населения продовольствием.

Одна из главных задач органов народной власти — безопасность подопечной территории. Ведь правительственные войска не прекращают попыток вернуть утраченные районы. Они постоянно ведут массированные бомбардировки освобожденных зон. Раньше подразделения патриотов несли серьезные потери. Но главным образом жертвы были среди беззащитного мирного населения. Сейчас мы создали целую сеть бомбоубежищ, и нам удается своевременно оповещать людей о предстоящих налетах. Кроме того, у нас уже появился немалый опыт в борьбе против бомбардировочной авиации и военных вертолетов. Наши силы противовоздушной обороны успешно отражают их атаки. Уже уничтожено несколько военных вертолетов правительственных войск.

Главное внимание органы народной власти, естественно, уделяют развитию сельского хозяйства. Необходимо кормить жителей, а также снабжать продовольствием бойцов ФНО. Выращиваем рис, овощи. Стараемся развивать и животноводство. Но постоянные военные действия сильно тормозят развитие этой отрасли. Мяса еще недостаточно для всех. Оно распределяется пока по госпиталям, больницам и семьям, где есть дети.

В районах, контролируемых патриотическими силами, возникают первые кооперативы. Мы считаем, что это ростки нового общества, новых общественных отношений. Большую помощь органам народовластия оказывают женщины. Чтобы облегчить им условия труда, мы создаем детские сады. Они расположены в надежных укрытиях и охраняются бойцами партизанских отрядов.

Большинство крестьян в стране неграмотно. Поэтому мы проводим широкую кампанию по ликвидации неграмотности.

Очень важно для нормализации жизни освобожденных зон медицинское обслуживание. Оно практически полностью отсутствовало во времена диктаторских режимов. Мы строим полевые госпитали, пункты медобслуживания бойцов наших отрядов, наладили оперативную медицинскую помощь раненым. Наши врачи оказывают медицинскую помощь населению. Поэтому значительно сократилось число заболеваний, снизилась детская смертность.

Конечно, это только первые, еще робкие ростки новой жизни. Люди на освобожденных территориях приветствуют ее и всячески помогают нам. Мы уверены, что наша справедливая борьба за счастье народа Сальвадора закончится полной победой и опыт, приобретаемый нами, послужит для построения нового, справедливого, демократического общества на нашей многострадальной родине.

АПН — специально для «Огонька»

СХВАТКА С ДИКТАТУРОЙ

ЧИЛИ

Режим Пиночета обрушивает на чилийцев жестокие репрессии, пытаясь подавить их выступления против диктатуры, за восстановление свободы и демократии. Сам диктатор с невероятным цинизмом отвечает, что его военный режим якобы «никогда не был диктатурой», однако он «готов пойти на более жесткие меры, чтобы спасти страну». Интересно, от кого кровавый убийца хочет спасать многострадальную Чили? Уж не от тридцати ли тысяч зверски замученных патриотов в полицейских застенках Пиночета?

На снимке: так чилийские власти расправляются с участниками демонстрации протеста против режима Пиночета. Фото ТАСС

Давид ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЗ О БЫЛОМ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Давид Абрамович Драгунский — дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск. Участвовал в боях на озере Хасан, а в Великую Отечественную войну — под Смоленском, Москвой, Курском, Харьковом, Киевом, в освобождении Польши, Германии и Чехословакии.

С 1969 года — начальник Высших офицерских курсов «Выстрел».

Д. А. Драгунский является председателем Антисионистского комитета советской общественности.

ыл сентябрь 1941 года. Третий месяц Великой Отечественной войны — трудное, суровое время. На нашем участке Западного фронта шли бои с переменным успехом. Продолжалась редкая артиллерийская дуэль.

В один из очередных артиллерийских налетов снаряд большой мощности угодил в блиндаж. Под обломками оказались командир дивизии генерал-майор Коваленко и многие из его штаба. Ударной волной меня отбросило к дальнему углу, и только к вечеру я пришел в сознание.

На фронте мы привыкли к случайным и предвиденным смертям, катастрофам. Ведь война в конечном счете — поединок жизни и смерти. И все-таки каждый раз, когда сталкиваешься с ней, особенно когда это происходит на твоих глазах, становится нестерпимо мучительно и больно.

Тяжелое ранение генерала Коваленко горечью отдалось в моем сердце. Около трех месяцев я командовал отдельным танковым батальоном в его дивизии под Смоленском, Духовщиной, Батурино. Провожая нас в бой, генерал напутствовал: «Сынки мои, мы воюем за Советскую Родину, за нашу Россию, будьте достойны ее!»

Да, генерал Коваленко был настоящим патриотом.

Из рассказов командиров его штаба и политотдела мы узнали о его жизненном пути. В годы первой мировой войны он был удостоен двух Георгиев за неоднократные рукопашные схватки с немцами. В гражданскую войну комдив прошел почти все фронты, дослужившись до командира полка. Ныне со своей дивизией он отстаивал каждую пядь нашей Родины. На Смоленщине он удерживал врага два месяца, не пропустив его на своем участке ни на шаг...

Но фронтовая жизнь брала свое. Мы усилили ответные удары. В этот период комдивом был назначен начальник штаба Виктор Семенович Глебов. Вступив в командование дивизией, он сразу же завел со мной разговор:

— У тебя в батальоне остался всего один танк, там делать нечего. Назначаю тебя исполняющим обязанности начальника штаба дивизии.

Мне хотелось остаться в танковых войсках, тем более что я ждал пополнения. Но Глебов был неумолим. С Виктором Семеновичем мы вместе учились в Академии имени Фрунзе. Командуя отдельным танковым батальоном, я находился в распоряжении его дивизии. Сопротивление ни к чему не привело. Я отлично знал силу фронтовых приказов. Так я стал исполнять обязанности начальника штаба 242-й стрелковой дивизии.

Разведка всех видов доносила о подходе вражеских резервов: подтягивались артиллерия, танки, подвозились боеприпасы. Ночи стали тревожными. Мы, в свою очередь, делали все возможное, чтобы усилить оборону: зарывались поглубже в землю, строили огневые точки, блиндажи, укрытия.

Обстановка на нашем участке фронта все более осложнялась. Мы не смыкали глаз. Солдаты и офицеры заняли свои места в окопах и траншеях, на огневых позициях, наблюдательных пунктах... Все ждали наступления гитлеровцев.

С рассветом в первых числах октября наступление началось... Удар огромной силы, сопровождаемый каким-то невероятным гулом, обрушился на наш блиндаж: заскрипели толстые бревна четырехслойного наката, отвалилась противоположная от меня стена, погасла коптилка, запахло гарью. Кто-то крикнул: «Спасите!» — и все затихло...

Нужно было без промедления выходить из зоны огня противника. Оставив свой КП, мы взяли курс на север.

Гитлеровцы захватили в нашем тылу село Батурино, разгромили склады с боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Мы начали отход на северо-восток, по пути к нам присоединялись подразделения пехоты и артиллерии, а к вечеру — полк, которым командовал майор Максимов.

Наступила ночь, полная тревоги. Казалось, горел весь небосвод, на юго-востоке и севере пылали деревни, неубранные поля, некошеные луга. Мы оказались в тылу наступающих гитлеровцев. Лесными топкими дорогами дивизия с трудом пробиралась в сторону Ржева, на соединение с главными силами армии.

Не успели мы выйти из зоны вражеского огня, как повисли на хвосте большой мотоколонны гитлеровцев, шедшей впереди нас.

Первым вступил в бой полк Максимова. Удар с тыла по фашистам был внезапным и ошеломляющим. Немецкие тылы и обозы бросились в панике бежать. Пытаясь выйти из-под ударов, они стали обгонять свои боевые подразделения, смешались с ними, и, как бывает в таких случаях, все перепуталось.

Паническое бегство противника подняло на ноги немецкий гарнизон Осуги. Над нами закружила «рама», постоянная предвестница недоброго. Оставалось одно: немедленно уходить на север, скрыться в близлежащих лесах, а с наступлением ночи совершить бросок через железнодорожное полотно, идущее из Осуги на Ржев. Но осуществить этот план было не суждено. Появились «юнкерсы», а следом поползли и фашистские танки. Этой силе мы могли противопоставить только несколько «сорокапяток», десяток противотанковых ружей, сотню бутылок с зажигательной смесью.

К ночи вражеская авиация угомонилась, напряжение боя ослабло, фашистские танки под покровом темноты отошли на восток. Нам удалось прорваться через заслон немецкой пехоты. Всю ночь мы шли лесными тропами. Компас выводил нас на север. Только жажда жизни и непреодолимое желание бороться с врагом до последнего поддерживали наши истощенные силы.

Тяжелораненых несли на палатках, носилках. В ту ночь мы совершили двадцатикилометровый марш. К утру, изможденные, обессиленные, добрались до заброшенной поляны, заросшей пожелтевшей травой. Здесь и решили сделать привал.

Шел седьмой день нашего пребывания в тылу врага. Накануне крепкий морозец сковал землю. Мы, уставшие, едва волочили ноги. До долгожданного леса уже рукой подать, но этот трехкилометровый болотистый участок мы преодолевали с трудом. Только к полудню добрались до большой поляны.

День выдался солнечным, сухим. Мы немного обсушились, обогрелись... Ждало нас и радостное известие: нашлась потерявшаяся несколько дней тому назад разведывательная группа. До сих пор мы были уверены, что противник находится от нас далеко. Но разведчики в двадцати пяти — тридцати километрах обнаружили район сосредоточения вражеских танков, огневые позиции артиллерии.

Докладывая об этом, ободренный похвалой командира дивизии разведчик-сержант, ткнув пальцем в карту, продолжал:

— А вот здесь, на опушке леса, находится маленькая деревушка; туда проходит лежневка — деревянная дорога, наподобие железной. По ней зимой волокут лес. А с этой стороны тянется какая-то железнодорожная ветка. Немцев мы там не обнаружили.

Все обступили карту: на ней не было ни деревни, ни железнодорожной ветки и никакой лежневки.

— Что-то не так,— засомневался я,— не путаешь ли?

Разведчик развел руками:

— Что вы, товарищ капитан, я же сам подходил к дороге. Вчера видел там целый железнодорожный эшелон, вагонов пятнадцать, не меньше. Мои ребята хотели вскрыть пломбы, но я не разрешил.

Через час ведомый мною отряд пробирался к деревне, о которой сообщил разведчик. Мы действительно увидели лежневку, а затем, пройдя с километр сквозь кустарник и обнаженные деревья, издали заметили товарные вагоны. Бегом бросились к ним.

Мы надеялись найти оружие, боеприпасы, но обнаружили продукты. Вызванные на помощь бойцы мигом разгрузили вагоны, унося с собой муку, крупу, кофе-цикорий, которые могли в этот трудный час поддержать истощенных людей.

Послав группу разведчиков осмотреть деревню, я с ординарцем вошел в ближайший дом. Хозяйка не сразу откликнулась на стук и впустила нас только после неоднократных просьб.

Мрачное лицо молодой женщины не настраивало на разговор. В углу пугливо жалась девочка лет трех.

— Не бойтесь нас. Я хочу знать, не были ли в вашей деревне немцы? Как пройти на восток?

Круглолицая, темнорусая женщина с большими карими глазами, по-настоящему красивая, смотрела на меня пугливо. Молча мы разглядывали друг друга. Конца немой сцене, казалось, не будет. В глазах женщины сквозила какая-то грусть, смешанная с недоумением и непониманием.

— Что неласковы? — первым заговорил я.

— А что, прикажете плясать от радости? — с издевкой в голосе спросила хозяйка.— Сами, небось, видите, что делается вокруг. Все пропало, погибли мы... Погибли...

Крупные слезы текли по ее лицу. Не понимая происходящего, девочка быстро подбежа-

НАСТАСЬЯ

Э. Белогуров. Род. 1947. АКЦИЯ МИРА. 1983.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

О. Сильянов. Род. 1950. ЗА МИР. 1984.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

ла к матери. Она, видимо, решила, что я обижаю самого близкого ей человека. Мать обняла девочку, прижала ее к себе:

— Катенька, не плачь, это наши дяди.

Все замолчали.

В этот момент мои мысли унеслись в родное село Святск, на Брянщину. Там, совсем близко от леспромхозовской деревни, живут мои отец, мать, сестры и их дети. Что с ними? Не происходит ли и у них такая же трагедия?

Как же я был сейчас похож на эту беспомощную женщину в своей тревоге и неведении...

Я вновь первым нарушил молчание:

— К чему казнить себя? Все не так уж страшно.

Женщина в сердцах крикнула мне в лицо:

— Не страшно, говоришь? Немцы, сказывают, к Москве подходят. Вражеские танки уже три дня как недалече от нас гудят, идут и идут на Осугу и Вязьму. Не сегодня-завтра эти изверги придут к нам на постой, кто будет защищать нас? — Слезы злости, обиды, беспомощности катились по ее лицу.— Все вы отходите, а нас отдаете ворогу на поругание. Вот уже третий день такие, как вы, забегают и все спрашивают дорогу на восток. Ни один не спрашивает дорогу на запад, на Белоруссию, на Польшу!

Слова крестьянки кнутовищем хлестали по лицу. А она все не унималась. И тогда меня взорвало:

— Спрашиваете, кто виноват во всем? Фашисты виноваты. И очень жаль, что вы не понимаете этого. А вот нас вы зря хороните. Мы живы и еще будем бить врага беспощадно.

— Ты мне, командир, лекций не читай. Мой Иван тоже хвастался: сунется, мол, кто — в дым развеем... А теперь, царство ему небесное, сложил свою голову где-то под Минском.

И снова, покрепче прижав к себе девочку, гладя ее по голове, залилась горькими слезами, причитая: «Сиротинушка ты моя, пропали мы с тобой! Ой, пропали...»

Чтобы как-нибудь облегчить страдания и растерянность женщины, я почти скороговоркой произнес:

— Да поймите же вы наконец, что, когда в деревне горит дом, все до единого, от мала до велика, сбегаются на пожар. Сейчас фашистский пожар охватил всю страну, и мы должны, обязательно должны затушить этот общий пожар. И мы его затушим!

Не переставая плакать, женщина в упор смотрела на меня. До глубины души было жалко ее. Я подошел к ней близко, хотел успокоить, но не смог подобрать сразу нужных слов. Тогда я обнял ее, словно это была моя мать или сестра, и спросил:

— Зовут тебя как?

Женщина тихо произнесла:

— Настасьей звали...

— Почему звали? Что ты преждевременно хоронишь себя? Мы еще к вам обязательно вернемся! И не только вернемся, но и прогуляемся по неметчине, по Берлину...

— Дай бог, дай бог, браточек! Неужто вернется наше счастье? Буду ждать. И уже тогда ничего не пожалею для наших освободителей. Последнего гуся зажарю.

Я поцеловал ее в соленые от слез губы. В эту минуту она показалась мне самой родной, мелькнула мысль: «Когда-нибудь обязательно заеду сюда, пусть Настя знает, что я не бросал слова на ветер». Я верил, что наступит такое время.

Мысли мои прервал гул моторов и лязг гусениц. На окраине деревни показалась колонна немецких танков и автомашин. Не останавливаясь, они мчались по улице.

В дом вбежал возбужденный разведчик:

— Мы в ловушке, товарищ капитан, немцы нас захлопнули!

Я кинулся к окну. Колонна фашистов двигалась по улице, держа курс на большак, идущий к Осуге.

Ко мне подошла Настасья.

— Капитан, идите за мной. Я вас спрячу в погребе, а ночью можно податься в леса, которые тянутся до Ржева и Старицы.

Схватив за руку, она потянула меня за собой. Ординарец и разведчик пошли за нами. Мы оказались в большом, захламленном дровами, травой ветхом сарае.

Не сразу мы поняли, куда ведет нас Настасья. В темноте она разгребла солому, открыла люк, и мы нырнули в темную яму. Это был погреб. «Хлопцы, пока не выходите без меня. Я вас закрою соломой»,— послышалось сверху. Потом раздалось шуршание — и все стихло.

Разведчиком был Тимоха Ткач; я его знал давно: самый лихой, бесстрашный в нашем разведбате солдат. Он первым нарушил тишину, охватившую нас в погребе:

— Уж не ловушку ли нам устроили? — И, не получив ответа, продолжал: — Не будь этого погреба, нас застукали бы немцы... Ладно, поживем — увидим.

Наступило гнетущее молчание.

Усталость брала свое. Шел седьмой день с того момента, как мы с боями стали отходить от смоленских, батуринских лесов. И сейчас сон мгновенно сковал нам веки. Первым зашевелился, что-то бормоча себе под нос, Тимоха. За ним вскочили и мы с адъютантом Сашей. Стрелки светящегося циферблата на моих танковых часах показывали второй час ночи. Снаружи доносились какой-то гул, чей-то говор и скрип колес. Поднявшись по лестнице к люку, я услышал команды и разговоры на немецком языке.

Настороженные, держа в руках наганы, ручные гранаты, а Тимоха еще и автомат, мы были готовы вступить в неравный бой.

По шуму, хохоту, топанью сапог над нами мы поняли: немцы здесь же — на дворе, в доме, в деревне. Надо было выждать еще...

В голове у меня одни мысли сменялись другими: а что если выскочить из погреба, закидать немцев гранатами, открыть стрельбу, а потом через изгородь податься в лес, ко Ржеву, к своим... Ну, а Настя, ее дочурка? Уцелеют ли они в этой схватке? Их, конечно, в первую очередь расстреляют. За что они должны страдать? Она же, спасая нас, рискует своей жизнью.

Нет, надо выждать. Очень хочется жить, драться с врагом, победить его! Ведь только вчера говорил этой женщине, что верю в победу, что я еще буду в Берлине!

С этими мыслями я задремал. Вдруг сквозь сон я услышал над головой какое-то царапанье. Проснулись Тимоха, Саша и стали жадно прислушиваться к этому непонятному звуку. Шум становился все явственнее, а потом раздался глухой стук в углу погреба: рядом со мной упал кирпич.

Взоры наши были прикованы к спасительному углу, к отверстию, откуда продолжали сыпаться пыль и кирпичная крошка. Я подошел ближе и услышал тихий шепот:

— Держитесь, хлопцы! Не выходите из погреба. У нас в деревне большой конный обоз... А это вам подкрепиться...— И к нашим ногам упали хлеб и кусок сала.

— Спасибо, Настасья,— только и успели сказать мы.

Она заткнула чем-то дырку в стене, и в нашей яме снова воцарилась тишина и темнота.

Появление Насти было для нас искоркой радости, надеждой на освобождение. Значит, не все пропало. Только не унывать, верить, что вырвемся из ловушки...

Нас разбудили громкие команды, стук телег, ржание лошадей, хлопанье дверей дома, гул моторов. Долго длилась непонятная суматоха. Потом шум и беготня стали стихать, умолкли отдаленные звуки. Наступила тишина.

— Капитан, кажись, немцы ушли отсюда,— не удержался Тимоха.— Давайте откроем погреб.

— Рано,— урезонил я разведчика,— я верю, что Настасья даст нам сигнал.

Ждать пришлось недолго. Над нами зашуршало сено, скрипнули петли люка, и глаза ослепил свет лампы.

— Выходите, ребята,— сказала, улыбаясь, Настасья.— Вот и кончилась ваша жизнь в погребе.

— Мы ее запомним надолго. А теперь пора уходить, фрицы могут вновь появиться...

— Погодьте, хлопцы, я вас накормлю на дорожку...

Лампа «летучая мышь» слабо освещала хату. Настасья быстро нарезала хлеб, поставила на стол большую миску с борщом, тарелку сваренных заранее яичек, подала молока.

Ужин длился недолго. Когда мы встали из-за стола, я подошел к Настасье. Хотелось отблагодарить ее от всей души, но, как бывает в таких случаях, не нашел нужных слов. Тогда, не сговариваясь, мы все поочередно поклонились ей и расцеловались. Это была наша благодарность.

Она молчала.

— Нам пора. Мы, Настасья, обязательно вернемся, увидимся и за этим столом посидим при полном свете. И гуся твоего обязательно попробуем.

Даже при тусклом свете я заметил слезы на ее лице. Молча она пошла на кухню, вынесла буханку хлеба, завернутое в холстину сало, передала все Тимохе. Так же молча надела на себя коротенький кожушок, накинула на голову платок.

— А теперь идите за мною, я вас выведу на лесную тропинку.

Безмолвно мы последовали за ней. Настасья шла впереди уверенным шагом: чувствовалось, что каждая тропка, каждая извилина дороги ей хорошо знакомы. У опушки леса мы остановились.

— Вот мы и пришли.— Она глубоко вздохнула.— Идите по опушке. Скоро наткнетесь на заброшенную дорогу. Она вас выведет к болоту, а за ним потянутся ржевские леса.

— Настенька,— мне хотелось назвать ее ласково, тепло,— поверь мне, моим друзьям. Будет и на нашей улице праздник.

Большие глаза Настасьи сверкнули в темноте:

— Дай бог, чтобы было так!

Молча мы тронулись в неведомый нам путь.

Враг рвался к Москве. Чувствовалось, что фронт откатился за Вязьму, за Осугу, а может быть, и Ржев уже захвачен... Не слышались раскатистые выстрелы орудий, заглохли лязг гусениц и шум моторов, не видны были бороздящие небо разноцветные ракеты, которые любили пускать немцы, пытаясь устрашить ими наши войска, а скорее поднимая себе дух в ночное время.

Наступил день, а мы все шли. Мы находились в пути уже несколько часов: хотелось есть, пить, да и усталость давала о себе знать. Тимоха и Саша с трудом плелись за мной, но никто из них ни разу не попросил остановиться отдохнуть, перекусить...

Наконец лес кончился. Впереди, как говорила Настасья, виднелось далеко простирающееся болото, покрытое мелким кустарником и мхом. За ним черной стеной встал тот самый лес, в который нам надо было войти следующей ночью.

Из продовольствия осталось всего полбуханки хлеба на троих, которую мы быстро уничтожили.

И вот наступила тяжелая ночь. Ползти по болоту — нелегкое дело. Под ногами сплошные кочки, покрытые обледеневшим мхом, а между ними ледяная вода, которая просачивалась в наши истрепанные дырявые сапоги. Ориентируясь на Большую Медведицу и посматривая на стрелки компаса, мы с большим трудом пробирались на север. Шли на ощупь, вооруженные толстыми палками, отвоевывая метр за метром у этого чертова болота.

Мы потеряли счет времени. Вымокшие в ледяной воде, опухшие, мы еле-еле передвигали ногами. Временами останавливались, пробивали тонкий слой льда и, зачерпнув ладонью воды, утоляли жажду и голод. Становилось как будто немного легче.

Наконец вот он, лес, близкий, желанный! Под ногами шелестели осенние листья. Неугомонный Тимоха нарушил тишину:

— Ура! Мы спасены! Вот убедитесь, товарищ капитан: через один-два перехода мы соединимся с нашей частью. Все равно наши дальше ржевского леса не ушли...

Отдохнув немного, мы отправились в путь. Продукты у нас кончились. С обувью было плохо. Идти становилось все труднее. В полдень выглянуло солнышко и немного подсушило промокшие плащ-палатки, лаская своим теплом наши измученные лица. Устроили привал с небольшим костром и нагретой на нем водой и снова тронулись в путь.

Внезапно мы вышли на хорошо накатанную телегами дорогу. Прошагав по ней с километр, мы оказались на опушке леса, откуда хорошо просматривались большое поле и деревушка. К деревушке широкой лентой вилась другая дорога, по которой изредка проезжали машины, проходили небольшие обозы.

Мы поняли, что находимся в тылу какой-то вражеской части. Сопоставляя увиденное, сделали вывод, что линия фронта недалеко: слышны были артиллерийские залпы, где-то впереди отчетливо различались разрывы снарядов нашей артиллерии.

Путь в несколько километров мы преодолевали до наступления темноты. Добрались до опушки и стали углубляться все дальше и дальше в лес. Вскоре до нас стали доходить невнятный шум и человеческие голоса.

— Это наши! — сказал Тимоха.

Мы заторопились и вскоре услышали русский говор.

Трудно описать ту радость, с которой мы увидели большие группы людей — знакомые, родные лица из полков Максимова и Самойлова. Я искал подполковника Глебова, не зная, что он тяжело ранен...

Меня окружили офицеры штаба нашей дивизии, начались расспросы — как и что? Теперь я оказался старшим по должности, и вся тяжесть и безвыходность положения легли на мои плечи.

Короткий октябрьский день затухал. Незаметно подкралась ночь — наш постоянный боевой спутник. На огромном поле, примыкающем к лесу, мы построили необычную колонну, не предусмотренную никакими уставами и наставлениями: пятьдесят рядов по фронту и в глубину образовали непробиваемую стену. Первую и последние шеренги, фланговые отряды вооружили гранатами, ручными пулеметами и автоматами. Образовалось нечто вроде живой крепости, неприступной для вторжения.

Справа и слева от главной колонны в двух-трех километрах должны были идти сильные заслоны численностью до двухсот человек каждый. Им ставилась задача оседлать дорогу, задержать немецкие танки и машины, сделать проходы и дать зеленую улицу нашим главным силам.

Стрелки часов приближались к 24.00. Отряды прикрытия тронулись в путь, за ними следовали мы. Продвижение такого количества людей не могло пройти незамеченным. Шуршание замерзшей травы под ногами напоминало шум прибоя, мучивший всех кашель вдруг прорвался наружу, нервы были взвинчены до предела. Годы жизни стоила нам эта ночь. Километры, казалось, не имели счета. Время будто остановилось.

Уже два часа находились мы в пути, а нужной дороги все еще не достигли. В сторону Сычевки по-прежнему двигались немецкие танки и тягачи, мчались машины с включенными фарами. И вдруг...

Автоматные очереди разрезали ночную темноту, ракеты осветили низко плывущие облака. Я облегченно вздохнул: «Наконец-то!» Мощный бросок — и дорога в наших руках. Ворота прорублены! В них хлынула лавина людей, измученных многодневными походами и беспрерывными боями, голодных, гневных, готовых смести любую преграду на своем пути.

Потребность быть незамеченными миновала. Поднялся невообразимый грохот взрывов и выстрелов. Немецкие танки тут же повернули назад. Водители в панике загоняли машины в кюветы, артиллерийские расчеты покидали орудия. Мы стали полновластными хозяевами на этом участке дороги и, конечно, понимали, что шоковое состояние, охватившее гитлеровцев, продлится недолго.

Самое главное для нас — уйти от преследования и до рассвета прорваться через линию фронта. Задача не из легких! Рассыпавшаяся наша колонна не внимала команде: поддавшись святому чувству мести, многие бойцы бросились в погоню за разрозненными группами вражеских солдат.

Между тем задержка на этой дороге на один-два часа могла закончиться для нас трагически. Пришлось приложить невероятные усилия, чтобы увлечь за собой обезумевших от ярости людей.

Отряд благополучно пересек дорогу. Ночью леса казались прозрачными, будто плыли в тумане в неведомую даль. Мы продолжали идти вперед, с трудом передвигая налитые свинцом ноги. Лесные тропы вывели нас на широкую поляну. На ней стояли немецкие орудия с задранными вверх стволами. Рядом расположились машины, в стороне стояли ящики со снарядами. Никакой охраны, никакого движения. Немцы не предполагали увидеть советских солдат у себя в тылу. От неожиданности они растерялись. Мы кинулись на врага, забросали гранатами орудия, машины. Немецкие артиллеристы, застигнутые врасплох, боя не приняли, нырнули в кустарник и скрылись в лесу.

Услышав стрельбу, наши передовые подразделения приготовились к боевым действиям. Когда, расправившись с артиллерийским дивизионом гитлеровцев, мы двинулись вперед, с востока грянула наша артиллерия. Сотни снарядов обрушились на ту поляну, которую мы недавно покинули. Задержись мы ненадолго в районе расположения вражеского дивизиона — и понесли бы огромные потери от огня своей же артиллерии.

Наступило время дать о себе знать.

Навстречу летящим снарядам и пулям мы устроили такой фейерверк, какого никому из нас в жизни видеть не приходилось. Ракеты всех цветов озаряли небо, воздух дрожал от криков «Ура!». Охваченные неудержимым порывом, мы мчались на манящие огни:

— Братцы, мы свои, русские! Ура! Ура!

Так мы попали в объятия друзей... А немного отдохнув, оправившись от пережитого, влились в состав защитников, обороняющих Ржев, Старицу, Калинин, Москву.

Шел сорок пятый год. Завершался разгром фашистов в их логове.

Мы с адъютантом Петром Кожемяковым, Тимохой Ткачом мчались из Москвы на запад, чтобы не опоздать к последней завершающей Берлинской операции.

Ох, как хотелось со своими танками войти в Берлин... Да разве я один в ту пору мечтал об этом?

Получилось так, что у меня сложился дружный экипаж. Каждый из нас с полуслова понимал другого. Экипаж был спаян совместными боями под Москвой, на Кавказе, под Курском, на Днепре и под Киевом, под Львовом и на Сандомире, в Силезии и под Берлином, а впоследствии и под Прагой.

Встретился я с Тимохой в июле 1941 года во время боев на Смоленщине, мы прошли с ним всю войну. Он находил меня на многих фронтах, в госпиталях. Крестьянский паренек с Украины, синеглазый, круглолицый, как девушка... С ним, всегда веселым, смелым, было легко даже тогда, когда смерть казалась неминуемой. Он был разведчиком, водителем танка, ординарцем, другом, братом.

Под стать ему был и Петр Кожемяков. Чудом спасенный из блокадного Ленинграда, он, оправившись на Большой земле от дистрофии, добровольцем пришел в мою бригаду. Показал себя геройски на Днепре, под Киевом. Я взял его адъютантом, и до конца войны он был моим помощником. Ленинградская блокада наложила на него свой отпечаток. И если Тимоха слыл среди нас балагуром, заводилой, то Петр, высокий, смуглый, отличался излишней молчаливостью. Я любил этих ребят, они были для меня и братьями и сыновьями. Я же для них был старшим братом и «батей», как они частенько меня называли.

Оправившись от очередного ранения, я приехал из Железноводска в Москву, где Петр и Тимоха уже ждали меня. В Москве, в штабе бронетанковых войск меня встретили тепло, по-дружески. Маршал бронетанковых войск Яков Николаевич Федоренко напутствовал меня:

— Берите машину и скорей к себе в бригаду, а то опоздаете в Берлин.

Слова с делом у маршала не расходились. К полудню Петро и Тимоха подкатили к центральной гостинице Красной Армии в новеньком «виллисе», и мы тронулись в путь. Наша машина миновала Гжатск, Вязьму, Сафоново. Показалось Ярцево, до Смоленска — рукой подать. Там Петро запланировал ночевку.

Я никак не мог оторваться от карты. Всего сотня километров отделяла меня от мест былых боев — Духовщины, Белого, Батурино. Тяжелые бои 1941 года встали передо мной, словно не было четырех лет войны...

Потом я вздремнул и вдруг увидел во сне лицо женщины. Да! Той самой — смоленской, леспромхозовской Настаси, с которой я встретился в октябре 1941 года, глаза которой, страдающие и укоряющие, преследовали меня все годы войны. Я не фаталист и далек от веры в чудеса, но решил во что бы то ни стало встретиться с ней.

Миновали Батурино, повернули на Белый, а дальше нужно было надеяться только на свою память.

Наткнулись на знакомую лежневку, которая за годы войны совсем заросла и стала заброшенной. Она-то и вывела нас к усадьбе леспромхоза. Я сразу узнал за накренившейся изгородью знакомую избу. А вот и сарай с погребом, где мы просидели трое суток.

На покосившемся крыльце нас встретила девочка лет семи.

— А дома никого нет. Мама пошла к соседке.

Я вошел в избу: знакомый стол, вдоль стены широкая скамья, оборванные, залатанные газетами обои.

Соседи повалили в дом, но, увидев полковника, смутились и остановились. К ним за эти годы никто из военных не приезжал, за исключением своих троих мужчин, пришедших с фронта инвалидами.

Разговорились о войне. Один старичок все допытывался:

— А скоро ли добьете фашистов?.. А правда ли, что Гитлера привезут в Москву и там будут судить?..

Рослый, худощавый мужчина средних лет, с засунутым в карман пустым рукавом пиджака, интересовался, с какого я фронта. Он тоже воевал на Воронежском, 1-м Украинском фронтах и попал домой только тогда, когда был тяжело ранен на Сандомирском плацдарме в Польше. Я рассказал ему о своем ранении на том же плацдарме в составе танковой армии Рыбалко. Он был безгранично рад, что встретил однополчанина.

Я снял шинель. На моем кителе блеснула Золотая Звезда Героя Советского Союза. Люди заулыбались, дом ожил, мужчины зашевелились, пошептались между собой и побежали куда-то. Через мгновение стол был полон всякой снеди: яички и соленые огурцы, сметана и капуста. Мой адъютант также не остался в долгу — приволок из машины мясную тушенку, рыбные консервы, галеты...

Прибежала взволнованная Настасья. Увидев накрытый стол, ахнула, повернулась ко мне и с недоумением на лице спросила:

— Кто вы такой?

Она не узнала меня. Разве можно было узнать того заросшего капитана, которого она прятала в погребе в ненастный октябрьский день сорок первого года, в подтянутом, одетом с иголочки полковнике, на груди которого сияли Звезда Героя и другие ордена?!

Как вкопанный, стоял я перед Настасьей. Она мало изменилась: такая же стройная, величавая, со жгучими, сверкающими огнем глазами, иссиня-черными косами...

Мы молчали, стоя друг перед другом. И вдруг с лица женщины спала пелена строгости. Улыбнулись ее глаза, затем засияло все лицо.

— Вспомнила, ей-богу, вспомнила!

Я повел ее к столу. Настал момент «свести счеты» с хозяйкой дома. Взгляды многочисленных глаз устремились в нашу сторону. Недоумение и попытка разобраться в происходящем сквозили в них.

Я поднял рюмку и сказал:

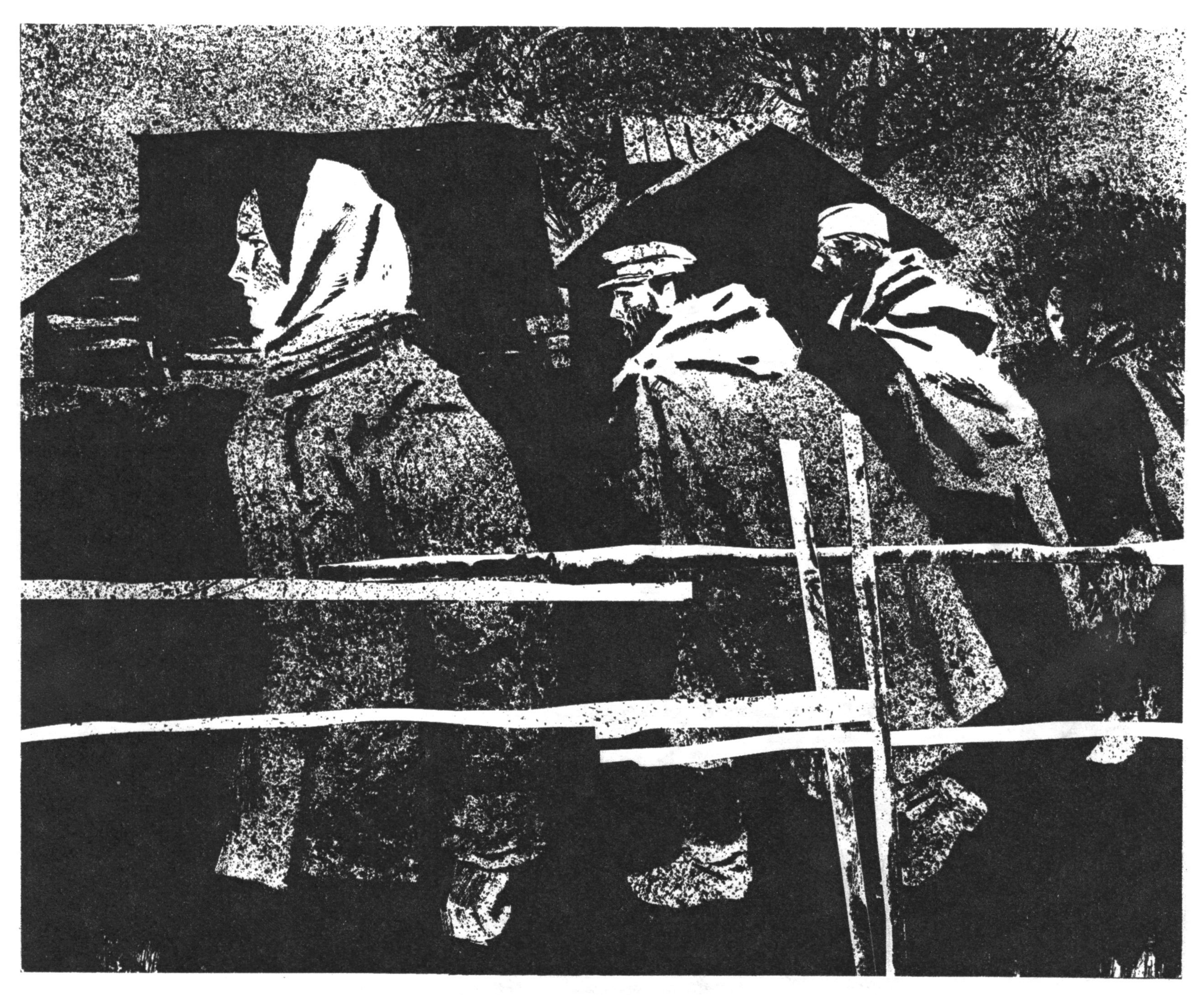
— Друзья мои, хочу вам поведать одну тайну. В вашем леспромхозе я не впервой, с хозяйкой этого дома мы уже встречались осенью сорок первого. Я тогда пообещал ей вернуться на Смоленщину и слово свое сдержал...— Сжимая руку хозяйки, я продолжал: — Настасья ругала меня за то, что мы отходим, что мы все спрашиваем дорогу на восток, а не на запад. Но мне казалось, что в глубине души она верила в нашу победу. Рискуя своей жизнью, жизнью дочурки, она прятала нас в погребе, кормила ночами и сама проводила нас в лес, которым мы вышли к своим.

С гордостью слушала меня хозяйка дома. Все находящиеся тут старались не пропустить ни единого слова.

Волнуясь, я продолжал:

— А теперь, хозяюшка, настал ваш черед сдержать свое слово. Вы тогда сказали, что ничего не пожалеете для нас, когда мы вернемся. Теперь я не уеду отсюда, пока не подадите на стол гуся...

В доме поднялся хохот. Старик, стоявший рядом со мной, закричал:

— Настасья, режь гуся, раз обещала. Выполняй свое слово, не позорь нас!

— Вспомнила, ей-богу, вспомнила, и наш уговор насчет гуся не забыла...

Резко наклонившись ко мне, улыбнулась и повернула к двери:

— Я побежала в сарай, жареный гусь на столе обязательно будет. Праздник-то какой...

Только поздней ночью разошлись односельчане по своим избам.

Мы с Настасьей до рассвета прободрствовали. Осмотрели двор, заглянули в сарай, опустились в погреб, в углу его по-прежнему видна была кое-как заделанная дыра, куда подавалась нам еда — сало и хлеб. Побродили по лесу, откуда Настасья проводила нас в те далекие дни сорок первого года...

Ранним утром мы покидали маленькую деревушку. Провожали нас все — от мала до велика. Стоя у покосившегося крылечка, Настасья, прощаясь со мной, тихо спросила:

— Свидимся ли еще?

С глубокой нежностью я посмотрел на нее и ласково улыбнулся...

«Виллис» сорвался с места и тронулся в дальний путь, к предместьям Берлина, где была расположена танковая бригада.

Битва за Берлин шла уже вторую неделю. Все в городе грохотало, дымило, пылало: рушились дома, улицы превращались в баррикады. Бои шли за каждый дом, за каждый подвал, чердак, лестничную клетку.

Моя бригада ворвалась в западную часть Берлина, подходила к Тиргартену, оседлала Вильгельмштрассе. В разгар ожесточенных боев чудом добравшийся до нас офицер связи доставил приказ командира нашего танкового корпуса генерала Новикова Василия Васильевича: «Бригаду повернуть на север, соединиться с частями 1-го Белорусского фронта, замкнуть внутреннее кольцо и не дать фашистам выходить на запад».

Ночь, как и предыдущая, прошла в ожесточенных боях. Под огнем врага надо было собрать в единый кулак разбросанные по прилегающим улицам, переулкам, разрушенным домам танки, автоматчиков, обеспечить боеприпасами подразделения, накормить людей, госпитализировать раненых, эвакуировать убитых.

По-прежнему ни минуты времени для сна... А ведь с 16 апреля шли беспрерывные бои. И в эту бессонную ночь подразделения танковой бригады через пожарища, через огонь фашистских артиллеристов и фаустников пробивались на север, к городскому стадиону, к высокой железнодорожной насыпи, за которой действовали войска 1-го Белорусского фронта. С начальником политотдела бригады Дмитриевым, начальником штаба Шалуновым мы оставили свой командирский танк и пошли вперед в первых рядах атакующей роты автоматчиков.

Раннее утро застало нас у центральных ворот стадиона «Олимпишес Спортфельд». Не удержались фашисты у будок, скамеек и в окопах на футбольном поле — слишком сильным был натиск 1-го батальона бригады. Большая группа немцев покидала стадион, но не как болельщики футбола, а как пленные. Обросшие, исхудавшие, еле волоча ноги, они прошли мимо меня и моих однополчан.

В дыму бушующего вокруг пожара, под взрывами бомб и снарядов мы продолжали отвоевывать каждый дом, каждую улицу и к полудню уже были у высокой железнодорожной насыпи. Бой достиг самого большого накала. Я видел, как минометная батарея батальона автоматчиков дала дружный залп, разведчики бригады поползли к железнодорожному полотну, перевалили через него. Дружное «Ура!» донеслось до нас с той стороны насыпи. Оно приближалось и откатывалось волнами.

Это случилось 27 апреля 1945 года в 12 часов дня. Внутри Берлина соединились два фронта — 1-й Белорусский и наш, 1-й Украинский. На острие этих наступательных клиньев были моя 55-я гвардейская бригада и 35-я механизированная бригада первого Красноградского механизированного корпуса 1-го Белорусского фронта.

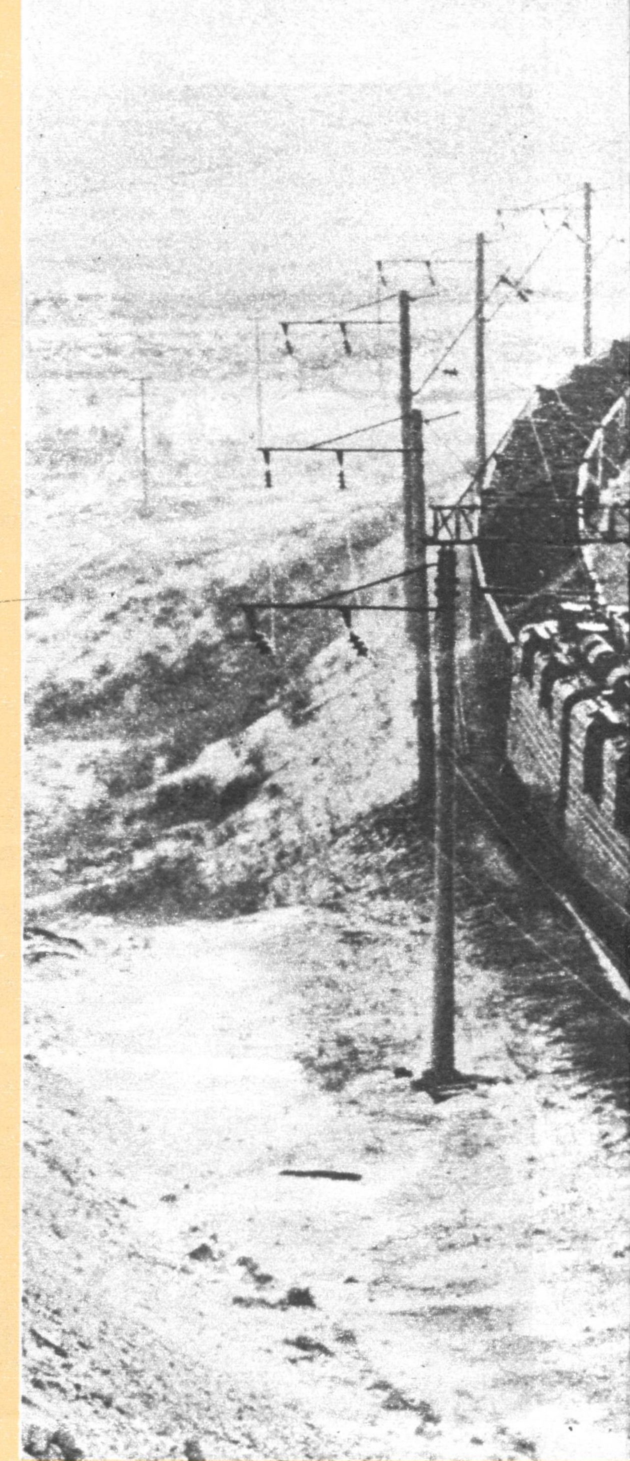
Братание наших танкистов с комбатами 35-й мехбригады майором Протасовым и капитаном Туровцем в центре столицы фашистского рейха было не только радостным, но и трогательным...

Стоя на железнодорожном полотне, я посмотрел в сторону горящего рейхстага и вдруг вспомнил о Настасье.

Так хотелось, чтобы она знала, что наши мечты сбылись — мы в Берлине!

Хотелось поблагодарить ее за то, что она поверила в нас, в нашу Победу и все четыре года войны была рядом с нами.

Спасибо тебе, Настасья, и низкий поклон!

◀ Машинист электровоза Николай Ковалев.

бережливость: разные аспекты

ВПЕРВЫЕ В МИРЕ: В СОСТАВЕ 30 ТЫСЯЧ ТОНН!

ЦЕЛИННАЯ МАГИСТРАЛЬ — ПОЛИГОН ДЛЯ ТЯЖЕЛОВЕСНЫХ ПОЕЗДОВ

Грузовой поезд с углем весом 9 тысяч тонн.

ГОРЯЧАЯ МАГИСТРАЛЬ

Ю. ЛУШИН,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Невиданный состав входил в поворот. В лицо машинисту-инструктору головного электровоза Милесу Кабжанову бил тугой воздух, он больно жалил снежинками, высекая из глаз слезу. Кабжанов оглянулся, посмотрел на хвост состава и не увидел его. Фантастика. Хвост еще оставался за поворотом. И тут же услышал по рации взволнованный голос кандидата технических наук из ВНИИЖТа Валерия Терещенко, который находился на втором электровозе в середине состава: «Феноменально!»

— Феноменально будет, когда в Тоболе сдадим состав в полном порядке,— пробурчал машинист и погромче, в микрофон: — Удвойте внимание, скоро перевалистый профиль...

— Феноменально работают синхронизаторы.— Это снова голос восторженного Терещенко.

«Вот он о чем,— подумал Кабжанов.— Действительно, стóящая штука, это устройство для синхронного торможения всех трех локомотивов».

Да, вели состав три электровоза. Ученые молодцы, тут ничего не скажешь...

Профиль пути на своем перегоне Милес Кабжанов знал до метра. Помнил все подъемы, уклоны и радиусы поворотов. Знал досконально балльность пути (принятую у железнодорожников оценку его состояния в баллах).

Но он не знал, пожалуй, самого главного: как поведет себя в той или иной ситуации сверхтяжеловесный, а значит, и сверхдлинный состав? Ведь растянулся тот почти на пять километров! Да и кто мог знать? Все было впервые. Никто еще в мире не отваживался вести поезд с таким весом — тридцать тысяч с лишним тонн...

Руководители Целинной ордена Трудового Красного Знамени железной дороги поручили Милесу Кабжанову первый этап испытания — от Экибастуза до Целинограда. Руководители были уверены в его мастерстве. И в его интуиции. В способности с ходу оценивать ситуацию. И теперь Кабжанов был весь внимание. Он понимал: неслыханную эстафету начал он, неслыханную...

Впереди переезд. Поезд летел к нему, не снижая скорости. Машинист знал, что штаб, организованный для первой проводки тяжеловеса, выставил на всех переездах дополнительные посты. И все же он дал заблаговременно два длинных гудка. Два длинных, тревожных. На всякий случай. У закрытых шлагбаумов очередь автомашин. Шоферы вышли из кабин, смотрели на поезд, быть может, вслух считали вагоны — двести, вот уже триста, еще, еще...

На станции Целиноград-товарная.

Почти сразу за переездом начинался подъем. Первый предвестник перевалистого профиля! О нем заранее предупреждал инструктор. Милес спиной почувствовал, как напрягся, струной натянулся немыслимо длинный состав, как трудно приходится локомотивам, особенно головному:

«Ну, давай, милый. Не подкачай. Я тебе еще и песочком помогу. После мокрого снегопада, наверное, рельсы сырые...»

Он открыл песочницу, и колеса локомотива перестали пробуксовывать.

«Жаксы, жаксы, хорошо»,— повеселел машинист, хотя радоваться было рано. Кабжанов представлял, что их ожидает впереди... Когда головной локомотив минует высшую точку подъема и покатится вниз, то бо́льшая часть состава все еще будет карабкаться на подъем! Он также понимал, что неравномерный разгон или несинхронное торможение могут легко привести к аварии — обрыву вагонов или выдавливанию их из состава... «Значит, выход в одном — держать по всей длине поезда равномерную, одинаковую скорость...»

Вроде бы просто. Но тут требовалась ювелирная, слаженная до автоматизма работа всех трех локомотивных бригад! И они ее продемонстрировали. С блеском прошли самый сложный участок, приведя супертяжеловес в Целиноград точно по графику. Здесь — первая смена бригад.

Милес Кабжанов передал эстафету товарищам из Целиноградского депо. Теперь он — болельщик эксперимента. Необычный поезд ушел в сторону Атбасара. А он стоял на шпалах, слушал отлетавший гул...

Через сутки торжественным гудком супертяжеловесный состав возвестил о своем прибытии в Тобол. Встречали цветами...

Конечно, это был рекорд. Не скоро он станет нормой. Так сказал начальник Целинной дороги Нигматжан Кабатаевич Исингарин:

— Мы как бы заглянули в будущее.

— Тогда почему бы не повторить? — спросил я.

— Потому что тот памятный, рекордный опыт поставил перед нами массу вопросов. Проблем множество! А пока предлагаю вам прокатиться на электровозе, который поведет тяжеловесный состав весом «всего» в девять тысяч тонн...

Стою в кабине несущегося электровоза. Тесновато. Третий, как говорится, лишний. Это я. За окнами поземка, у нас по-домашнему тепло. Машинист-инструктор Сергей Васильевич Иванов из депо Ерментау скуп в движениях. Локомотив время от времени дергался, будто его великан бил кувалдой. Иванов сказал: «Не волнуйтесь, обычное дело. Все-таки хвост почти полтора километра! Сопротивляется...»

Иванов пришел на эту дорогу мальчишкой, после училища. Тогда еще паровозы ходили. Кочегаром начинал. А теперь вот инструктор, других учит...

— В паровозную эпоху тоже, между прочим, тяжеловесы водили. Двойной паровозной тягой тянули состав в три тысячи тонн. Семечки по нынешним временам...

Почин Московской железной дороги по ускорению перевозки грузов за счет увеличения веса и длины поездов целинные железнодорожники охотно подхватили, даже скоро опередили московских коллег. Машинист Демисин Алкенов из Атбасарского депо стал лауреатом Государственной премии 1985 года за вождение именно тяжеловесных поездов.

Целинная железная дорога сделалась основным полигоном для отработки опыта вождения сверхтяжелых поездов. Может быть, здесь идеальные условия для этого?

— У нас идеальные трудности,— пошутил начальник дороги Н. К. Исингарин.

Эта дорога обслуживает восемь областей, связывает крупнейшие угольные бассейны страны — Экибастузский и Карагандинский — с электростанциями Урала, Казахстана и Средней Азии, занимает четвертое место по общему отправлению грузов и третье — по перевозке каменного угля и железной руды... Так что не случайно первые сверхтяжеловесные поезда формировались именно на станции Экибастуз. Они были различными по весу и длине: хотели определить возможности машинистов и оптимальный вес тяжеловесных поездов при сегодняшнем состоянии дороги. Так сказать, целинный вариант! Эксперименты показали, что наилучший вес поезда — девять тысяч тонн на прогоне в тысячу и более километров. При этом повышается скорость, экономится на каждом рейсе четыре тысячи киловатт-часов электроэнергии, уменьшается потребность в локомотивных бригадах, снижаются расходы почти на одну тысячу рублей на каждом рейсе. В 11-й пятилетке вес поезда возрос на триста—четыреста тонн. В новой пятилетке его утяжелят еще на пятьсот тонн.

— За счет чего?

Начальник дороги рассказал:

— Увеличим число девятитысячников. Намечаем формировать составы и по двенадцать тысяч тонн. Опыты были. Но тут множество проблем. Надо улучшить подготовку пути, усилить контактную сеть, повысить надежность автотормозов, а локомотивы заменить на новейшие модели. И главное — срочно удлинить станционные пути на важнейших направлениях. Чтобы длинносоставные поезда могли умещаться на них. Мы бы хотели еще вместо четырехосных вагонов получать восьмиосные... Это ли не резерв?

...Никогда не бывает покоя на этом великом железном пути! И не будет. Покуда жив человек созидающий.

Поездные диспетчеры Мария Айтхожина и Госман Таженов.

Елена ОБРАЗЦОВА,
народная артистка СССР

Работать страстно

Фото А. МАСЛОВА

На третьем курсе консерватории, после Конкурса имени Глинки, кто-то рекомендовал меня Свиридову, и он пригласил меня к себе. Увидев, усмехнулся: «Как вы еще молоды! Ну, ничего»,— а потом сел за рояль и стал петь своего «Изгнанника». И я, помню, так плакала, слушая его музыку, что не могла петь сама. Так и ушла, не спев ни ноты. Потом были встречи, концерты. Когда мы стали работать, я поняла, что петь Свиридова необычайно трудно. Я не сразу пришла к его музыке, долго ей сопротивлялась. Но постепенно почувствовала, сколько за ее кажущейся простотой глубины и фантастической музыкальности, сколько правды! Ключом к пониманию стали наши бесчисленные репетиции, во время которых Свиридов щедро одаряет исполнителя удивительно яркими ассоциациями, необычайной эрудицией. Помню, как я впервые спела ему «Не мани меня ты, воля» на стихи Блока. Георгий Васильевич сделался необычайно строг. «Вы поете немного романсово, оперно, монологично, а надо проще, обобщенней, приблизиться к народному, но при этом петь высокоинтеллигентно. Это как речь — все-все должно быть просто. Но простоту нельзя выдумать. Она изысканна, поэтому ее изыскиваешь в душе...» И он тихо запел. В то время я уже пела многие свиридовские вещи. Пела «Петербургские песни», это было их первое исполнение в Москве и Ленинграде, пела концерт из произведений Георгия Васильевича, к которому готовилась два года. Но я вдруг как-то особенно ясно поняла, что тогда у меня мало что получилось. Работа с Георгием Васильевичем заставила меня искать совершенно новую манеру исполнения, искать новые краски в голосе. Подобных красок нет ни в одной другой музыке — ни в немецкой, ни в испанской, ни во французской — нигде! Взять, к примеру, есенинские песни или песню «Слеза», написанную на русский народный текст: «Ехал, ехал раз извозчик...»— взгрустнулось мужичку, выкатилась из глаз горючая слеза. «Со щеки она упала и попала-д на кафтан... А с портков она упала прямо в валяный сапог...» — как это петь? Оперным голосом? Получается ужасающая фальшь. Приходится долго и трудно искать верную, естественную исполнительскую интонацию. Но то, что я нашла для «Слезы» или есенинского стиха, не подходит свиридовским песням на стихи Блока, хотя это тоже очень русская музыка — от корней русская. Поэзия Блока и музыка Свиридова вводят в мир, где тишина, природа, философия. Это огромное содержание Свиридов передает в чрезвычайно сжатой, сконцентрированной форме. Поэтому мне снова надо искать, как ее петь... Вот как все сложно!

Народная распевность сочетается в музыке Свиридова с удивительной изысканностью. Утонченность и символизм Блока сменяют разудалая лихость, широта и нежность Есенина, а рядом строки Тютчева, у которого, как говорит Свиридов, каждое слово не пуд, а гора. Музыка Свиридова с истоков своих была обручена с высокой поэзией. Для того, чтобы вжиться в ее мир, я должна знать, чем в это время жил поэт, кого любил, что его волновало, от чего он страдал.

Георгий Васильевич поражает энциклопедичностью своих познаний в литературе, живописи, театре. Жизнь Блока он знает буквально по дням и минутам... Как я люблю вечера на даче Свиридовых, когда после многочасовой репетиции мы садимся пить чай из старинного русского самовара. И Георгий Васильевич становится совсем иным: исчезает колючий, даже чуточку суровый композитор и видишь удивительно родного, трогательного человека. Постепенно завязывается разговор о литературе. Свиридов увлекается: «Пушкин, Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин — я на этом вырос, безумно это люблю. И нахожу в русской поэзии много своих мыслей и чувств в отношении к миру, к природе, к людям, к истории, к будущему, наконец. И вдруг так получается, что непонятно почему в какие-то дни эти слова начинают во мне звучать. Я не могу объяснить этого. Это как наитие, как подарок».

В своей работе с исполнителем Георгий Васильевич необычайно требователен. Помню, как долго, тщательно и, я бы сказала, неистово готовились мы к концерту в Большом зале консерватории зимой 1976 года. Казалось бы, все выверено и отточено. И вдруг на концерте, когда я пела «Невесту», что-то вывело Свиридова из себя, и он сам сердито запел своим «композиторским» голосом. Я остановилась и буквально не могла вздохнуть. Но собралась с духом и стала петь сначала. И вновь на том же месте Свиридов перебил и запел сам. Публика оторопела, в зале стояла буквально гипнотическая тишина. Авторский педантизм композитора был изумителен! Но я продолжала петь и упрямо довела романс до конца. Передать словами то, что я тогда испытала, невозможно, но, поверьте, когда схлынул жар обиды, Георгий Свиридов своей живостью и горячностью характера стал мне даже ближе и роднее...

Сотрудничество со Свиридовым убедило меня в том, что исполнитель непременно должен быть связан с живым творческим процессом. Нельзя петь только классику, иначе она становится музейной. Георгий Васильевич однажды очень точно сказал об этом: «Каждая эпоха, каждое время имеют свой язык разговорный и свою речевую манеру. Речь меняется достаточно быстро. Русская разговорная речь во времена Глинки была не такой, как во времена Чайковского. А, допустим, при жизни Рахманинова снова иная. И композитор в своей вокальной музыке — если она стоит того названия — запечатлевает речь своего времени. Когда он находит ее, это и есть нахождение правды искусства, сквозь которую светит правда самой жизни! Исполнение певца находится в колоссальной зависимости от речи его времени. Поэтому многие наши композиторы-классики певцов готовили для себя сами. Сколько учеников и учениц было у Глинки, Даргомыжского! Возьмите романсы Чайковского, скольким замечательным певцам они посвящены! А Мусоргский? Он создал своей музыкой совершенно новую вокальную школу. Короче говоря, певец должен быть связан с живым музыкальным процессом. Тогда он и классику будет петь по-новому, не академично, не стараясь стилизовать то время, когда она была написана, а как наш современник. Речь его будет живой».

Я многому учусь у Свиридова. Как-то я спросила его: что лучше для музыки? От чего идти? От формы к исполнительству или, наоборот, от исполнительства к форме? «Форма более или менее сделана композитором. Надо эту форму иметь в виду, но чувствовать себя в ней свободно. Когда в музыке есть символичность мышления, она требует поиска совершенно иных выразительных средств, на совершенно иных дорогах. И приходишь подчас к простому, которое должно выразить сложное...»— ответил мне Георгий Васильевич. И сегодня, когда я уже много лет работаю над сочинениями Свиридова, я понимаю, насколько это верные слова, и руководствуюсь принципом, который кажется мне главным. Георгий Васильевич сформулировал его так: «От сердца к голове, а не наоборот!» Проникнуть в сущность музыки, в ее тайну. И эту тайну не пытаться раскрыть, нет! А както лишь приблизиться к ней и донести ощущение этого приближения до слушателя. Музыка Свиридова несет в себе что-то настолько заветное, о чем нельзя рассказать, слов не найдешь.

Однажды Георгий Васильевич сказал мне: «Елена Васильевна, когда вам говорят: «Этот человек живет музыкой, музыка для него — все на свете!» — вы от такого человека бегите. Нельзя заниматься одними сухими страницами нот, нельзя уходить только в профессионализм. Надо любить жизнь. Надо страдать, плакать, ошибаться, исправлять и снова ошибаться. Надо жить и работать страстно!»

ПРИШЛА ЗИМА

Борис **РОМАНОВ**

Фото **А. БОЧИНИНА**

●

Дочь рисует каляки-маляки
и легко объясняет потом:
пятна желтые, синие знаки —
это дождь, это лес, это дом...

Солнца шар, треугольные ели,
завалилась изба без крыльца...
То, что сразу понять не сумели,
никогда не поймем до конца.

И слова — торопливые знаки,
мы друг друга не можем
понять!
Вижу рук раздраженные
взмахи,—
ничего не хочу объяснять!

●

Над крышей кричали птицы,
потом принесло снега,
и стали — да часто — сниться
знакомые берега.

Откуда примчались птицы?
Откуда мели снега?
И берег Печоры снится,
и ленские берега...

И снятся былые реки,
которыми не проплыть,
но путь из варяг в греки
еще нелегко забыть!

Родная река приснится,
песчаные берега...
И знаю: оттуда птицы,
оттуда летят снега.

ЗА ДАЛЬЮ

Ветер свистит по деревне,
за нею поля и леса,—
там ветер свежей и напевней,
а наши слабей голоса.

Пылит по дороге машина —
увяжется ветер вослед.
За далью нас встретит кручина
и память обугленных лет.

Там сгладились рвы под травою
и стал озерком капонир,
во тьме к головам головою
с бойцами лежит командир.

И в эту же землю когда-то —
да будет им пухом она —
последние лягут солдаты,
которых вернула война.

ОХОТНИК

Бор весь отлит из серебра,
с насечкою зеленоватой.
На чутком снеге след пера,
крыла и лапы вороватой.

Уходит, крадучись, туман,
к полудню исчезает иней.
Как зверь беспечный на капкан,
скользнула тень лисицей синей.

Охотник огибает бор,
в снегу вчерашнем вязнут лыжи.
На красоту глядит в упор,
но не за ней из дому вышел.

Он часто прерывает бег,
чтобы прислушаться, всмотреться.
Но виден только белый снег,
а слышен только постук сердца.

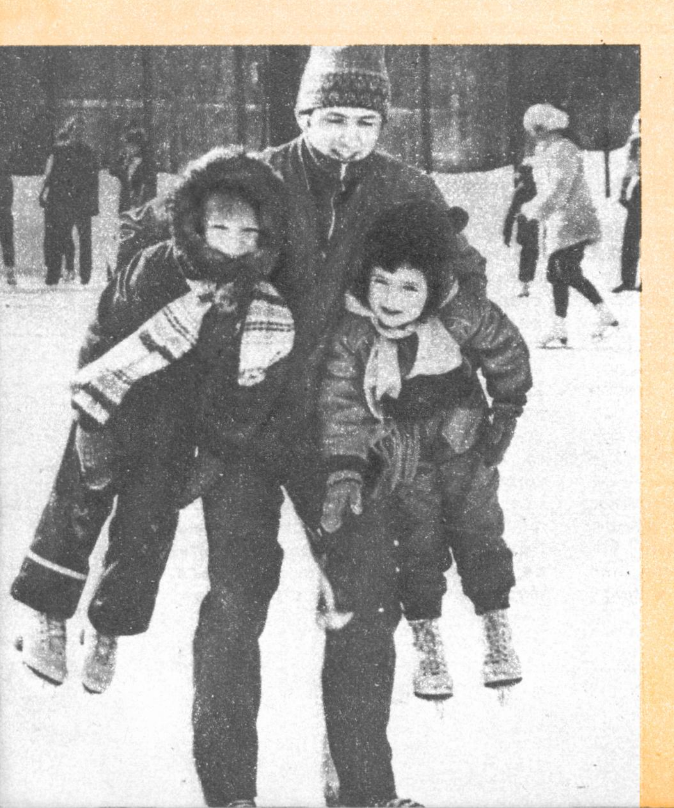
●

Я, душою, казалось, свободной,
быть беспечно веселым не мог...
Предуральскою степью холодной
окруженный, затих городок.

Что меня занесло в эти дали,
к этим людям хорошим, чужим,
где заводы расти не устали,
развевая победно свой дым!

Замело все пути, от мороза
все слова превращаются в пар,
стали льдинками легкие слезы,
и страстей поумерился жар.

Безответны гудки телефона,
самолеты мои не летят,
и под взглядом влюбленным
влюбленно
только мерзлые сосны гудят.

Играет Черенков

Валерий ВИНОКУРОВ

Лет семь назад матч между «Спартаком» и киевским «Динамо» оказался ключевым на заключительной стадии чемпионата, что, впрочем, не раз бывало в последние годы. Игра подходила к концу, а на табло светились нули. Ничья, насколько помню, москвичей устраивала больше, но... «Спартак» — и об этом всегда помнят все — на ничьи не рассчитывает, по-гобсековски очёчки не наскребает.

Константин Иванович Бесков, с которым мы в первом тайме сидели рядом в ложе прессы, спокойно обронил: «О ничьей и не помышляем». В перерыве он, как обычно, спустился вниз и второй тайм провел на спартаковской скамейке. Его команда атакует, но гол забить никак не может. И вот у кромки поля появляется мало кому известный паренек и заменяет известного футболиста Хидиятуллина. Паренек спешит в атаку, действует остро, однако еще острее оказываются две контратаки киевлян. Динамовцы прекрасно воспользовались отсутствием надежного игрока обороны, забили два гола и победили.

В тот вечер многие обвиняли тренера, выпустившего в решающий момент «какого-то Черенка», а год спустя, когда Бескова неожиданно привлекли «спасать» сборную в последнем отборочном матче чемпионата Европы в Афинах, он оказал еще большее доверие молодому Федору Черенкову, и тот был одним из лучших на поле в составе сборной страны. Но и тогда она проиграла. Как вспоминает Ринат Дасаев, тренеру в вину ставили и «какого-то Черенка»: мол, такой момент ответственный, а он экспериментами занимается.

В футболе, точно так же как и в других областях человеческой деятельности, правоту подтверждает время. На чемпионате мира в Испании Бесков с присущей ему прямотой, не желая на кого-либо перекладывать ответственность, сокрушался, что не повез в Испанию Черенкова и Шавло.

Как же важно в начале пути встретиться с доверием и поддержкой, пройти через трудности наперекор скептикам и отстоять право быть самим собой! Федору Черенкову это удалось. Сегодня можно сказать, что все удалось. И встретить в начале жизненного пути замечательных людей — надежных старших друзей, и справиться с бедами, несчастьями, и остаться верным своей романтичной, жизнерадостной манере игры...

К спорту его приобщил отец. Лыжи, хоккейная шайба, а раньше всего футбольный мяч заменяли ему игрушки: никаких оловянных солдатиков в доме не было. Чуть позже дали о себе знать инженерные наклонности: Федя увлекся разными «Детскими конструкторами». О дипломе инженера и о значке мастера спорта разговоров тогда отец с ним не вел, но вот спортивные способности проявились так рано, что отец. хоть и был лишь любителем-физкультурником, сумел их разглядеть.

Щупленький, худенький мальчонка уже девятилетним соперничал на футбольном поле с ребятами, которые были старше его. В дворовых командах Кунцева он стал участвовать в соревнованиях на призы всесоюзного детского футбольного клуба «Кожаный мяч» и еще десятилетним понял (или теперь ему кажется, что понял), что всему надо учиться по-настоящему, и — пришел в детскую команду «Спартака», за который болел с тех пор, как себя помнит. Вот и пришлось отцу возить его через всю Москву — из Кунцева в Сокольники, где Федя и начал тренироваться под руководством олимпийского чемпиона Анатолия Масленкина.

Благодаря замечательному спортивному педагогу Николаю Петровичу Старостину, которому уже за восемьдесят, а он не просто продолжает работать начальником команды московского «Спартака», но и остается самым надежным и верным другом разных и самолюбивых парней, способности Черенкова были замечены. Больше десяти лет назад Старостин — точно так же, как он делает это по сей день в свои редкие выходные — пришел на тренировку детской команды к бывшему своему ученику Масленкину и сразу обратил внимание на самого маленького, но самого техничного, самого изобретательного и хитроумного игрока, который не просто организовывал игру, но и вел за собой более рослых, крепких сверстников.

Знакомство началось с того, что старейшина спартаковского клуба угостил парнишку шоколадкой, расспросил о том, как живет, и потом на протяжении нескольких лет не упускал его из вида. Был Николай Петрович Старостин рядом и в самый горький час: Федя потерял отца в те дни, когда готовился к поступлению в институт. Он выбрал трудную инженерную специальность: поступил в горный институт на факультет разработки угольных месторождений и подземного строительства.

Теперь у Федора своя семья. Поженились они с Олей после второго курса. Вместе учились в школе, вместе поступали в институты.

Когда Федора приняли в команду мастеров «Спартак», он по-прежнему все сессии, зачеты, коллоквиумы, лабораторные работы сдавал в срок, а диплом защитил с оценкой «хорошо».

Диплом инженера вручали уже чемпиону СССР, игроку сборной страны, который вскоре — в 1983-м — был признан лучшим футболистом сезона. До сих пор многие удивляются, как это он умудрялся везде успевать. Совершенствование футбольного мастерства, изнурительные многочасовые тренировки — нелегкий труд. И столько же нелегок календарь, когда приходится выступать за клуб во внутренних и европейских турнирах, в составе сборной, а был период, когда Черенков играл и в первой сборной и в олимпийской. А в горном учиться не просто, одна практика на шахтах чего стоит! Он распределял время так, чтобы все сделать, как надо.

Федор Черенков и сейчас всюду успевает, недавно стал аспирантом. Но даже у выдающихся футболистов силы не беспредельны. В начале прошлого года Черенков заболел — перед ответственным матчем с бельгийским «Андерлехтом». Сказалось перенапряжение. Он не выступал несколько месяцев, поговаривали, что большой футбол для него теперь закрыт. Но рядом были друзья — сверстники и наставники,— рядом были родные и близкие, на чью заботу и внимание он мог ответить лишь одним: выздороветь. Он и выздоровел и вернулся на поле. Вернулся и заиграл весело, неутомимо, умно.

Я бы назвал Черенкова футбольным полиглотом, потому что он «говорит» на всех языках игры. Кто он по амплуа? Форвард? Да, и незаурядный. Центральный атакующий полузащитник? Да, потому что прекрасный организатор. Крайний полузащитник? При необходимости отлично сыграет и эту роль, потому что и на поле, как в жизни, успевает повсюду. Он ловок и быстр, техничен и тактически грамотен, изобретателен, психологически стоек и бесстрашен. Он мог бы играть в команде любого стиля, любой манеры: его футбольный язык понятен всем. Потому и признали его в Англии и Бразилии, в Бельгии и Испании.

Если сейчас в составе «Спартака» или сборной не окажется Черенкова, разве это поймет кто-нибудь? В нынешнем сезоне случалось, что немало матчей пропускали Гаврилов и Шавло, надежные партнеры Черенкова, верные спартаковской игре, случалось, что не в лучшей форме бывал и Родионов, но и тогда Черенков уверенно справлялся с ролью лидера.

Удивительное качество Федора Черенкова быть ярким, но действовать ради партнеров, забивать, используя их передачи, но и самому создавать для них благоприятные условия, всегда оставаться самим собой. Так действовал когда-то Пеле, и хотя я понимаю, насколько ответственно такое сравнение, насколько вообще надо осторожно относиться к сопоставлениям на столь высоком, ко многому обязывающему уровне, все же не могу удержаться от искушения поставить Черенкова в один ряд с выдающимися мастерами.

Футбол по природе своей живет будущим. Но какие бы результаты ни принесли грядущие матчи, в одном можно быть уверенным: Черенков еще скажет свое слово.

Фото А. БОЧИНИНА

Дорога

Владимир ДУДИНОВ

●

Дорога начинается с порога,
Где старый тополь детство сторожит.
С напутствия, что скажет мама строго,
И со слезы, что по щеке бежит.
Дорога начинается с порога.
Длина ее — покуда сердцем жив.
Пусть на пути препятствий будет много,
Опасности смертельной виражи.
Ты каждый день, уйдя по зову долга,
Преодолей подъем, что будет крут.
Дорога начинается с порога.
Кончается дорога там, где ждут.

●

Поднимусь на холм —
Даль распахнута.
Словно каша с дымком,
Пахнет пахота.
Вот он, отчий край —
Мой до зернышка.
Как большой каравай,
Красно солнышко.
А за полем — лес...
Был бы взгляд зорчей!
Вижу розовый блеск —
То бежит ручей.
А еще вдали
Горят костры,
Поднимаются с земли
Дымы остры.
Здравствуй, отчий край,
Мой до зернышка.
Как большой каравай,
Красно солнышко.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Возвращаюсь с работы —
Ночная окончена смена.
В час полночный уснули
В переулках пустынных дома.
Только дома жена,
Знаю, встретит меня непременно,
Знаю, двери откроет,
Улыбаясь, она.
И усталость мою
Снимет словно рукою:
«Как дела? Как работа?» —
Ей все расскажи.
Ничего от нее,
Я, конечно, не скрою.
Будет вечер опять
Наш покой сторожить.
Мне она дорога
Каждой малою родинкой.
Приготовит обед
И уложит ребят...
Возвращаюсь с работы,
И, как в детстве,
Смородиной
Ветер ласковый пахнет
После дождя.

ПАМЯТЬ О НИХ

К 160-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

26 декабря 1825 года в Петербурге произошло восстание декабристов, которое В. И. Ленин определил как первое в России движение против царизма. Ленин много писал о декабристах, высоко оценивал патриотизм и героизм участников восстания, напоминал о необходимости хранить память о них. Не случайно эпиграфом для газеты «Искра» стали слова из написанного в 1827 году стихотворения декабриста А. И. Одоевского «Из искры возгорится пламя». Показательно, что в письме к В. П. Ногину В. И. Ленин указал на пробел «Искры» в освещении декабристской темы.

Интерес ученых, исследователей, широких читателей к теме декабристов не убывает и в наши дни. Обобщающие исследования, архивные документы, художественные произведения, посвященные декабристам, открывают все новые подробности жизни, деятельности и наследия первых русских революционеров.

«Огонек» публикует новые материалы о декабристах, подготовленные на основании архивных разысканий.

А. Г. Муравьева.
Акварель П. Ф. Соколова, 1825.

Л. С. КИШКИН, доктор исторических наук

ДОЧЬ ДЕКАБРИСТА

«Дом бабушки Софьи Никитичны Бибиковой был настоящим музеем, и особая прелесть этого музея была в том, что у него была душа, что все эти картины и миниатюры, старинная тяжелая мебель и огромные книжные шкапы, мраморный бюст прадеда в большом двухсветном зале,— все это жило, все было полно воспоминаний... Это все были живые свидетели прошлого в шитых мундирах и арестантской шинели, свидетели, связывавшие его с настоящим и неразрывно с самой бабушкой» — так пишет правнучка Никиты Муравьева о доме его дочери. Этот дом, особенно после 1856 года, был связующим центром декабристов, местом их московских встреч. После амнистии в нем перебывали едва ли не все, кто вернулся из Сибири, где 10 мая 1829 года в Читинском остроге появился первый ребенок декабристской ссылки и каторги. Мать девочки, Александра Григорьевна Муравьева, урожденная Чернышева, была одной из трех декабристских жен, которые немедленно отправились за осужденными мужьями в Сибирь. Это через нее переслал Пушкин друзьям-декабристам посвященные им стихи. Отец ребенка, Никита Михайлович Муравьев, участник заграничных походов русской армии 1813—1814 годов, один из руководителей Северного общества, автор «Конституции Российского государства», безгранично любил свою дочь Соню. Имея склонность к шутливо-ласковому переиначиванию имен, он называл ее Ноня, потом Нон, Ноно, Нонфос и, наконец, Нонушка. Это имя и закрепилось за нею.

Живая, любознательная, общительная и ласковая, но и своенравная, Нонушка словно волшебный огонек согревала и освещала безрадостную и суровую жизнь сосланных. Позже ее называли «первой улыбкой каторги». Она была и осталась любимицей декабристов, о чем сохранилось множество свидетельств. Они и взрослой по-прежнему нежно называли ее Нонушкой. И это неудивительно. Долгие годы она разделяла трудную судьбу большой группы декабристов в Читинском остроге, тюрьме Петровского завода и, наконец, на поселении в селе Урик под Иркутском. Среди ссыльных у нее было много родственников (З. Г. Чернышев, А. М. Муравьев, Ф. Ф. Вадковский, М. С. Лунин, а также А. З. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол), в постоянном общении с семьей Муравьевых, кроме них, находились И. Д. Якушкин, А. Н. Сутгоф, Н. А. Бестужев, В. Л. Давыдов, И. И. Пущин, С. Г. и М. Н. Волконские и другие. И это повлияло на формирование ее взглядов. Рано потеряв мать, не вынесшую всех обрушившихся на нее невзгод (она умерла в 1832 году), Нонушка в 13 лет потеряла и отца (1843). Любовь к ним и память о них никогда не покидали ее, идеалы отца во многом стали и ее идеалами. Она самозабвенно любила Россию, была поборницей свободы и правды, защитницей жертв несправедливости и произвола. На протяжении всей своей жизни она сохраняла самые дружеские связи с декабристами.

Когда умер Н. М. Муравьев, его мать Е. Ф. Муравьева обратилась к Николаю I с просьбой о передаче ей на воспитание внучки, однако царь решительно отказал, написав на ее прошении: «В Екатерининский институт в Москву, на мой счет». Так решилась судьба дочери Н. М. Муравьева. Доставленная в Москву с фельдъегерем и лишь за крупный подкуп повидавшая ночью бабушку, она была определена в Екатерининский институт как девица мещанского звания Софья Никитина (дети декабристов не имели права носить фамилию родителей). Сколь верна была Нонушка памяти отца и матери, свидетельствуют факты. На обращение Никитина она не откликалась. Потому подруги звали ее только по имени — Нонушка. Посетившая как-то институт императрица спросила ее: «Почему, Нонушка, ты говоришь мне «madame»,а не «maman», как все другие девочки?» На это последовал ответ: «У меня одна только мать, и та похоронена в Сибири». Надо было иметь характер, волю и мужество, чтобы так сказать царице.

В институте Нонушка тосковала и часто болела. Под этим предлогом ее тетка С. Г. Чернышева-Кругликова и увезла девочку за границу, где и шло дальнейшее образование Нонушки.

В 1848 году Нонушка вышла замуж за племянника М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов, майора Михаила Илларионовича Бибикова, который тогда же вышел в отставку. С этого времени, став наследницей бабушки Е. Ф. Муравьевой, Софья Никитична жила в Москве. Иногда С. Н. Бибикова выезжала за границу. У нее было пятеро детей — четыре сына и дочь. Воспитанию детей и сохранению памяти о декабристах, по существу, и посвятила Софья Никитична всю свою жизнь.

В доме С. Н. Бибиковой на Малой Дмитровке, вероятно, висели и ее детские портреты, сделанные еще в Сибири Н. А. Бестужевым. Но они, как и многие другие ее вещи, не сохранились, кроме, видимо, одного. О том, какой была дочь Н. М. Муравьева в зрелые годы, напоминает дошедшая до нас ее фотография. Но как выглядела она в молодости, до сих пор известно не было. Однако и такой портрет, как оказалось, есть. Он был найден неожиданно, когда после длительного поиска в Словакии архива свояченицы Пушкина А. Н. Фризенгоф-Гончаровой удалось наконец выяснить местонахождение некоторой его части.

...Июнь 1974 года. Я на четвертом этаже Братиславского града. С волнением перелистываю альбом рисунков Н. П. Ланского, племянника второго мужа Н. Н. Пушкиной. После изображений детей Пушкина, их матери, Гончаровых, Ланских вижу портрет молодой женщины с подписью «Софья Бибикова» и датой — «1851 г.». Лишь дома, в Москве, я осознал, что это дочь Никиты Муравьева. Чтобы убедиться в этом, иду в Исторический музей к М. Ю. Барановской, долгие годы занимавшейся иконографией декабристов. Взглянув на портрет, Мария Юрьевна воскликнула: «Боже, как она похожа на свою мать!» В альбоме сестры жены Пушкина портрет оказался, очевидно, потому, что Гончаровы были в родстве с Бибиковыми. Личность Нонушки заинтересовала меня. Я стал искать сообщения о ней, а потом просмотрел архив Муравьевых—Бибиковых, хранящийся в ЦГАОР.

Многочисленны письма декабристов к Нонушке. Они малоизвестны. Трогательной нежности исполнены письма И. Д. Якушкина из Ялуторовска. В одном из них (1836) читаем: «Скоро надеюсь получить портрет твой, милая Нонушка. Бабинька твоя Катерина Федоровна обещала сама мне его прислать. В Ялуторовск приехал Матвей Иванович Муравьев, он очень помнит и любит твоего папà и дядю. Мы с ним часто о вас говорим. Целую твою ручку». А вот письмо другого декабриста из Петровского завода (конец 1830-х годов): «Помнишь ли, добрая и милая Софья Никитична, старого друга... Весело ли тебе в Урике, чем занимаешься, с кем играешь... Опиши, пожалуйста, все подробности твоей жизни... Часто хотелось бы поиграть с тобой, посмотреть на тебя, солнышко ненаглядное, да, увы, дистанция нас разделяет огромного размера... Прощаясь, Нонушка, целую твои ручки и желаю тебе быть здоровой, веселой, умной и утешением Никите Михайловичу. Остаюсь навсегда любящий тебя Александр Сутгоф». Полны любви и заботы о Нонушке обращенные к ней письма Захара Чернышева, Александра Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола и других.

Из писем С. Н. Бибиковой к мужу следует, что она была знакома со многими людьми из окружения Пушкина (Виельгорские, Бобринские, Мятлевы, Галаховы, Гр. Строганов, А. Н. Раевский, Н. Н. Муравьев и др.). В октябре 1849 года Софья Никитична пишет мужу из Москвы: «Гоголь про тебя спрашивал, я ему сказала, что ты в Петербурге, давал мне советы, как воспитывать сына, поменьше покупать игрушек и самых простых, чтоб он сам из них мог строить и городить, и давать вдоволь бороться и драться. Я за тебя рада, что Гоголь в Москве, тебе можно будет ходить к нему пешком».

Не раз бывал у С. Н. Бибиковой Л. Н. Толстой. В феврале 1878 года он писал жене: «Нынче был у двух декабристов, обедал в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична мне пропасть рассказывала и показывала». Начало знакомства было связано с замыслом романа «Декабристы».

В одном из писем к мужу Софья Никитична как бы определяет свое общественное кредо: «Мне кажется, системою гонений и вражды ничего нельзя получить... Не надо доводить людей до отчаяния».

О литературных интересах Софьи Никитичны говорит сохранившийся у нее текст 37 строф «Тюремной песни» Г. С. Батенькова, написанный им самим с пояснением: «Это была полная законченная песнь. Не было средств записать ее. Составлена на память и невозвратно забыта. Здесь представлены отрывки. Есть и другие песни, но изменяет во многом воспоминание. Здесь только ответ на вопрос, как можно человеку жить в темном заключении, одному, почти четверть века во цветущие лета жизни».

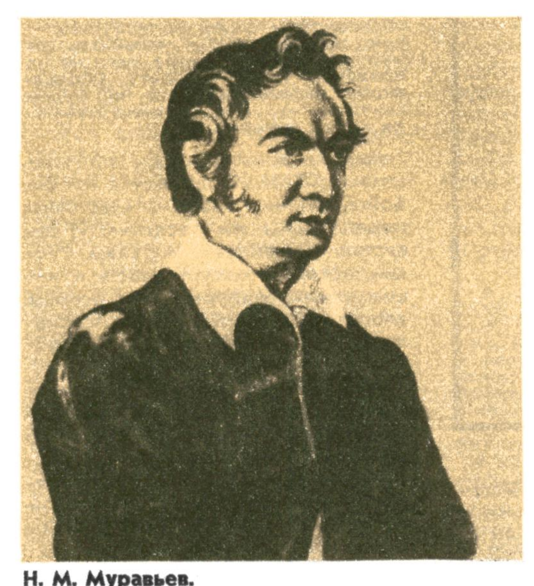
Остро и болезненно переживала С. Н. Бибикова события Крымской войны. 9 сентября 1855 года она писала: «Тяжело, невыносимо знать, что враги торжествуют, и не знаешь, как все это кончится и как пособить. Русское сердце кровью обливается». Не менее волновала ее и русско-турецкая война 1877—1878 годов, в которой участвовали три ее сына. Она радовалась освобождению «миллионов славян». Для общественных симпатий дочери декабриста показательны ее письма к одному из руководителей Северного общества, Е. П. Оболенскому. 21.X.1861 года, сообщая ему о прошедшей 12 октября 1861 года в Москве студенческой демонстрации, она писала: «Полиция действовала самым возмутительным образом. Большинство сочувствует студентам. Про себя не стану вам и говорить. Вы настолько меня знаете, чтобы быть уверену в живейшем моем к ним сочувствии». Под датой 29.XI.1882 в ее дневнике есть запись: «Кругом в России все мрачно... горя, бедности, зла столько, что помочь я не в силах».

Особое место в бумагах С. Н. Бибиковой занимают воспоминания прежде всего об отце, которого всю жизнь обожествляла, тяжело переживая свое сиротство. Она принималась за них несколько раз, но, к сожалению, написала мало. Какими интересными могли бы стать эти мемуары, позволяет судить их подробный план. В первой части воспоминаний Софья Никитична предполагала осветить жизнь в Сибири, во второй — от 1843 года до замужества. Первая глава первой части озаглавлена «Характер отца моего». Именно к ней относятся очень ценные фрагменты воспоминаний. Слово «Отец» дочь Н. М. Муравьева писала с большой буквы. 28 октября 1872 года С. Н. Бибикова сделала такую запись: «Многие часто говорят мне, зачем я не пишу воспоминаний моего детства, не оставляю детям моим письменного рассказа о выдающихся из ряда обыкновенной жизни событиях, выпавших на мою долю с раннего детства. Сама я всегда желала передать им во всей возможной целости очерк той высокой и чистой личности, какою был мой Отец... Он всегда до конца готов был пожертвовать и своею жизнью, и даже детьми за святость своих убеждений... Цель моя — оставить сыновьям моим воспоминание об Отце моем и желание, чтобы пример его жизни прошел для них не бесследно». Через месяц, 26 ноября 1872 года, появилась еще одна запись об отце: «Вся жизнь моя потерпела от того, что я так рано лишилась Отца моего, так рано осталась без руководителя, которому верила слепо во всем, видя в нем поборника добра и истины».

«Я начинаю помнить Отца моего,— читаем далее,— во время болезни моей матери (мне было три с половиной года). Помню его озабоченное лицо. Сквозь сон представляется мне бледное и погруженное в глубокую скорбь лицо его уже после ее смерти... До конца своей жизни Отец был особенно грустен октябрь и ноябрь, месяцы болезни и смерти моей матери. Он пережил ее 11 лет (мать скончалась 22 ноября 1832 года в Петровском заводе, Отец — 28 апреля 1843 года в селе Урик). Потом сам он был болен, сознание долга перед дочерью возвратило ему силы. Ропота от него я никогда не слышала. Никогда тоже он не осуждал своего ближнего и не любил пустословия... Он так любил правду, что не терпел лжи даже в шутку... От природы нрава впечатлительного и вспыльчивого, он так владел собою, что никто не видел его гнева и никогда не слыхал от него не говоря грубого, но жесткого слова... Он был застенчив, как девушка, всякое нескромное слово заставляло краснеть его... На всех его окружавших Отец имел огромное, благотворное влияние... Брат его меньший Александр любил его не как брата, а как отца и всегда во всем обращался к нему за советом».

Есть в воспоминаниях замечание и о том, каким примерным сыном был Н. М. Муравьев. Возвращаясь от М. Н. Волконской в 1836 году, он сломал при падении с лошади ключицу, но ничего не сообщил об этом матери, чтобы не волновать ее. Воспоминания содержат немало характерных штрихов, рисующих Никиту Муравьева: «Старым людям он всегда оказывал почтение... Помню, как он на меня рассердился за то, что я не встала, чтобы отвечать на поклон хозяину нашему 70-летнему крестьянину Дм. Водохлебову. Я была девочкою 8 лет и сидя ему поклонилась вполоборот. Сословные предрассудки не существовали для него. Он сажал с собою за стол крестьянина (или, вернее, поселенника Анкудинова), к великому негодованию камердинера... Семена... Как любила я смотреть на Отца моего, когда он оживлялся в умной задушевной беседе со своими любимыми товарищами, особенно когда дело касалось до России, которую он так пламенно любил. Все лицо его как бы преображалось, большие прекрасные глаза горели огнем вдохновения, застенчивость покидала его, и речь его текла вдохновенным потоком. Густые с сильной проседью довольно длинные волосы он откидывал рукою со лба. Он был прекрасен и увлекал всех своим красноречием. Помню, как однажды какой-то заезжий офицер (все проезжие вменяли себе в обязанность бывать у Отца и его товарищей, так они умели поставить себя) коснулся тогдашних злоупотреблений правительства и, потом нагнувшись к уху Отца, прибавил вполголоса: «Я должен вам сознаться, что не люблю Россию». Отец в сильном негодовании отодвинулся от него и громко ответил: «Зачем вы это говорите мне. Если бы я не любил Россию, я не был бы здесь...»

БЕССМЕРТНА

Н. М. Муравьев.
Акварель Н. А. Бестужева. 1836.

С. Н. Бибикова (Муравьева).
Рис. Н. П. Ланского, 1851.

В воспоминаниях приводится иная, чем в других источниках, дата рождения Н. М. Муравьева — 19 августа 1795 года, с чем согласуется замечание его дочери о том, что он умер на 48-м году жизни. И еще несколько деталей. «Отец не понимал и не допускал скуки. Никогда и нигде не скучал. И я помню это. Кто действительно много и сильно страдал, тому скука не понятна и не доступна... В одном только случае, невозможно, кажется, не поддаться скуке, а именно в обществе людей тупых и напыщенных. Чванство и важность для меня невыносимы ни в ком». Когда гувернантка обижала Нонушку, отец, утешая ее, говорил: «Не плачь, не огорчайся, лучше быть обиженным, чем обижать самой». Интересно, что Н. М. Муравьев, как вспоминает его дочь, не считал, что от детей надо скрывать все тяжелое. Потому, замечает она, отец никогда «не скрывал от меня тяжелых событий».

Всю жизнь С. Н. Бибикову волновал вопрос, достойная ли она дочь своего отца. Касаясь этой темы, она пишет: «Единственное, что уцелело и вполне во мне из всего духовного наследства Отца моего, это, кроме горячей любви к моей Родине, любовь к правде и отвращение ко лжи...» Конечно, дочь восприняла от отца больше, хотя и считала себя «отделенной от него недосягаемой бездною». Софья Никитична искренне сочувствовала всему передовому и прогрессивному, активно помогала оставшимся в Сибири декабристам. А после амнистии ее дом стал своеобразным декабристским клубом, главным очагом декабристской традиции второй половины XIX века. В доме Софьи Никитичны царил «культ воспоминаний» о Сибири и декабристах. «И в самом деле,— писала ее внучка,— каждая вещь была с ним (культом.— Л. К.) связана. Старинное кресло, на котором умер в Сибири прадед Никита Михайлович, рабочий столик в виде жертвенника, старинный массивный и тяжелый, подарок прадеда жене; всевозможные часы, портреты, миниатюры... Это все были страницы жизни, и при этом в рассказах и воспоминаниях проходили как китайские тени на экране фигуры декабристов Волконского, Трубецкого, Свистунова, Оболенского, Поджио, барона Розена, Сутгофа, и многих других, вернувшихся из Сибири, и собиравшихся у бабушки по пятницам... И среди всего этого прошлого бабушка Софья Никитична, в своем неизменном черном, простом платье, с крупными морщинами на характерном лице, с белыми как серебро волосами... Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтила его память и все, что он успел передать ей из своих знаний».

К перечню бывавших в доме на Малой Дмитровке можно еще прибавить Г. С. Батенькова, М. А. и Н. Д. Фонвизиных, И. А. Анненкова, И. И. Пущина и часто посещавшего дочь декабриста дядю ее мужа — М. И. Муравьева-Апостола. Все это были друзья ее родителей, близкие и дорогие ей люди.

Такой предстает перед нами по воспоминаниям современников и личному архиву эта женщина, юный портрет которой оказался в альбоме А. Н. Фризенгоф, находящемся теперь в Словакии в Литературном музее А. С. Пушкина (Бродзяны).

Софья Никитична Бибикова скоропостижно скончалась 7 апреля 1892 года, немного не дожив до 63 лет, и была похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище. Ее могила, по рассказу М. Ю. Барановской, до войны находилась неподалеку от могилы К. А. Тимирязева.

Память — понятие отвлеченное, ее нельзя взять в руки. И все-таки она есть, она — наше наследство, наше историческое прошлое. Есть на нее право и у той, кого декабристы нежно называли Нонушка. Сама же она бережно пронесла эстафету памяти об отце, матери и их товарищах через всю свою нелегкую жизнь.

обзор писем

Срочно требуются дирижеры!

ТАК НАЗЫВАЛОСЬ ИНТЕРВЬЮ С ИЗВЕСТНЫМ ГЛАЗНЫМ ХИРУРГОМ СВЯТОСЛАВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ФЕДОРОВЫМ («Огонек» № 37 за 1985 год).

И ПОШЛИ ПИСЬМА. В СТИХАХ И В ПРОЗЕ. КРАТКИЕ, В ТРИ СЛОВА: «СПАСИБО ЗА СТАТЬЮ» — И ОБСТОЯТЕЛЬНЫЕ, КАК ДИССЕРТАЦИЯ, ВОСТОРЖЕННЫЕ И СЕРДИТЫЕ. НЕ БЫЛО ТОЛЬКО ПИСЕМ РАВНОДУШНЫХ.

«С восторгом прочитали вашу статью,— пишет из Минска Вера Казимировна Гардиевич.— Восхищены личностью Федорова — человека, хирурга, ученого, его гражданской позицией. Целиком и полностью поддерживаем все высказанное им в этой публикации. Проблемы, поднятые им, крайне актуальны и вполне разрешимы, если они найдут должную и очень необходимую поддержку у организаторов нашего здравоохранения».

«Выступление профессора Федорова до глубины души нас взволновало,— пишет ветеран Великой Отечественной войны, персональный пенсионер Виктор Иванович Годунов из города Новоузенска Саратовской области.— Я давний читатель «Огонька» и вспоминаю ваши публикации о том же Федорове, о хирургах-новаторах из Кургана Г. Илизарове и Я. Витебском, о московском враче профессоре Н. Ромашове, о других подвижниках. А до чего актуально и необходимо недавнее выступление академика Д. С. Лихачева «Культура и мы»! Читаешь такие статьи и понимаешь, как богат, как силен талантами наш советский народ, но вместе с тем, к сожалению, и сильна еще пресловутая «рутинушка». Оказывается, что успех решения многих наших социально-экономических проблем заключается не только в ускорении научно-технического прогресса и в интенсификации нашего разнообразного общественного производства, но главным образом — в их творце, в его величестве Человеке!..»

Похожие мысли выражены во всех письмах. Читатели благодарят С. Н. Федорова за его выступление, отмечают его активную жизненную позицию, неутомимость, способность «точно ставить диагноз социальным хворям». Особенно живой отклик нашло высказывание ученого о том, что зачастую мы воспитываем слепых исполнителей инструкций, мало самостоятельности предоставляем молодежи.

Авторы писем искренне откликнулись на полемический призыв интервью. Одни предлагают С. Н. Федорову свои услуги («...Я был бы втройне счастлив, работая рядом с вами в качестве инженера по организации труда»,— пишет, например, В. Севальнев из Ставрополя), другие рассказывают в письмах о своих друзьях и знакомых, уверяя, что их участие поможет развить успех Московского института микрохирургии глаза. В письме, пришедшем из Волгограда, автор, попросивший не называть его фамилии («а то мой друг на меня рассердится»), поведал о мастере — золотые руки, инженере-механике Ткачуке. На одном из химических предприятий, где он работает заместителем начальника цеха по изготовлению нестандартного оборудования, его считают одним из лучших изобретателей. Но не только на производстве, Ткачук и дома проявляет чудеса выдумки и ювелирного мастерства. Например, из двух серебряных ложек он так искусно сделал жене цепочку, печатку и браслет, что никто не может отличить их от старинных. «Вашему техническому отделу, которым руководит Е. Дегтев, нужны как раз такие, «богом данные» руки умельца, там они послужат людям с еще большей пользой, чем это возможно сейчас» — так заканчивается это письмо. Мы передали его Евгению Ивановичу Дегтеву.

Да, прав житель Новоузенска В. И. Годунов: богат и силен талантами наш народ, богат мастерством, выдумкой. Каких только названий не предлагают читатели для хирургического конвейера! (Помните, С. Н. Федоров просил помочь найти для их новшества — автоматической линии прозрения — более простое, более удобное название.) Уже упомянутая В. К. Гардиевич предлагает для конвейера имя «Светоч». Житель деревни Лопотово Лузского района Кировской области В. В. Нелюбин придумал для него новое слово «Светолер». Читатель так его объясняет: «Свет — ибо врачи несут слепым прозрение и свет. А вторая часть слова — это дань техническому прогрессу».

Настоящим лингвистическим исследованием откликнулся ленинградец, инвалид Великой Отечественной войны Борис Никитич Кирьянов, который убежден, что мы сегодня чрезмерно увлеклись иностранными терминами и всюду, часто без надобности, вводим их в обиход. Он предлагает вместо английского по происхождению слова «конвейер» ввести в употребление наше исконное «прóдвиг», образованное от того же корня, что слова «движение», «двигать», «продвигать».

Предложения наших читателей мы отдали на суд сотрудников института микрохирургии глаза. Блицконкурс, проведенный тут же в кабинете директора, сразу выявил общность мнения офтальмологов. Больше остальных им пришлось по душе название, данное читателем из Кировограда, персональным пенсионером республиканского значения Петром Васильевичем Редько,— «Эстафета». В самом деле, ведь один хирург передает работу другому хирургу, словно эстафетную палочку. Слово «эстафета» хорошо воспринимается и больными. Трое пациентов, оказавшихся в кабинете при обсуждении, были единодушны — они предпочли бы услышать от хирурга, что им завтра идти не на конвейер, а на эстафету. Ободряющее выражение. Что ж, будем считать, что предложение читателя врачи приняли.

Авторы многих писем обращаются к С. Н. Федорову с просьбой о лечении. Разными чувствами переполнены эти послания. И завистью («Завидуем жителям России, которые могут попасть в институт микрохирургии без особых хлопот. Получить туда направление от нас практически невозможно из-за территориального принципа деления»,— пишут сестры Салаевы из Баку). И отчаянием («Десять лет назад у нас родился сын с врожденной катарактой,— пишут супруги Умаралиевы из поселка Зафар Ташкентской области.— Через год ему сделали операцию, но она прошла неудачно, глаз совсем перестал видеть. Вот уже девять лет как из одной клиники мы переходим в другую, но результата все нет»). И надеждой...

Люди откровенно пишут, что в помощи института, которым руководит С. Н. Федоров, они видят свой последний шанс вернуть себе нормальное зрение. Такие письма пришли из разных уголков страны. А что же тамошние врачи? Действительно не могут помочь или не хотят? Или, может быть, не могут, потому что не хотят?

Как-то в стенах института мы разговорились с глазным врачом из Ставропольского края. На вопрос, почему же у них не внедряются новые методы лечения зрения, он откровенно ответил: «Так вот сколько для этого надо всего доставать, сколько надо пробивать, сколько трепать нервов!»

Да, внедрение нового — дело хлопотное и часто кончается неприятностями. Потому многие врачи предпочитают этих хлопот избегать. Такая социальная пассивность приводит многих наших читателей в негодование.

«Какое право имеет врач, дававший клятву Гиппократа, исполь-

зовать устаревшее оборудование, если в соседней области его коллега внедрил новое, более совершенное!— законно возмущается житель Алма-Атинской области В. М. Калашников и продолжает: *— Уверен, что перестройку нашей медицины надо начинать с совершенствования системы отбора в медицинские вузы, чтобы туда не попадали случайные, равнодушные люди, а только те, кто станет б о л е т ь за свое дело».*

Отметим, что от врачей пришло немало писем. Их авторы поддерживают выступление С. Н. Федорова, так же, как и он, озабочены положением дел в нашей медицине. Вот что пишет, например, житель города Чехова из Подмосковья, кандидат медицинских наук Н. А. Марков:

«Как изобретатель эндопротеза позвоночника, предназначенного для выпрямления горбатых людей, собственным горьким опытом могу подтвердить выводы С. Н. Федорова о незаинтересованности многих организаторов здравоохранения в поддержке новых идей и изобретений. В настоящее время под любым предлогом могут безнаказанно охаять идею новшества, «затюкать» изобретателя, свести изобретение к нулю или предать его забвению, особенно, если автор из практического медицинского учреждения и не имеет высокой авторитетной поддержки.

Для повышения эффективности медицинской службы в восстановлении трудовых ресурсов страны и облегчения тернистого пути изобретателей нужно как можно скорее ввести новые критерии оценки работы лечебных учреждений по количеству и качеству вылеченных больных, как предлагает С. Н. Федоров, и установить юридическую и партийную ответственность за препятствия, чинимые изобретателям. Кроме этого, мне кажется, необходимо руководителей, которые поддерживают новые идеи и обеспечивают их быстрое воплощение и внедрение, награждать персональными окладами. Все это многократно окупится научным прогрессом и восстановлением здоровья людей.

Как врач, защитивший кандидатскую об особенностях заживления операционных ран у больных костно-суставным туберкулезом, восхищен открытием С. Н. Федорова зависимости регенерации роговицы от острия ножа. Считаю это величайшим достижением науки. Несомненно, оно приведет к другим, еще более фантастическим результатам».

Со смешанными чувствами мы читали письма от врачей, которые у себя на местах, переняв опыт клиники С. Н. Федорова, добились разительных перемен в своей работе. Более подробно хочется остановиться на письме главного офтальмолога Красноярского края, заслуженного врача и заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора П. Г. Макарова. Как нам сообщили в Минздраве республики, глазная служба края, которой П. Г. Макаров руководит уже 32 года, официально признана школой передового опыта. Однако давайте почитаем, какие препятствия пришлось для этого преодолеть красноярским врачам.

«Чтобы получить право работать по бригадному подряду,— пишет профессор,— потребовалась статья в «Известиях». Затем по материалам публикации — проверка работы нашей службы авторитетной комиссией, затем коллегией Минздрава СССР и лишь тогда — решение в нашу пользу. Но, когда по бригадному методу изъявили желание работать врачи двух других клинических баз кафедры, потребовалась новая публикация — статья в «Правде». В итоге — новая комиссия из шести человек на десять дней. Сейчас по прогрессивному методу у нас работают 16 бригад.

О том, что дала организация работы по бригадному методу, позволяют судить следующие показатели. Пять крупных центров микрохирургии глаза РСФСР производят в среднем 9 операций на одну койку (у нас — 20), имплантаций искусственных хрусталиков — 87 (у нас — 833), операций по поводу отслойки сетчатки — 85 (у нас — 265), по близорукости — 32 (у нас — 221).

Иначе говоря, за счет условной экономии на тех же койках получили лечение более 20 тысяч человек. Но при этом сами врачи получают лишь моральное удовлетворение. Поэтому и неудивительно, что, хотя с нашей работой знакомились более трехсот врачей разных специальностей и должностных уровней, переходить на бригадный метод желающих практически не оказалось. Так, в крае на этот метод работы не перешло ни одно учреждение. Среди же офтальмологов России мне известно лишь одно такое отделение — в Ростове-на-Дону».

А вот чего добились красноярские офтальмологи, внедрив новые методы диагностики и лечения. В течение последних пяти лет в результате использования передовой технологии (микрохирургии, лазеров и прочего) им удалось снизить стоимость лечения больного в сутки в четыре раза. Количество операций увеличилось в 2,3 раза, а особо сложных — в десять раз. Новейшее оборудование позволило значительную часть операций делать амбулаторно. Это дало возможность отказаться от 45 коек, стоимость содержания которых превышает сто тысяч рублей.

И вот результат — после статьи в газете «Советская Россия» о достижениях медиков Красноярска туда приехала комиссия, и в итоге было принято решение, во-первых, о... сокращении должности заместителя главного врача по лечебной работе (теперь его обязанности выполняют заведующие отделений по очереди) и, во-вторых, об изменении оплаты труда хирургов. Вы думаете, они стали получать больше? Увы, глазной хирург, оперирующий амбулаторно, за труд получает меньше. Надбавки за напряженность труда ему не положено, и отпуск у него на шесть дней меньше.

Вот такая выходит нелепость. Вместо поощрения энтузиасты добились совсем обратного. Чего ж тогда мы удивляемся, что так долго у нас в медицине внедряются новые методы лечения!

Здесь шла речь о больницах, а что ж в поликлиниках? Давайте вернемся вновь к письму профессора П. Г. Макарова.

«К сожалению, до сих пор нет показателей,— пишет он,— характеризующих количество и качество лечения больных в поликлиниках. Учитываются только посещения. Поликлинический врач отчитывается за посещения из расчета восемь человек в час. При такой нагрузке лечить больных, используя современную технику, невозможно. Поэтому врач более половины времени вынужден тратить на осмотры здоровых людей, чтобы набрать 10 тысяч посещений в год для оправдания ставки.

В нашем здравоохранении на стратегическом уровне хорошие и правильные формулировки. Однако на уровне отдельных служб, в частности в офтальмологии, происходит потеря целей; нет количественных характеристик проблем службы — слепоты, слабовидения, пониженного зрения; нет стандартов на качество лечения. Поэтому все приказы министерства ориентированы не на решение проблем, а на экстенсивные показатели роста коек и врачей от достигнутого. Если есть рост коек и врачей — хорошо, если нет — плохо.

Назрела необходимость рассмотреть вопросы материального стимулирования с целью расширения права органов здравоохранения по финансированию целевых программ, а также предоставления главным врачам права платить в пределах установленного фонда зарплаты за количество и качество работы, а не за часы. Заслуживают внимания и экспериментальной проверки альтернативный вариант С. Н. Федорова («хозрасчет») и другие предложения, высказанные в статье».

Как видим, выводы красноярского профессора во многом совпадают с мыслями профессора С. Н. Федорова. По мнению обоих, главным тормозом в совершенствовании нашего здравоохранения является засилье устаревших распоряжений, приказов, инструкций, которые и сдерживают творческую активность врачей. Почему, например, директор даже такого уникального института, как Московский НИИ микрохирургии глаза, согласно существующему ныне положению, имеет право использовать на премирование своих сотрудников (и научных в том числе) не все сэкономленные по статье «заработная плата» деньги, а лишь 1,5 процента от экономии фонда? Почему директор лишен права установить размеры вознаграждения за хорошую работу с учетом л и ч н о г о вклада каждого работника? То есть платить не за время пребывания на службе, а за количество и качество работы? И наконец, почему финансирование таких институтов, как Институт микрохирургии глаза, должно идти так же, как и всех прочих, которые работают хуже, с меньшей отдачей? Ведь лечение больных в его стенах (за счет личных усилий врачей, медсестер, ученых и т. д.) обходится государству вдвое, втрое дешевле. Почему же не учитывают и не оценивают по достоинству усилия своих работников?

Здоровье — конечный результат лечения! Так вот институт предлагает провести в своих стенах эксперимент, аналогичный тому, что сейчас проводится в ряде отраслей промышленности. Врачи не просят никаких поблажек, никаких льгот! Наоборот, они добиваются, чтобы им дали возможность работать еще лучше, еще эффективнее.

За счет чего?

За счет материального поощрения тех, кто этого заслуживает. А откуда же государству взять деньги на такое поощрение? Из другого своего кармана — из статьи «Строительство новых глазных больниц». Ведь если в Институте микрохирургии лечат втрое больше людей, чем в других аналогичных учреждениях, то государство может некоторую часть сэкономленных на строительстве средств отдать институту. А он, в свою очередь, обязуется за счет внедрения новейшей технологии тратить на вылечивание каждого больного в полтора, в два раза меньше денег. Только часть от этих сэкономленных институтом денег надо будет ему компенсировать. Вновь созданный таким образом резерв средств будет использоваться на приобретение новейшего оборудования, на социальные нужды (детский сад, база отдыха и т. п.) и на материальное поощрение лучших работников. Этот резерв пойдет и на финансирование научных исследований.

Таким видится С. Н. Федорову завтрашний день его клиники.

Понятно, что такой эксперимент — дело новое и доверить его можно далеко не каждому учреждению. Здесь нам хотелось бы напомнить, что за всю историю существования института ни одна фундаментальная идея, рожденная в его стенах, краха, как это предсказывали иные скептики, не потерпела. Наоборот, большинство его открытий стало достоянием мировой и отечественной медицины. Но сотрудники Федорова не успокаиваются на достигнутом, не почивают на лаврах. В институте продолжается поиск новых, еще более эффективных методов лечения. И поиск весьма успешный: на недавней международной выставке в Сокольниках «Здравоохранение-85» иностранные фирмы заключили с институтом контракты на сумму, большую, чем с остальными нашими медицинскими научными учреждениями, вместе взятыми.

Участник Великой Отечественной войны житель города Свирска Иркутской области Михаил Васильевич Заяшников обращается в институт с просьбой *«изыскать возможность достойным образом поощрить врачей и научных сотрудников Н. Пашинову, И. Иванова и В. Захарова. Это благодаря их высокой квалификации и героическим стараниям я теперь вижу мир. Такие усилия должны быть оценены по достоинству».*

ВСЕ ЭТИ ВОПРОСЫ МЫ АДРЕСУЕМ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ МИНЗДРАВУ, ГОСПЛАНУ И СОВЕТУ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ, ГДЕ КАК РАЗ СЕЙЧАС ОБСУЖДАЕТСЯ ПОДПИСАННОЕ С. Н. ФЕДОРОВЫМ ПИСЬМО С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ИНСТИТУТУ МИКРОХИРУРГИИ ГЛАЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЦЕЛЯХ НАИЛУЧШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ НА ОСНОВЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПО КОЛИЧЕСТВУ И КАЧЕСТВУ ВЫЛЕЧЕННЫХ БОЛЬНЫХ.

Обзор подготовил Михаил БУЙНОВ.

Рабочее место Арчила Викторовича Гулуа находится не в цехе, а на деловом дворе, под навесом, где жужжит электропила и пахнет опилками. Арчил берет длинные доски, очищает края и делает заготовки для щита, точнее — для опалубки. А что такое опалубка, знает каждый строитель. Без опалубки не забетонируешь, не возведешь.

Может быть, со временем научно-технический прогресс и заглянет в зугдидский филиал треста «Стройдеталь». Но пока для того, чтобы сколотить щит, нужен вот этот несложный, не требующий особой квалификации труд, и нужны хорошие рабочие руки, которые быстро и ладно выполняют его. А о том, что у Гулуа именно такие руки, свидетельствуют не только добрые слова его товарищей по цеху, но и присужденная ему несколько лет назад Министерством строительства Грузинской ССР Почетная грамота, а также премия в виде автомобиля «Москвич».

Итак, Гулуа со своей пилой стоит на одной из нижних ступеней иерархической лестницы профессиональных строителей — каменщиков, бетонщиков и плотников, мастеров и бригадиров, инженеров, начальников и управляющих трестами. Министра, наконец. Таково его место в работе, к которой он причастен. Зато семья Арчила Гулуа находится, можно сказать, на министерской высоте, где нижнюю ступень лестницы занимает (пока что!) бессловесное существо по имени Сосо.

Вот его-то мы и увидели первым, когда вошли в дом Арчила Гулуа. Сосо был один в большой комнате на первом этаже, лежал в люльке и лучезарно улыбался незнакомым людям. Тотчас же спустилась сверху такая же улыбчивая его мама, хозяйка дома Тина Васильевна Гулуа (урожденная Валенкова).

— И больше никого? А где же остальные?

И тут началось перечисление, не сказала бы, чтоб очень четкое, с некоторыми заминками, загибанием пальцев и смущенными смешками. В конце концов все-таки разобрались.

Гогита, Темури и Мтвариса — в детском садике, появляются дома к вечеру.

Муртаз и Отар работают с отцом в «Стройдетали». Муртаз уже отслужил в армии, Отар собирается служить. Тоже приходят вечером.

Элисо и Фатима — в восьмилетней школе-интернате, отсюда километров семь. Отец привозит их на субботу — воскресенье.

Джумбер, Паата и Зураб. Эти мальчики в кутаисской школе-интернате. Приезжают, но не каждую субботу, далековато.

Роман служит в армии, в Челябинске.

Маквала замужем, в соседнем районе.

Кордико замужем, в другом соседнем районе. У нее уже двое детей и еще взяла к себе маленького брата Кобу.

И вот Сосо, пятнадцатый.

А в доме тихо. Совсем не так, как мы представляли себе, когда ехали сюда: шум-гам, беготня по комнатам, по двору, конфликты, подзатыльники...

Все это мы увидели на следующий день, в субботу, когда, как обычно, съезжаются в семью школьники-интернатники, а иногда и замужние дочери. Маквала на сей раз приехать не смогла, готовилась в родильный дом. Зато Кордико взяла с собой не только братишку Кобу, но и мужа Онери, который как бы возместил отсутствие челябинского солдата Романа.

Тут-то и заходил ходуном дом Гулуа. И, конечно, кто-то из мелюзги падал с лестницы, расквашивая себе нос. То и дело раздавались шлепки, но капризного плача за ними не следовало. Отец Арчил и мать Тина молча бдили, якобы ко всему этому они не причастны. Все улаживала старшая из дочерей, Кордико. Но и она, по всему видно, теряла свою прежнюю власть над компанией, и на передний план теперь выдвигалась полная энергии пятнадцатилетняя Элисо. Это она поручила «нижестоящим» подмести балкон, принести стулья, вернуть ускользнувшего на улицу малыша. И все спокойно, деловито, потому что срабатывала система, столь необходимая при ведении не только государственных, но и семейных дел.

Блаженствовал, не ведая еще сложных человеческих взаимоотношений, лишь Сосо, перекатывался из рук в руки своих братьев и сестер. В больших семьях как-то по-особому любят маленьких. А сверх того ему, пятнадцатому, выпала удача получить самые первые уроки жизни в этом просторном и красивом доме. Все остальные его девять братьев и пять сестер росли в большой тесноте, что и вынудило родителей отправить их в школы-интернаты.

— Я тоже рос в многодетной семье,— сказал нам Арчил Гулуа.— Правда, нас было меньше, всего девятеро братьев и сестер. Но время какое тяжелое, послевоенное! И я с тринадцати лет ушел из дома зарабатывать себе на кусок хлеба. А теперь хочу, чтобы все мои дети получили образование и воспитание. Им хорошо в школах-интернатах, за ними там глаз и глаз. Не растут подобно нам, как трава. Я и не знаю, стоит ли их забирать оттуда, потому что появился новый дом?

Да, у Арчила появился новый дом. Нежданно-негаданно и, главное, непрошено. Он не просил об этом никого.

Гордый человек. Голова была забита тем, как их всех одеть и обуть. А вот товарищи по цеху в «Стройдетали» попросили за него. В самом деле, сказали они, что же это мы как «сапожники без сапог»?

Приезжал в «Стройдеталь» министр строительства республики Иосиф Алексеевич Харатишвили, посмотрел, как живет его рабочий, и вынес на коллегию вопрос о постройке за счет средств министерства специального жилого дома для многодетной семьи А. В. Гулуа. Решили поручить это зугдидскому стройтресту № 12, а строила передвижная механизированная колонна № 71, которую возглавляет Ианур Илларионович Парцвания.

— Я приехал к Арчилу в мае этого года,— рассказывает Ианур Парцвания.— Показал ему проект: «Вот смотри, какой будет дом. Двухэтажный!» Арчил глядел, молчал. Он вообще не любитель распространяться. Ну, поглядел и говорит, что марани, то есть винное хранилище, ему не надо, он непьющий. Лучше на этом месте еще одну комнату. Так и сделали: семь комнат общей площадью 125 квадратных метров, не считая большого балкона. Начали строить в мае, закончили в конце сентября. И обошелся дом в 35 тысяч 850 рублей. Смог бы Гулуа сам себе построить такое? Да никогда! А вот платить на общем основании квартплату, да еще с определенными льготами — это ему под силу. У него уже два сына-работника в семье.

— А скажите, Ианур, для чего вы поставили во всех комнатах радиаторы? Ведь в селении нет центрального отопления?..

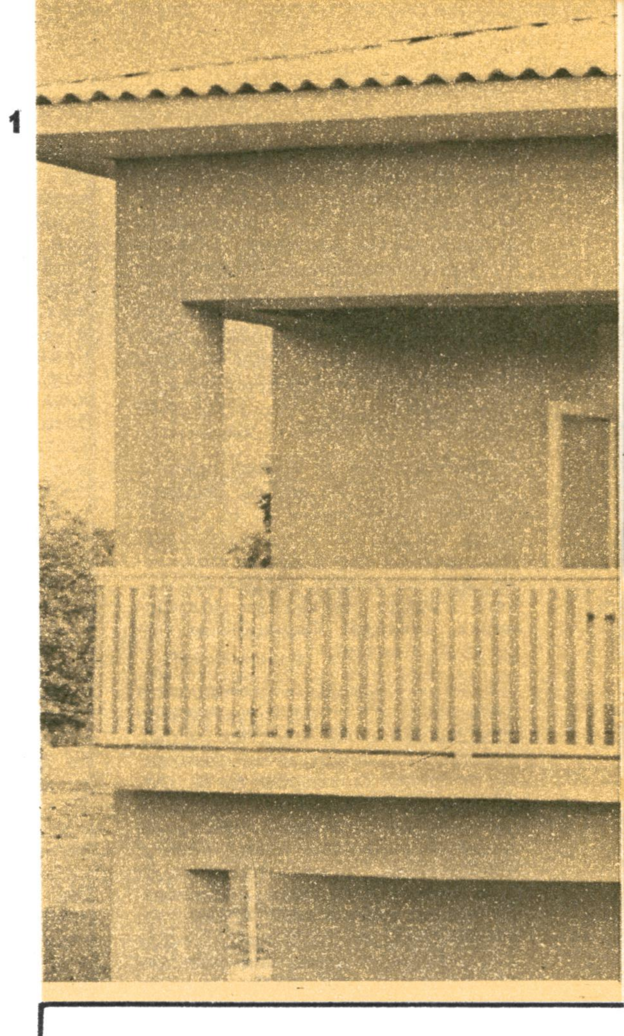
— Приспособили печь и дымовую трубу. От печи можно получать горячую воду.

...Когда Арчил был совсем младенцем, как его теперешний Сосо, а Тины вообще не было на свете (она родилась в 1945-м), из Ахалабастумани ушел на фронт председатель здешнего колхоза Григорий Схулухия. Ему шел тогда 32-й год. Жена, Кетевана, уже подарила ему сына. Но он не знал, что его ждет еще одна радость — дочь. И так и не узнал. Майор-разведчик попал в руки фашистов, его пытали, вырезали на его спине пятиконечную звезду и, ничего не добившись, заживо сожгли. Это было в Керчи. Черная весть пришла в Ахалабастумани вместе с гордой вестью о присвоении Григорию Петровичу Схулухия звания Героя Советского Союза, посмертно. Односельчане соорудили ему памятник в центре села. Вдова Схулухия работала, как работает и сейчас, на чайных плантациях бригадиром, награждена орденом Ленина. Их дочь Винари на этих же плантациях стала Героем Социалистического Труда. А материнство Кетеваны Гарсевановны на Винари и закончилось...

Теперь мы вот уже сорок лет живем без войны. Секретарь Зугдидского горкома партии Додо Шаматава и секретарь Зугдидского райкома партии Натела Пипия, обе рассказали мне, что уже несколько лет в Зугдиди каждую третью субботу мая проводится день матери. Вошло в традицию чествование матерей-героинь, почет и ласка матерям, у которых война отняла мужа, сына. Для чего это? Для выражения общественного мнения по этому вопросу.

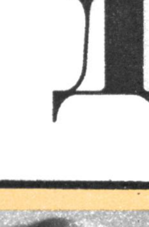
В Зугдидском районе 62 матери-героини, среди которых, конечно, и наша особо многодетная Тина Васильевна Гулуа. А кроме того, 4800 семейств, в которых не меньше четырех детей. В Зугдиди так и считают, что многодетность далеко не личное дело семьи.

1

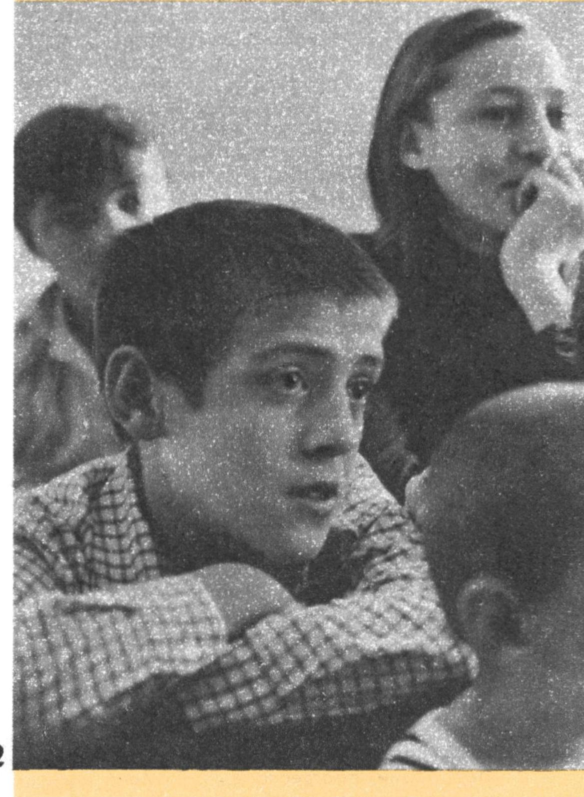

Ия МЕСХИ

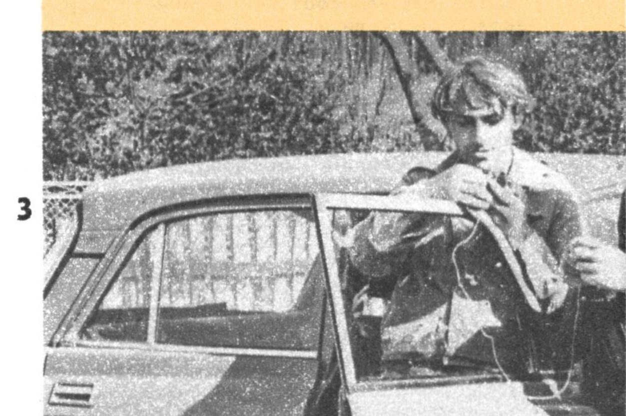
Фото И. ТУНКЕЛЯ

2

3

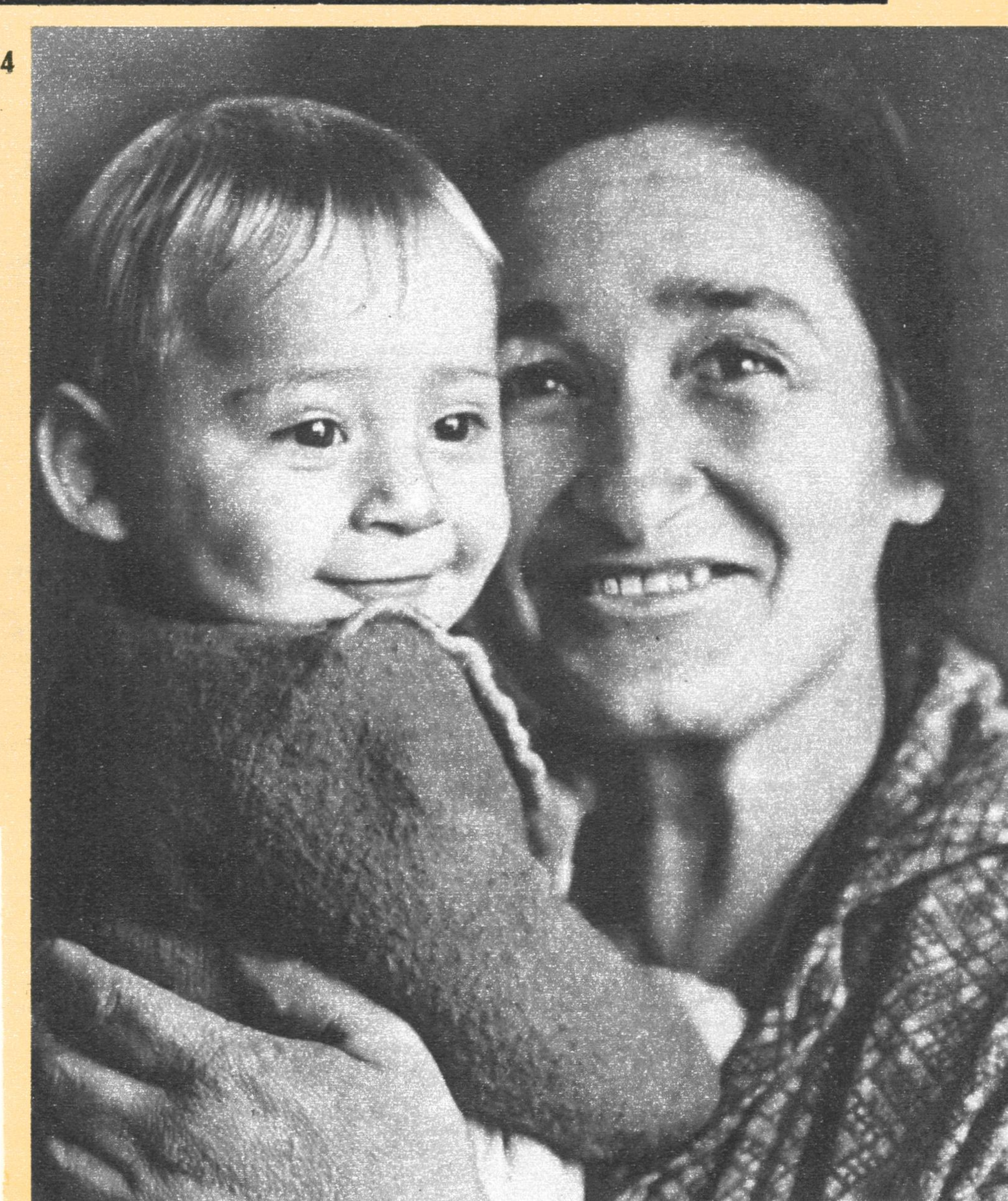

наш образ жизни

ОМ ДЛЯ АРЧИЛА

4

1. Вот в таком доме живет теперь многодетная семья Гулуа.

2. Вечерами вся семья Гулуа собирается у телевизора.

3. Этот автомобиль «Москвич» — премия Арчилу Викторовичу.

4. На руках Тины Васильевны маленький Сосо — пятнадцатый.

Не уходя с передовой

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. ГРИБАЧЕВА

Фото Н. КОЧНЕВА

Давно это было, больше тридцати лет назад. В Москве закрылась газета «Сталинский сокол», и нас, группу молодых офицеров-журналистов, направили к новому месту службы, в Румынию: там стояла тогда наша группа войск, и там же, в Констанце, на берегу благодатного Черного моря, располагалась редакция газеты «Советский воин». Вот в тех краях я и услышал имя Николая Грибачева. Вообще-то я и раньше его знал по многим стихам, по известной поэме «Колхоз «Большевик», но тут совсем другое дело: Николая Грибачева представляли мне почти как коллегу. Полковник Акулов, редактор «Советского воина», человек высокой культуры и такта, любезно встретив нас, сказал: «Советую полистать подшивку. В этой редакции не так давно еще работали Николай Грибачев и Алексей Недогонов...»

Прошли годы... Я вновь оказался в столице. Довольно часто видел я Николая Матвеевича Грибачева на разных писательских форумах, на совещаниях, а подойти к нему стеснялся. Он казался мне не очень доступным и строгим. А оно, по правде, так и было. Вокруг некоторых знаменитостей всегда вьется разная окололитературная публика: шумят, славословят, навязываются в товарищи, чтобы потом где-то похвастать: «А, Сидоров, мы вчера с ним до трех ночи проболтали...» О Грибачеве я никогда ничего не слышал панибратского, он держится в стороне от всего ненужного и суетного, в друзья никому не навязывается и к себе кого попало не подпускает. Он весь в работе, «разговоры разговаривать» ему просто некогда. А мыслями своими делится через творчество, с трибуны, с многомиллионных газетных полос, перед микрофоном радио...

Выступая перед своими собратьями по перу или перед любым заполненным залом, он никогда не нарушит регламента, говорит ясно, коротко и в основном всегда остро, выверенно. В его речах нет двусмысленностей, намеков на что-то, недоговоренностей. У него всегда все точно и по-партийному обозначено: тут — друзья, а там — враги. Так же, как и на передовой было, в окопах, в наступлении. Грибачевская публицистика отличается бойцовской наступательностью, глубоким знанием жизни, обстановки сегодняшнего дня, философским, марксистским взглядом в будущее. Но серьезность и проблемность не оттесняют в его очерках художественность. Это — литература...

Как-то после одного литературного пленума, когда все высыпали в коридор, я поздоровался с Николаем Матвеевичем, и мы разговорились. С тех пор и началось наше личное знакомство. Я иногда звонил ему на службу, чтобы спросить о чем-то, посоветоваться. Он человек опытный, знающий, всю жизнь где-то работает, ни одного дня не был на так называемых литературных «вольных хлебах». В молодости, до войны, измерял он своими ногами глухомани Карелии, поля и березовые перелески Смоленщины. В одном кармане лежало у него что-то из еды, а в другом — удостоверение корреспондента. Для своей газеты приносил он из дальних уголков всегда нечто самое нужное, самое свежее. И очерки, и стихи шли у него рядом. Одновременно был Николай Грибачев поэтом и журналистом. Газетная работа не мешала ему, а, наоборот, помогала. Сколько он всего видел, какие впечатления впитывал в себя, беседуя с крестьянами, с сельскими учителями, с трактористами в поле! Там, в поле, нередко и ночевал он, укрывшись одним плащом, с парнишкой-прицепщиком или с дедом-сторожем у скирды свежей соломы...

Не мешает Николаю Матвеевичу журналистская работа и сейчас. Он главный редактор сразу трех журналов: «Советский Союз», «Спорт в СССР» и «Миша».

Никогда не стоял Николай Матвеевич в стороне и от общественной работы. Помимо секретарства в Союзе писателей, он давний российский депутат, председатель Верховного Совета РСФСР. Честный многолетний труд его на всех нивах отмечен высшими званиями и наградами: Николай Матвеевич Грибачев — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий...

Несколько раз подряд отдыхали мы вместе в одном санатории в Сочи. Хватало времени, чтобы и поговорить обо всем, погулять, съездить на рыбалку. Николай Матвеевич, кажется, ни от чего не лечился, не принимая никаких процедур. Когда, бывало, ни глянешь, он или сидит на лежаке с очередной книгой, или плавает в море. Погода как-то стала портиться, неприятная зыбкая волна пошла, купающихся почти не было, а Николай Матвеевич, смотрю, вылезает из моря, сияющий такой, бодрый.

— Эх, никакой Мацесты не надо!

Я робко намекнул ему на возраст: все-таки, мол, за семьдесят.

— А у нас вся родословная живучая,— сказал Николай Матвеевич.— Моей матери сто лет, а она еще поросенка держит и пироги печет. Недавно я к ней ездил. В Брянской области моя родина, деревня Лопушь...

Вот, думаю, пропадает прекрасная тема, о такой матери надо немедленно рассказать миллионному читателю. А кто это лучше сделает, чем сын ее, литератор? И я попросил Николая Матвеевича написать о матери для «Недели», дать фотографии. Он подумал немного и ответил, как всегда, твердо:

— Сделаю!

И написал здесь же, на курорте. Из его окна по утрам часто слышался стук пишущей машинки. В такие часы на прогулку с нами шла Лидия Ивановна, жена Николая Матвеевича, она его распорядок знала...

В Николае Грибачеве много русского, национального. Родители его — потомственные хлеборобы. Два родных брата Николая Матвеевича, Александр и Василий, погибли на фронте. Они были коммунистами, офицерами. Не одну войну прошел и сам Николай Матвеевич: был на финской, и на этой, на последней, великой войне прошел, считай, от Москвы и до Берлина. Когда фашисты напали на нас, он на второй же день был в военкомате и там не сделал ни малейшего намека, что он литератор, поэт: ведь у него уже книги выходили, он был на Первом съезде советских писателей, слушал Максима Горького. У Грибачева была тогда одна главная задача: поскорее на фронт, на передовую. Повоевав под Москвой, он попадает в Кострому, на курсы саперов, а оттуда в самое пекло, на Дон. Он стал командиром саперного батальона, впоследствии гвардейского...

На фронте не до литературной работы. Нет для нее никаких условий. Но майор Грибачев, сочинявший стихи, успевал записывать их на бумагу, читал солдатам, посылал в газеты и журналы. Бойцам нравилась понятная и близкая поэзия их командира, они читали стихи вслух в окопах и на привалах:

Но спроси — и мы ответим:
Все, как следует, идет.
Если трудно — перетерпим.
Если ранят — заживет.
Если есть табак в кисете,
Если есть друзья на свете
Да шинель — родная мать,
Значит, можно воевать!

Сейчас, в наши дни, когда я слушаю Николая Матвеевича Грибачева, вижу его в работе, меня не покидает одно чувство: да он же и не уходил с фронта. Даже в его всегда подтянутом облике есть что-то военное, комиссар-

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА В. И. МУХИНОЙ. 1940.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Попков. 1932—1974. СТРОИТЕЛИ БРАТСКА. 1960—1961.

Государственная Третьяковская галерея.

ИЗ НОВОСТЕЙ ГРЯДУЩЕГО ДНЯ

●

Обращение театра к героям Георгия Маркова даже после успеха его романа «Грядущему веку» и одноименного многосерийного телефильма сегодня вполне закономерно: театральная афиша не балует пьесами на острые темы современности. А эта книга дает возможность ответить со сцены на волнующие вопросы.

Герой спектакля Государственного академического Малого театра СССР по пьесе Г. Маркова и Э. Шима «Из новостей этого дня...» Антон Соболев поставлен перед дилеммой. В области, где он только что избран первым секретарем обкома партии, должно начаться строительство крупнейшего химического комбината. В свое время Соболев сам способствовал этому решению: в его диссертации, посвященной экономическому развитию края, доказывалась необходимость строительства. Но теперь он узнает, что фундамент будущего комбината опирается на своды подземного озера, снабжающего город родниковой водой. Существует реальная возможность загрязнения озера...

Молодой, энергичный руководитель, стремящийся сберечь природные богатства земли, умеющий заглянуть в будущее,— не новый персонаж на нашей сцене. Вспомним успех в начале 70-х годов пьесы А. Салынского «Мария». Ее героиня, секретарь райкома, боролась за сохранение скалы уникального мрамора, мешавшей строителям. Коллизия схожая. Вся разница в том, как решается конфликт. Оставшись в одиночестве, Мария с риском для жизни останавливала взрывные работы. Мрамор сохранен, но становится известно, что после ввода в строй гидростанции уйдет под воду весь район... Сегодня подобное драматургическое решение неправомерно, потому что стало невозможным и такое хозяйственное решение.

Ищет выход из ситуации и секретарь обкома Соболев. Он найдет, должен найти. А пока он ждет ответа на свой запрос из Москвы, внимание зрителей сосредоточено на рядовых задачах экономики Синегорска. И знаменательно, что они встречают в зале отклик не меньший, чем самые острые сюжетные повороты. Необходимость перестройки нашего хозяйства назрела, мы читаем об этом и в партийных документах, и на каждой полосе свежих газет. Поэтому с таким интересом следим мы за будничными заботами секретаря, вникающего в круг проблем местной промышленности, потребкооперации, нужд подсобных хозяйств...

Спектакль стремится утвердить зрителя в сознании взаимосвязи самых отдаленных, казалось бы, аспектов хозяйствования. Без их учета нельзя сегодня двигаться дальше. Вот высокий паводок прорывает запонь, и сплавной лес несется по реке, угрожая населенным пунктам. Но паводок увеличился оттого, что безоглядно вырублен лес по берегам... Значит, мы сами виновны в возникающих осложнениях.

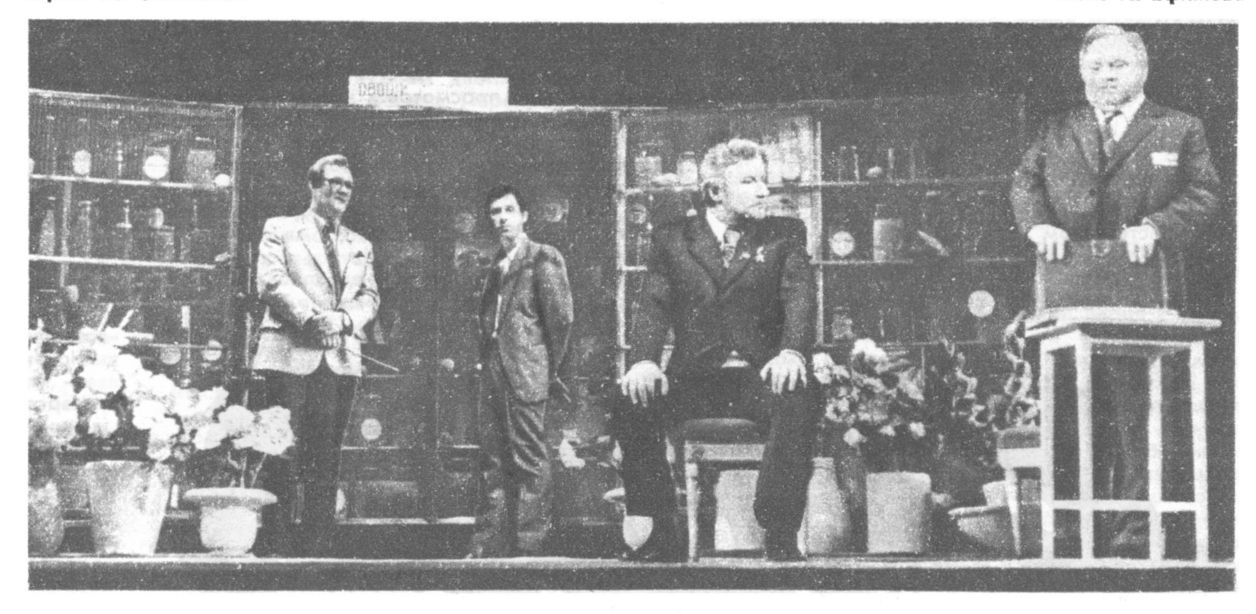
У Соболева есть реальные планы перестройки жизни в области. Но руководитель никогда не приходит на пустое место — над ним громоздится груз прежних недоделок, а порой и ошибок. А времени нет, нужна атака сходу. Где же найти резервы? Один из персонажей пьесы замечает: «Резервов нет, но если надо, так мы найдем». Сегодня же основной наш резерв в изменении отношения к работе, в более высоком экономическом и гражданском сознании каждого человека. Такой вывод можно назвать главным итогом новой постановки Малого театра.

В. Бочкарев играет Антона Соболева сдержанно, его герой, по-существу, еще не начал действовать, он старается понять окружающих, войти в их дела, но готовится к обоснованным, точным решениям и этим завоевывает доверие зрителей. Запоминаются своей достоверностью, убедительностью актерские работы народного артиста СССР Е. Самойлова, заслуженного артиста РСФСР В. Коняева, народного артиста РСФСР Е. Весника, который осуществил постановку этого спектакля. Актуальность его подчеркивается не приметой современной техники — мелькающим лазерным лучом. Актуальность его в живом отклике на заботы времени. Зритель ждет от Антона Соболева решений, хотя понимает, что решения должны принимать все мы, каждый на своем месте. И именно из этих решений сложатся главные новости грядущего дня.

Зара ЕМЕЛЬЯНОВА

Сцена из спектакля. Фото И. Ефимова

ское. Работает Николай Матвеевич во многих жанрах. Он и прозаик, публицист, пишет для детей. Но поэзия все-таки для него — дело главнейшее, основное. Стихи его подчас одновременно и глобальны по мысли, и как бы заземлены, приближены к человеческому сердцу.

На стол дымком слоится звездный свет.
Он опоздал на десять тысяч лет:
Звезда, его пославшая в окно,
Погасла, может быть, давным-давно.
Вторую четверть века — страшный срок! —
Мой друг в донской степи. Я сто дорог
Прошел с тех пор в снега, дожди и зной,
А слышу: все он дышит за спиной...

Мне нравится лирика Грибачева, его стихи о природе, о родной земле.

Осень. Стылость. В сумраке село.
Речки рябью битое стекло.
Бесприютность скользкого причала.
Лозняков растрепанных мочало.
Хвойной рощи в просинь полумгла.
Не шуми — земля поспать легла...

Как это мягко и человечно: «земля поспать легла». Так может сказать и взрослый, и ребенок, скорее всего житель деревни...

Хоть и предельно занят Николай Матвеевич, но всегда старается выкроить время, чтобы помочь молодым, начинающим поэтам. В этом деле он, не в пример «полуклассикам», любящим рекомендовать что угодно за подхалимское слово, строг и щепетилен. Видит талант— помогает, а при отсутствии «этой малости» может ответить такими вот словами: «Первый крупнейший недостаток вашей книги — поверхностность, мелочность тем. Любовь — с приплясом и ужимкой; лирика по принципу — кусточки, листики, цветочки — ах, как хорошо; рыболовецкие байки, повторяющие, в сущности, старые стихи — ходили, ловили, ухи варили. И ни одной глубокой мысли о жизни, о человеке, о времени и о себе...» Резковато? Зато правдиво, откровенно. Поймет молодой поэт, не обидится, возьмется за работу, возможно, толк из него и выйдет.

При встречах с Николаем Матвеевичем я стараюсь выудить у него что-нибудь из литературной мастерской, о его методе работы, стиле. Он только посмеивается:

— Ну какая там мастерская... Работаю себе помаленьку...

— А как насчет девиза «Ни дня без строчки»?

— Это не для меня. Тут есть что-то бухгалтерское. Не пишется — не пиши. Гуляй, дрова коли, рыбу лови, читай, и строчка сама придет. За уши ее нечего притягивать. Вымученная строчка, кому она нужна? Прозаику иной раз и надо приковать себя к стулу, не ждать, когда вдохновение придет, а нам, поэтам, необязательно. У меня, например, так: пока в голове окончательно все не сварится, я из печки чугуна не вынимаю...

— А сейчас чем озабочены, если не секрет?

— Война меня продолжает тревожить... Ложусь спать, а в голове гул, словно от танковых моторов, пред глазами передний край, колючая проволока, минные поля... И лица друзей моих фронтовых. Собираю потихоньку книгу, которая будет называться «От Дона до Донца». Эти места особенно мне дороги. Я же сохранил дневники, записи той поры.

— А поездки планируете?

— Ездить всегда любил, почти весь шарик, как выражался Валерий Чкалов, объездил и облетел. Но сейчас больше на родину тянет, в Лопушь, где могилы близких моих. И мать свою Ефросинью Дорофеевну схоронил не так давно, больше ста лет она прожила. Родные места душу мне очищают, там и дышится легче, и думается лучше...

— А свободное время как проводите?

— Свободное,— смеется Николай Матвеевич.— Ох, если бы оно было. Выкраивается если часик-другой, то провожу его в обществе лучшей своей приятельницы Екатерины, Кати, которой уже семь с половиной лет. Она моя внучка, школьница, на ее вопросы кое-как не ответишь...

Николай Матвеевич начинает рассказывать о своей Екатерине, о ее вопросах, которым не бывает конца, и при этом заметно молодеет лицом. Да он и так не старый. Для кого-то, может быть, семьдесят пять и годы, а для Николая Матвеевича Грибачева — так себе, средний возраст. Он не меняется, не покидает передовой.

Юрий ГРИБОВ

Редактор киногруппы Лоуэлл во время съемки испытаний взрывчатки «кемиг» похитил два заряда и скрылся. Он лишил режиссера Карсона возможности уехать за границу, уничтожив его паспорт. Затем он выкрал документы, уличающие конгрессмена Медуика во взяточничестве. Тогда же Лоуэлл написал письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу. В нем содержалась угроза ознаменовать десятую годовщину со дня гибели президента Кеннеди убийством Уильямса, Медуика, Карсона, маклера Меллона, красавицы Сполдинг, тренера Уорнки.

После звонка Лоуэлла Медуик поехал к нему, чтобы выкупить документы. Лоуэлл прострелил переднюю шину его автомобиля, и Медуик разбился вместе с машиной. Вслед за этим Лоуэлл убил тщательно охраняемого режиссера Карсона.

Тайная группа крайне правых в правительственных сферах — олимпийцы — тоже разыскивает Лоуэлла, который берет себе имена ее членов, привлекая внимание к деятельности этой организации. Ее агент Ричардсон, раненный Уильямсом, рассказал много о Лоуэлле, служившем с ним в особом подразделении во Вьетнаме.

Уильямс по крупицам собирает сведения об убийце и наконец устанавливает личность Лоуэлла, который в это время готовит покушение на маклера Меллона. Лишь в самый последний миг удалось спасти Меллона от гибели. Уильямс узнает также, что олимпийцы обманули ненавидевшего их Лоуэлла. Они внедрили в заграничную организацию помощи дезертирам, не желавшим воевать во Вьетнаме, своего человека и через него направляли действия Лоуэлла.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

9

Здание Национального архива стоит рядом с министерством юстиции на Конститьюшн-авеню. На фронтоне его выбито известное изречение: «Прошлое — это пролог». В стенах находятся государственные служащие, большинство из них старые библиотекари, они оберегают хранилища документов, микрофильмов и обеспечивают ученых материалом для исследований по таким темам, как, например, трибунал генерала Кастера, бумаги Линкольна, школьные предметы Джефферсона.

У входа стоит охранник, но он, можно сказать, лишь следит за тем, чтобы не выносили документы без разрешения. Другой охранник сидит в подвале перед решеткой, за которой среди прочих достопамятных вещей хранятся опечатанные документы об убийстве Кеннеди и рентгеновские снимки, а также вещественные улики, в том числе вещи Освальда и его винтовка «Манлихер-Каркано».

Аллен Лоуэлл вошел в здание перед выходом в часы пик, предъявил охраннику у входа удостоверение ФБР, изготовленное Робером три года назад, и спустился в подвал. Охранником там был щуплый старик, он сидел на высоком стуле, с бедра его свисал пистолет. Аллен показал ему удостоверение и сказал, что ему нужно просмотреть кое-что в секретной части доклада комиссии Уоррена.

— Ничего не выйдет, молодой человек, — сказал охранник. — Чтобы пройти туда, требуется специальное разрешение.

— Вот оно. — Аллен достал короткоствольный пистолет 38-го калибра.

Старик испугался.

— Только не горячись, — взволнованно сказал он. — Держи себя в руках.

— Открывай дверь и помалкивай, — ответил Аллен. Охранник оглянулся в надежде, что его коллега встревожится, но Аллен рассчитал точно. Начался час пик, и охранник у входа был слишком занят проверкой пропусков, чтобы замечать происходящее в подвале. Старик заколебался, потом выбрал на кольце один ключ и отпер решетчатую дверь. Аллену очень не хотелось этого делать, но выбора у него не было. Он как можно легче ударил старика рукояткой пистолета по голове. Старик сполз на пол. Аллен взял кольцо с ключами и, пройдя обширное пространство, занятое картотекой и документами, оказался у картонных коробок. Там находились вещи Освальда, а сверху в пластиковом футляре лежала винтовка.

Дальше все было просто. Аллен вышел с винтовкой, запер за собой дверь и спрятал винтовку сбоку у лестницы. Потом взбежал наверх и показал удостоверение ФБР охраннику у входа.

— Что тут происходит? — задыхаясь, спросил он. — Ваш человек в подвале лежит без сознания. Должно быть, кто-то его оглушил.

— Вы шутите?

— Пошли. Тот человек еще должен быть там!

Охранник бросился сквозь толпу, перепрыгивая через ступеньки. Аллен последовал за ним. Внизу ударил его рукояткой пистолета. Потом взял винтовку, обернул найденной газетой с заголовком «Будут присутствовать мировые лидеры» и, неся ее под мышкой, растворился в толпе служащих, вытекающей через неохраняемую дверь.

У себя в номере Аллен осмотрел винтовку Ли Освальда. Заглянув в ствол, он с болью осознал результат действия этой дешевой винтовки: был нажат ничтожный спусковой крючок, щепотка пороха воспламенилась, крохотная пуля завращалась по нарезам в стволе, а потом, направленная глазом идиота, угодила в затылок. Классический выстрел труса.

Но эта злая винтовка в его руках единственный раз послужит доброй цели.

10

Вечером в 5.15 Уильямс остался дома один. Сару он отправил к родственникам в Виргинию. Она протестовала, но все же уехала, понимая, что Джорджу надо действовать так, как он задумал.

Когда она села в машину и он поцеловал ее, у нее чуть не брызнули слезы, а Сара была не из тех, кто легко плачет.

— Я боюсь, Джордж, — сказала она. — Ты был таким... упрямым.

— Я не могу подвергать тебя...

— Я не о том. Об охранниках. Ради бога, хотя бы...

Но Уильямс покачал головой.

— Что толку от охраны, Сара? Охрана была у Карсона. Меллон находился в плотном окружении охраны. Лоуэлл всегда найдет способ.

— Тем более это... ужасно.

— Я подготовился. И, кроме того, мне нужно встретиться с Алленом. Вот почему я сделал ставку на это обращение.

Сара включила зажигание, потом спросила:

— Как можно встретиться с человеком, который хочет тебя убить?

— Не дав ему убить себя, — ответил Уильямс и через силу улыбнулся, когда жена отъехала назад, все еще злая и взволнованная, развернулась так, что из-под колес полетел гравий, и резко рванула с места.

Уильямс возвратился в дом. Позвонил Фред Джарвис, сказал, что похищена винтовка Освальда и что прессе сообщаться об этом не будет.

«Если я не буду из нее убит», — подумал Уильямс, положив трубку. В глубине души он был встревожен. Он надеялся поговорить с Лоуэллом, но предчувствие Сары оправдывалось.

Вместо разговора скорее всего раздастся БАХ! — и в голове окажется пуля.

Здание архива было охвачено волнением. Агенты ФБР прибыли через две минуты после того, как была обнаружена пропажа. Старику-охраннику делали в подвале холодные примочки.

— Я уже давно ожидал этого, — сказал он, сидя на полу.

— Что произошло? — спросил один из агентов.

Старик рассказал, и агент догадался, что это был Аллен Лоуэлл. Он пошел к телефону и позвонил Джарвису, своему оперативному начальнику в деле Лоуэлла. Но когда он вернулся, старый охранник усмехался.

— Да, ожидал этого я давно. Приверженцы Кеннеди хотят сделать из его убийства дело о заговоре и пытались проникнуть сюда не только таким способом. — Старик осторожно

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—50.

коснулся затылка.— Вот я и устроил на всякий случай небольшую подмену.

— Подмену? Значит, взята другая винтовка?

— Конечно. Настоящая в сейфе. А этот парень взял ту, что использовали для сравнения с настоящей. Зря старался.

Аллен Лоуэлл приложил винтовку к плечу, поглядел в оптический прицел и отставил ее.

В час ночи он уснул в дешевой ночлежке на северо-западе вашингтонского делового центра, может быть, в это же время за несколько миль оттуда ложился спать и Уильямс. Но Аллен завел будильник на четыре часа.

Городок Маклин, штат Виргиния, был окутан ночной темнотой. Аллен Лоуэлл медленно крался к дому Уильямса. При нем была винтовка и маленькая сумка авиакомпании «Пан Америкен». После возвращения в Вашингтон он осматривал этот дом уже трижды. Сперва у дома не было охраны, но в последний раз Аллен заметил в сумерках двух человек. И быстро скрылся, чтобы не попасться им на глаза.

Но Аллен сомневался, что Уильямс оставит охрану. Он уже знал этого человека. Уильямс был очень умен, сообразителен и не позволил бы охранникам спугнуть ночного гостя. Он понимал, что этот гость вполне может появиться через месяц, когда шумиха утихнет, охраны не будет, и без труда прикончить его.

Уильямс сидел в полной темноте на первом этаже у окна спальни, глядя на дальний газон. Он ждал звонка, но Лоуэлл не звонил, и это его беспокоило, он снова и снова вспоминал телефон с «сюрпризом», бомбу-бинокль и думал, что действия такого коварного убийцы, как Лоуэлл, невозможно предвидеть.

Может, он ошибался, переоценивая этого человека, но все же оставил ему в заднем дворе небольшое объявление. Сидя у окна, он долго смотрел на едва видимый плавательный бассейн — как этот бассейн должен был усилить ненависть Лоуэлла,— а потом, взяв небольшой бинокль, стал вглядываться в укромные места. Осматривая живую изгородь, задержался на небольшом фонаре, установленном на дальнем газоне, единственной точке света в кромешной тьме.

Он снова повел биноклем вдоль изгороди, потом замер. Сквозь нее пробирался кто-то с винтовкой. Разглядеть лица Уильямс не мог, но знал, что это Аллен Лоуэлл. Держась в тени, человек быстро побежал к дому. Потом остановился. Он увидел фонарь и освещенное им небольшое объявление. Уильямс написал его черным мелком после второго звонка Джарвиса.

Прислонясь к изгороди, Лоуэлл прочел:

ВИНТОВКА
НЕ ТА

Аллен невольно бросил взгляд на винтовку, потом на темный дом и пришел в ярость. Уильямс разгадал его план. Он не спит и, вне всякого сомнения, целит в него из пистолета через одно из окон. Аллен молниеносно вскинул винтовку и выстрелил в окно спальни, расположение которой узнал в один из предыдущих визитов.

Услыша вскрик, Аллен повернулся, протиснулся сквозь изгородь и пробежал сто ярдов до своей машины. Иллюзий он не питал. Было бы чудом, стреляя наугад, попасть в Уильямса, несомненно, следившего за ним в бинокль. Машину придется через минуту спустить в кювет и дальше идти пешком. Уильямс позвонит, и на дороги выедут все полицейские машины в округе.

Вскрик Уильямса был полунарочитым-полуневольным. Осколок разлетевшегося стекла вонзился ему в затылок. Прижимая к ранке платок, он набрал номер телефона, установленного в полиции специально для него. Дежурный сержант сказал, что дополнительные машины и люди наготове и все дороги будут перекрыты.

Уильямс крест-накрест заклеил ранку пластырем и вспомнил, что Коннорс сказал ему: «Погибают все, кроме тебя». Но теперь казалось, что его везение кончается.

11

Маклин, штат Виргиния — район «джентльменских» ферм. В предыдущие приезды Аллен хорошо подготовился. Он знал свой маршрут.

Бросив машину у обочины, он пошел в обратную сторону задами ферм и вышел к гостеприимному владению некоего Дж. Гинзберга. В нескольких стах ярдов от его дома стояло небольшое двухэтажное строение, где в настоящее время никто не жил. Видимо, Гинзберг сдавал его, но сейчас съемщиков не находилось. Двое суток назад Аллен преспокойно спал там. И этой ночью собирался сделать то же самое, положив винтовку на кровать рядом с собой, а пистолет под подушку. Да, все было хорошо подготовлено. Но неожиданные случайности — в природе вещей.

Полицейские машины прочесывали дороги и вскоре наткнулись на брошенный автомобиль. Проверка показала, что он похищен на улице несколько часов назад; владелец еще даже не знал об этом.

Несколько минут спустя полицейские подъехали к дому Уильямса. Его, казалось, не удивило, что машина оказалась брошенной.

— Лоуэлл на своих двоих,— сказал он,— а до Вашингтона далеко. Перекройте все мосты и поставьте людей с биноклями следить за рекой.

— Будет исполнено, сэр,— ответил молодой сержант, взволнованный участием в столь невероятном деле.

Но Уильямс добавил:

— И проверьте все дома.

— Это не так просто,— сказал сержант.— Вы хотите, чтобы мы перебудили весь город?

— Все дома возле дороги на Вашингтон,— сказал Уильямс.

И тут внезапно раздался телефонный звонок. Уильямс поднял трубку и услышал:

— Ваша взяла. Завтра в шесть вечера на Арлингтонском кладбище.

Послышался гудок отбоя.

Арлингтонское кладбище. Так вот зачем ему винтовка Освальда! Но тогда почему же Аллен хотел убить его сегодня? Уильямс повернулся к сержанту:

— Звонил Лоуэлл. Из кабины на улице или из какого-то дома. Он не может быть далеко. Действуйте.

Полицейские ушли, но двое все же остались и не хотели уходить, что бы ни говорил Уильямс. Но Уильямс не говорил почти ничего. Он знал, что Лоуэлл сюда не вернется.

Но будет ли он завтра в Арлингтоне, на глазах сотен полицейских и охранников? Неужели ему хочется п о г и б н у т ь там?

Уильямс прекрасно знал, что Лоуэлл на это не пойдет.

Ночью полил дождь... проливной косой дождь, барабанивший о домик, где Аллен лежал в раздумье. Он знал, что ведет шахматную игру с мастером, но в этой игре Уильямс не мог победить, если Лоуэлл не потеряет головы. Потому что это был его ход, и Арлингтон являлся отличной западней.

Можно было избрать любое место, где окажется большая толпа народа и охранников. Но Арлингтон был лучшим по одной причине. Если что-то сорвется, если он допустит какую-то оплошность, то погибнет на Арлингтонском кладбище среди белых надгробий на широком холме, среди людей, не вернувшихся с войны (за что они были убиты?), где лежат оба Кеннеди (за что они были убиты?), где красота отлогого холма, глядящего на белый Капитолий, не может скрыть отчаяния, лежащего так неглубоко.

12

25 ноября 1963 года Аллен Лоуэлл не находил себе места. Ему не хотелось быть там, где он б ы л, на маршруте похорон, возле съемочной камеры ЮСИА с двумя операторами и бригадой звукотехников.

Аллен долго не верил известию о деянии Освальда, не мог поверить, не позволял себе верить. Но несколько минут назад он был в большой ротонде Капитолия, там, под картинами «Высадка Колумба», «Посадка первых поселенцев» и другими историческими полотнами, стоял гроб, задрапированный тканью с белыми и красными полосами и со звездами на синем поле, — это и все, что оставалось от президента, которого он боготворил тысячу дней.

Прошло меньше недели с тех пор, как он видел молодого президента лицом к лицу и даже сфотографировался с ним. В Белом доме проводился прием для членов Верховного суда, единственный прием в году, куда могли получить приглашение все государственные служащие, даже клерки и секретарши, потому что судей с женами было очень мало. Аллен попросил Карсона, Карсон попросил директора ЮСИА, и ему каким-то образом раздобыли пропуск.

Аллен находился внизу, в Восточном зале, примерно с сотней незнакомцев, пока Джек Кеннеди и члены его семьи принимали судей. Потом оркестр морской пехоты в алых мундирах заиграл марш. Барабанная дробь, фанфары, а потом «Ура вождю!». Аллен поднял взгляд. Президент и его красивая, кареглазая жена, оба сияющие, спускались вдвоем по лестнице, не подозревая, что это в последний раз.

Аллен стоял в шеренге, президент приближался к нему, пожимая руки, загорелый, веснушчатый, полный жизни молодой человек с быстрыми, умными глазами, а потом — он и сам не знал, как это получилось, — Аллен вышел из шеренги и направился к президенту, агент секретной службы окликнул: «Эй!»,— обернувшись, Кеннеди увидел парня с протянутой для пожатия рукой и улыбнулся. Он крепко пожал Аллену руку, при этом ослепительно сверкнула фотовспышка, спросил фамилию и где работает, а когда Аллен сказал, в ЮСИА, мистер Кеннеди заметил: «Вы там делаете хорошую работу»,— словно Аллен представлял собой агентство, а не был младшим служащим, потом чьи-то руки оттащили Аллена, и президент пошел дальше, бросив еще один добродушный взгляд на порывистого молодого человека, и это он видел президента в последний раз. До сегодняшнего дня.

Девять человек из армии, флота, морской пехоты, военно-воздушных сил и береговой охраны медленно несли гроб вниз по ступеням между двумя шеренгами матросов и морских пехотинцев, взявших на караул, Бобби Кеннеди и вдова под черной вуалью скорбно ждали внизу, оркестр играл военно-морской гимн, самую печальную мелодию, какую Аллен слышал, и потом, заслыша ее, он всегда будет ощущать внезапную, резкую боль в сердце.

И вот барабанная дробь, гроб на лафете, три пары серых в масть лошадей, правый ряд оседлан, но без всадника, а позади лафета большая вороная лошадь, несущая в стременах сапоги, вставленные задом наперед, она пятится, словно протестуя.

— Черт побери, Лоуэлл! Возьми себя в руки.

Джим Ноли, оператор, сердито жестикулировал ему. Они шли на очередное место съемок, поэтому Аллен не видел отпевания в соборе св. Матфея, он оказался в людской толпе возле мемориала Линкольна и взял интервью у четверых заплаканных молодых людей.

13

СРЕДНИМ ПЛАНОМ толпа у мемориала Линкольна, ждущая похоронной процессии. КРУПНЫМ ПЛАНОМ молодой, нервного вида Аллен Лоуэлл с микрофоном. КАМЕРА СОПРОВОЖДАЕТ ЕГО, когда он поворачивается к толпе, и ОТЪЕЗЖАЕТ НАЗАД, СРЕДНИМ ПЛАНОМ

Лоуэлл и парень в спортивной рубашке. Парень плачет.

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ПАРЕНЬ. Эв... Эверетт Меллон, я служитель сената.

ЛОУЭЛЛ. Каковы теперь ваши планы?

ПАРЕНЬ. Остаться на государственной службе и показать этим бешеным идиотам, что нас не уничтожить одним выстрелом. Им это не удастся! О господи!

ЛОУЭЛЛ. Что случилось?

ПАРЕНЬ. Процессия!

ВСТАВНОЙ КАДР. Лафет и процессия, видимые из толпы, стоящей вдоль улицы. Барабанный бой.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ человек средних лет. Он плачет.

КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ и захватывает в кадр Лоуэлла, идущего к нему.

ЛОУЭЛЛ. Простите, сэр.

ПЛАЧУЩИЙ. Да?

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ПЛАЧУЩИЙ. Про... простите. Я сейчас не могу говорить.

ЛОУЭЛЛ. Только имя.

ПЛАЧУЩИЙ. Боб Уорнки. Я знал президента. Я работал с ним. (Отворачивается, чтобы скрыть слезы, потом поворачивается обратно.) Я любил этого человека. Я никогда его не забуду. Никогда.

КРУПНЫЙ ПЛАН. Лоуэлл и юноша в очках.

ЮНОША. Я Томас Медуик. Работал у сенатора Фулбрайта.

ЛОУЭЛЛ. Вы будете продолжать свою работу после того, что стряслось?

ЮНОША. Президент Кеннеди поддерживал в этой стране все, во что я верю. Мы должны продолжать. Нельзя допустить, чтобы правые воспользовались этим несчастьем и захватили страну в свои руки.

КРУПНЫЙ ПЛАН. Восемнадцатилетняя девушка в толпе. Она плачет. Лоуэлл подходит к ней.

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Стефани Сполдинг.

ЛОУЭЛЛ. Вы состоите на государственной службе?

ДЕВУШКА. Состояла.

ЛОУЭЛЛ. Где?

ДЕВУШКА. В го... госдепартаменте. А теперь не знаю... но я вернусь на службу! Я должна что-то делать! (Всхлипывает.) Я не могу допустить, чтобы они остались безнаказанными, ведь все только началось.

Четверо людей в толпе, выбранных наобум. Аллен чувствовал, что его связывают с ними кровные узы; что все они, потрясенные этой трагедией, всегда будут заодно. Они одного поколения; они победят.

Другой пленки, где Лоуэлл появлялся перед камерой, не было. Сколько раз в последние годы он вновь и вновь просматривал ее, демонстрируя в кинокомпаниях как образец своей работы, сколько раз вновь и вновь видел этих четверых приверженцев Кеннеди, плачущих от горя, сколько раз вновь и вновь слышал их обещания помнить и продолжать борьбу.

14

Внезапный удар в дверь. Схватив пистолет, Аллен спустился вниз. Дверь трещала, словно в нее ломилась какая-то сила. Что там такое? Буря? Гроза?

Он выглянул в боковое окно и увидел жуткое зрелище. Громадный дог с пеной у рта бросался и бросался на дверь, обезумев от страха. Аллен сразу же понял, что происходит: в Стойбенвилле у Маркони была такая же собака, шалевшая в грозу от ужаса.

Аллен знал, что даже если впустить такую собаку в дом, она не успокоится до конца грозы. И опасался, что владелец может прийти на шум выяснить, в чем дело. Правда, большой дом находился в трехстах футах, ярость бури заглушал лай, но все же...

ТРАХ! Дог бросился на дверь — и на этот раз она не выдержала. Замок открылся, скулящий дог ударил Аллена в грудь, сбил с ног и инстинктивно потянулся к горлу. Аллен высвободился и метнулся к лестнице, тут сверкнула молния, и пес в страхе стал носиться кругами по темной комнате. Поднявшись наверх, Аллен выглянул в окно, увидел, что в большом доме загорается свет, и понял, что оставаться больше нельзя. Но как пройти мимо пса, не убивая его?

Он взял винтовку в левую руку, пистолет в правую и стал осторожно спускаться. Потом пес с лаем выбежал из двери. Кто-то был снаружи?

Впервые испугавшись, не считаясь с неожиданностью, Аллен выбежал из дома. Пока он шел через ферму к югу, гроза прекратилась, и облака разошлись. Подойдя к изгороди, он перелез через нее и оказался на кукурузном поле.

Аллен весь день шел полями к югу, потом к западу, прячась, когда появлялись полицейские вертолеты. В четыре часа дня он лежал на спине в лесу. Оставалось два часа.

Гроза спутала карты и полиции. Поиски начались очень поздно, и, когда рассвело, Уильямс понял, что потерпел неудачу. Лоуэлл уже должен был скрыться.

Но куда он направится? Неужели окажется настолько отчаянным, что явится на Арлингтонское кладбище, заранее предупредив Уильямса, чтобы сотня полицейских могла оцепить этот участок?

Нет, это обман. Уильямс обдумал это предположение и отверг его. Но потом нашел ответ. Возможно, Лоуэлл знал его лучше, чем он предполагал. И делал ставку на то, что Уильямс встретит его один, не вызывая полицию.

Дело в том, что именно так Уильямс и собирался поступить. Но он придет на кладбище таким маршрутом, которого Лоуэлл не будет ожидать. И первым делом осмотрит крышу особняка Кастис-Ли, глядящего на кладбище, где вполне можно будет обнаружить молодого человека с винтовкой.

15

Из разговора по радио между летчиком полицейского вертолета № 78 Клеем Монаганом и руководителем полетов сержантом Джеем Пирсоном:

ЛЕТЧИК. Внизу все спокойно. Я вижу, как патрули прочесывают лес.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Вас понял. Осмотрите район Цепного моста.

ЛЕТЧИК. Понял. Да я знаю эту реку наизусть. Как обычно, несколько ребят с каноэ. Они вроде бы никуда не направляются. Лечу туда. (Пауза.) Арлингтон восемь, это семьдесят восьмой.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Прием, семьдесят восьмой.

ЛЕТЧИК. Неподалеку от водопада опрокинулось каноэ, и парень держится за каменный выступ. Ах ты, черт!

РУКОВОДИТЕЛЬ. Что случилось, семьдесят восьмой?

ЛЕТЧИК. Парень не удержался, нет, нет, все в порядке! Ухватился за другой выступ. Спущусь, посмотрю, как он там.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Вас понял. Доложите о своих действиях, семьдесят восьмой.

16

Джордж Уильямс приехал в министерство и сказал Коннорсу:

— Сдаюсь.

— Я ж говорил тебе,— сказал Коннорс,— дело слишком значительно, чтобы разыгрывать героя-одиночку. В него втянуто слишком много людей. Слишком многие до сих пор носятся с какими-то фантазиями насчет Кеннеди. Я признаю это, хоть и считаю их сумасшедшими.

— Ну что ж,— сказал Уильямс,— я не могу перетрясти всех, поэтому пришел к тебе с предложением. Лоуэлл назначил мне встречу сегодня в шесть у могилы Кеннеди...

Коннорс откинулся на спинку кресла.

— Так вот зачем ему эта винтовка! Что ж, я рад.

— Почему?

— В Белом доме решили, что она предназначена для их человека.

— Нет,— сказал Уильямс.— Ему нужен я.

И выставил руки ладонями вперед.

— Словом, распоряжаться будешь ты. Только делай это разумно. Поставь вокруг того места сколько угодно людей, но пусть они спрячутся. А маршрут я избрал вот какой. Сперва отправлюсь в особняк Ли, где, как я думаю, он и будет. Если там его не окажется, пойду на кладбище и буду ждать... но только один. Поблизости не должно быть ни туристов, ни полицейских.

— Тебе что, жить надоело?

— Просто любопытство, Харли. Любопытство. Я хочу услышать из его уст, почему он решил убить пятерых неповинных людей.

— Шестерых,— поправил Коннорс.

— Пятерых,— возразил Уильямс.— Я виновен.— Он поглядел на Коннорса.— И вот что еще. Лоуэлла не убивать! Предупреди всех!

Когда Уильямс ушел, Коннорс связался по телефону с ФБР, потом с управлением полиции. Сказал, что будет лично руководить операцией. Распорядился, чтобы особняк Ли был окружен, чтобы люди были рассеяны по всему кладбищу наблюдать за могилой, но сами не показывались. И не стреляли, пока он, Коннорс, не даст такого указания. Лоуэлла нужно по возможности взять живым.

Потом он нашел время выпить по чашке кофе с Джарвисом, приехавшим из ФБР.

— Я навидался всякого,— сказал Коннорс,— но не припомню, чтобы кто-то, убивший уже двоих, охотился за третьим на открытом месте, где будет сотня вооруженных людей. Что за человек этот Лоуэлл? Насколько он безумен?

— По-моему, именно это Уильямс и хочет выяснить,— сказал Джарвис.— Но пуля быстрее слов. И почему он всячески предоставляет Лоуэллу возможность убить себя?

— Этого я тоже не могу понять. Черт, он хочет быть там один, чтобы рядом не было ни одного полицейского!

Но Джарвис задумался.

— Знаешь что? Если Уильямс и Лоуэлл выходят один на один, я без колебаний поставлю на Уильямса.

— И сделаешь ошибку,— сказал Коннорс.

17

Талха Бахтиари, начальник отдела внутренней безопасности ЦРУ, оглядел Джо Маркони, сидевшего у него в кабинете. Он вытянул из него все подробности истории с Ричардсоном. Скверно, что Ричардсон погиб, но хуже всего, что Лоуэлл уцелел! С тем, что ему известно и что Уильямс может выведать у него, если они в конце концов встретятся!

Бахтиари сразу же принялся звонить по телефону, и когда Маркони услышал названия телекомпаний, газет и радиостанций со всех концов страны, на лице его отразилось изумление размаху этой сети. Звонок следовал за звонком, и Бахтиари стал обретать чувство уверенности. Заполнялся единственный пробел — неосведомленность, какими уликами располагает Лоуэлл. Устные показания олимпийцев не беспокоили... Лоуэлл—убийца, никто не поверит его невероятной истории о секретной группе в высших сферах правительства. Разве «Уотергейт» не обнажил все? Разве что-то осталось необнаженным?

Бахтиари знал, что Лоуэлл выполнил десятки щекотливых заданий. Знал, что каждую пленку с записанным телефонным разговором, каждую фотографию документа он переправлял «дезертирам», а Маркони тут же отсылал их через сеть курьеров Бахтиари к олимпийцам. И эти документы были взрывоопаснее всего, раскрытого в уотергейтском деле. Лоуэлл был профессионалом, но не подозревал, что его использовали профессионалы более высокого класса — олимпийцы. Обнародование этих документов было бы пагубным, даже роковым.

Бахтиари сделал последний звонок.

— Совершенно верно. Телекомпании под контролем... Мы наблюдаем и за местными, так что не беспокойтесь...

Когда он положил трубку, Маркони спросил:

— Из-за чего такая тревога? Чтоб не допустить выступления по телевидению?

— Помимо всего прочего,— ответил Бахтиари.— Должен сказать, что твой друг детства причинил нам больше хлопот, чем кто бы то ни было за многие годы.

— А теперь?

Бахтиари встал.

— Теперь... его улики в руках у нас.

— Как же вы...

— Пойдем в зал связи,— сказал Бахтиари,— я покажу тебе.

Маркони с признательностью вышел вслед

калейдоскоп

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовил А. КУРЕПОВ.

ТЕЛЕНОК О ПЯТИ НОГАХ

Такое поистине бывает раз в сто лет. А может быть, и еще реже. У коровы Качалки, «проживающей» на одной из ферм совхоза имени XXV съезда КПСС в Емильчинском районе Житомирской области, родился теленок с пятью ножками.

Пятая нога оказалась совершенно бесполезной: теленок не может на нее опереться, так как она находится с левой стороны туловища и не достает до земли. Но теленок не обращает на нее никакого внимания. Он хорошо растет, быстро прибавляет в весе и вообще чувствует себя на редкость бодро.

По мнению специалистов, рождение теленка с пятью ногами — случай, конечно же, уникальный, но вовсе не такой уж загадочный. Легко предположить, что Качалка носила в себе не один, а два эмбриона, из которых один по каким-то причинам не развился. Вот и получилось, что «на память» о неродившемся сородиче у теленка-малыша осталась только пятая нога...

ВСЮ НЕДЕЛЮ... РЫБНЫЙ ДЕНЬ

Собираясь провести свой очередной отпуск под Астраханью, на берегу Волги, инженер С. Шестерников из Петропавловска-Камчатского первым делом снарядил спиннинг и удочки. Но даже он, опытный рыбак-любитель, не поверил своим глазам, когда на спиннинг, заброшенный с берега в районе села Никольское, клюнула чехонь весом в 27,5 килограмма.

Старожилы Никольского, имеющего, кстати сказать, славу одного из самых «рыбных» мест на Нижней Волге, ничего подобного не видели. Вернувшись в Петропавловск-Камчатский, С. Шестерников весело рассказывал друзьям, что рыбный день у его семьи, состоящей из четырех человек, там, на отдыхе, продолжался целую неделю...

ДРЕВНЕЙШИЙ НА РУСИ

Последние раскопки археологов убедительно доказали, что Новгородский кремль построен по крайней мере на сто лет раньше, чем это считалось до сих пор. На четырехметровой глубине были неожиданно обнаружены остатки всевозможных деревянных укреплений, обломки металлической и гончарной утвари, предметы домашнего обихода, связка ключей. Все эти находки относятся к началу X века. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что Новгородский кремль является одним из самых древних кремлевских сооружений на Руси.

Специалисты считают, что данные последних раскопок окончательно внесут ясность в вопрос, давно занимающий ученых,— когда и где, в каком месте началось возведение нового города, ставшего политическим и духовным центром Новгородской республики.

ВСТРЕЧИ В МЫТИЩАХ

По-настоящему подружились учащиеся и преподаватели Мытищинского профессионально-технического училища № 2 с ведущими мастерами театрального искусства и драматургии. Почти два года назад в училище начал работу факультатив современного театрального искусства, объединивший на своих занятиях более ста человек.

Актер Малого театра СССР, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР В. Хохряков, драматург М. Ворфоломеев, актер театра на Малой Бронной, заслуженный артист РСФСР Г. Мартынюк, ведущие мастера ЦАТСА, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Д. Сагал и народный артист РСФСР П. Вишняков рассказали ребятам о своих работах в театре и в кино, пригласили их в гости на свои спектакли.

Значение этих встреч трудно переоценить. Ребята не только услышали увлекательный рассказ о путях развития советского театра, но и увидели здесь, в стенах своего родного училища, сцены из спектаклей, поставленных известными мастерами режиссуры. Что и говорить: для кого-то из будущих машиностроителей, приехавших на учебу в Мытищинское ПТУ из самых разных уголков страны, это были самые первые встречи с миром театра. Теперь они будут, безусловно, продолжены...

Юмор

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

ЛИРИЧЕСКИЕ ОДНОСТИШИЯ

Как это важно — быть в чужих глазах!..

●

И, наконец, отчаясь, сдать посуду...

●

О, как велик соблазн назваться груздем...

●

Хочу я ей хоть кем-то доводиться!..

●

Давайте ж будем легче на помине!..

●

Неровен час, тем более час пик...

●

Держа букет бестрепетной рукою...

●

Он специалист по части, но — дежурной...

●

Хочу в живых остаться дураках...

●

Вот пусто место — а бывает свято!..

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСОНАЖИ»

Вслух читает стихи —
И, представьте, свои!..
Очень милый поэт.
Из хорошей семьи.

●

Поэт был резок, озабочен.
Стихов, конечно, не читал.
И на коллег катил он бочки...
Короче, профессионал.

●

Кто делает деньги,
Кто делает
вид,—
Короче, без дела
Никто не сидит.

ДАВАЙТЕ?..

Давайте домами дружить!..
Кирпичными
и крупноблочными,
Кооперативными,
всякими прочими —
Любыми, в которых нам жить!..
Давайте дружить?!.

О, нас не поссорят уже
Ни транспорт, ни разные разности:
Мы дружим домами —
и ведь не от праздности! —
Мы дружбу лелеем в душе.
А может, захочется нам —
И вырастет дружба кварталами,
А там и районами целыми, мало ли,
А там — городами, а там...

Пока же в проекте размах,
Давайте
в боренье с текучкою
Дружить — и причем не от случая
к случаю! —
Домами!..
Хотя бы в домах.

за ним из кабинета. Это означало, что его оставят в живых.

Олимпийская резиденция Бахтиари находилась не в маклинской штаб-квартире ЦРУ, а на шестом этаже здания «Ринг билдинг» на Коннектикут-авеню. Она занимала весь этаж и функционировала под вывеской «Страховая компания Гаррисон энд Гаррисон» — там действительно были страховые агенты, обученные на средства олимпийцев. Кабинеты их находились рядом с лифтами.

Мало того, никто из посетителей не мог бы проникнуть в резиденцию из-за препятствия — стены. Лишь когда в кабинете одного из «страховщиков» отпирался замок, стена отъезжала. Персонала в конторе было немного; несколько человек, работавших там, были питомцами ЦРУ. Двое старших служащих, в прошлом агентов, проводили здесь полный трудовой день. Только Бахтиари, третий человек в организации олимпийцев, до сих пор служил в управлении.

Он привел Маркони в зал связи. Маркони здесь никогда не бывал. У одной стены телексы, на наклонных полках до самого потолка включенные по замкнутому каналу телевизоры, карта США, ключевые города на ней обозначены лампочками, простой стол и несколько стульев. Маркони догадался, что на стол направлена телекамера, потому что, сев за него, Бахтиари поправил галстук.

Маркони оглядел все телевизоры. Ничего, кроме расплывчатых изображений. Потом заметил, что под каждым телевизором стоит название какого-нибудь крупного города.

Бахтиари повернулся к пульту управления, находящемуся на расстоянии вытянутой руки от его кресла. Пульт был усеян кнопками и ручками настройки. Бахтиари нажал одну кнопку и сказал Маркони:

— Смотри телевизор у правой стены, третий с конца.

Под телевизором была надпись «Детройт».

— Что за черт? — сказал Маркони, увидев, как изображение человека за письменным столом стало резким. Но речь его была совершенно невнятна!

Бахтиари нажал еще две кнопки, и телевизоры ожили, на экранах появились люди, произносившие неразборчивые слова. В комнате стояла какофония незнакомых звуков. Маркони захотелось зажать уши!

— Что происходит? — крикнул он, перекрывая шум.

Четкие лица на экранах несли невнятицу. Безликие люди докладывали по вызову со всех концов страны. «Господи,— подумал Маркони,— если все районы докладывают по этим телемониторам, значит, дело Лоуэлла всерьез насторожило «контору».

Бахтиари нажимал кнопки, экраны телевизоров темнели. И в полумраке Маркони непонятно почему ощутил страх. Господи, во что он ввязался? Эта организация гораздо более мощная, чем ему представлялось.

— На каком языке они говорили? — спросил он.

— На английском, разумеется. Чему тебя учили в «конторе»?

— Но ведь изображение было ясным.

— А мы удалили звук с каждой пленки! Это нетрудно. К счастью для тебя, мы вовремя перехватили материалы Лоуэлла. Хочешь посмотреть их на экране?

— Конечно.

— Прокрути материалы Лоуэлла,— сказал Бахтиари по селектору киномеханику. А Маркони сообщил:

— Первую пленку получили всего час назад.

На одной стене опустился экран, он ярко осветился, и на нем появился нервный молодой человек, Лоуэлл, стол его был завален документами, под рукой стоял магнитофон.

Лоуэлл говорил:

— Я — Аллен Лоуэлл, известный вам как убийца. Сейчас я покажу вам тайно сфотографированные документы и прокручу пленки с подслушанными телефонными разговорами, я делал это по заданию организации, еще неизвестной вам... опаснейшей группы заговорщиков, когда-либо существовавшей в нашем правительстве. Они именуют себя олимпийцами...

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Окончание следует.

Чувство Родины

Музыка
И. МЕЛЬНИКА

Стихи
В. ФИРСОВА

Родина суровая и милая
Помнит все жестокие бои.
Вырастают рощи над могилами,
Славят жизнь по рощам соловьи.

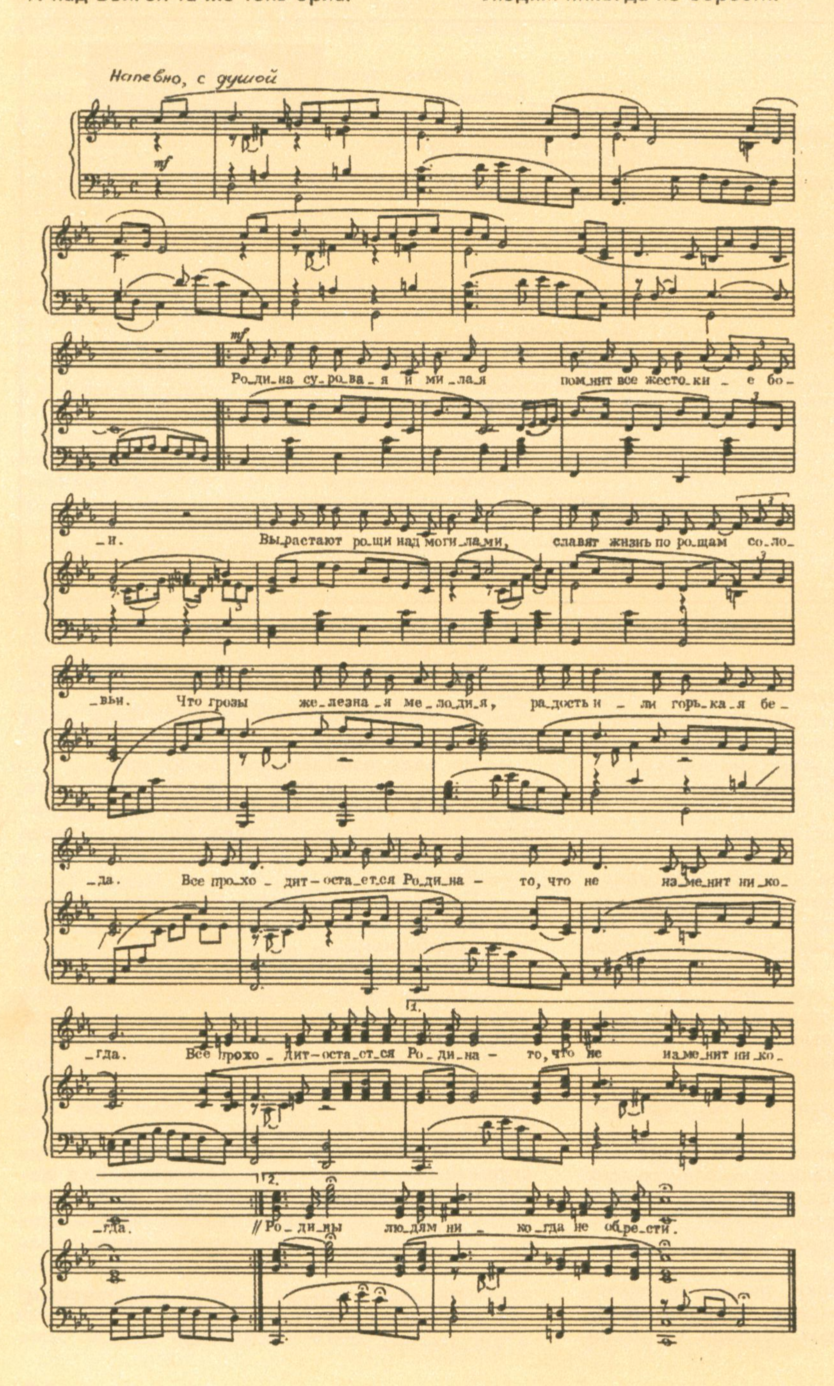
Что грозы железная мелодия,
Радость или горькая беда?
Все проходит, остается
Родина —
То, что не изменит никогда.

Мы прошли столетия с Россиею
От сохи до звездного крыла.
А взгляни, все то же небо синее
И над Волгой та же тень орла.

Те же травы к солнцу
поднимаются,
Так же розов неотцветший сад,
Так же любят, и с любовью
маются,
И страдают, как века назад.

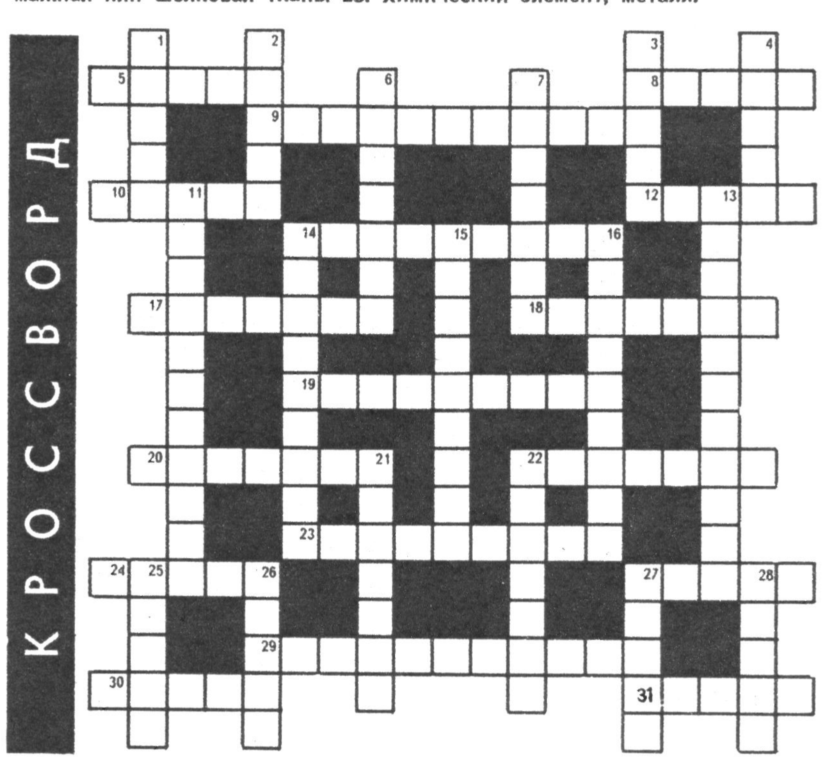
Медленно история листается,
Тяжелеет летописный слог.
Все стареет. Родина не старится,
Не пускает старость на порог.

И еще немало будет пройдено,
Коль зовут в грядущее пути.
Но светлей и чище чувства
Родины
Людям никогда не обрести.

По горизонтали: 5. Картина Рембрандта. 8. Столица Марокко. 9. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 10. Плавучий агрегат для разработки россыпей. 12. Народная писательница Латвии. 14. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 17. Птица из отряда куриных. 18. Старинный самострел. 19. Областной центр в Казахстане. 20. Государство в Центральной Африке. 22. Сельскохозяйственное орудие. 23. Река в Колумбии. 24. Горизонтальная горная выработка. 27. Воинское подразделение. 29. Плоская кривая. 30. Заключительная часть спортивных соревнований. 31. Предельная норма.

По вертикали: 1. Французский поэт, участник Движения Сопротивления. 2. Опорная часть оси или вала. 3. Немецкий композитор, пианист и дирижер. 4. Керамическое изделие. 6. Югославский остров в Адриатическом море. 7. Персонаж романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». 11. Регулятор горючей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 13. Изобретатель ранцевого парашюта. 14. Горная система в Центральной Азии. 15. Река в Якутии. 16. Бойница. 21. Изображение на светочувствительной пленке, пластинке. 22. Призвук в музыке. 25. Спутник Сатурна. 26. Роман Б. Пруса. 27. Прозрачная хлопчатобумажная или шелковая ткань. 28. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. Имандра. 6. Гаршнеп. 8. Атомоход. 9. Судак. 10. Прага. 11. Бруствер. 15. Гранат. 16. Ржев. 17. Сурьма. 18. Флобер. 20. «Новь». 21. «Аврора». 23. «Всадница». 26. Шайба. 27. Остап. 28. Чулышман. 29. Яковлев. 30. Деление.

По вертикали: 1. Баграмян. 2. Кратер. 3. Маморе. 4. Интерьер. 5. Индустриализация. 7. Программирование. 11. Бутлеров. 12. Украинка. 13. Вивальди. 14. Росомаха. 19. Бейбутов. 22. Рейсшина. 24. Скутер. 25. Цианея.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Машинисты-девятитысячники локомотивного депо Целиноград коммунисты Владимир Ульяненко, Минтогир Мифтохутдинов и Александр Гринев * Целинная железная дорога — горячая магистраль.
(См. в номере материал «Горячая магистраль».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В ОБЪЕКТИВЕ — ЛАОС: Порой на дорогах случаются и такие встречи * Древняя столица страны — Луангпрабанг * Под крылом самолета — Лаос * В лаборатории научно-исследовательского сельскохозяйственного института во Вьентьяне * Меконг — артерия жизни * Сестры.
(См. в номере материал «Буннак из деревни Ма».)

Фото Мирослава ТУЛЕИ (ЧССР)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

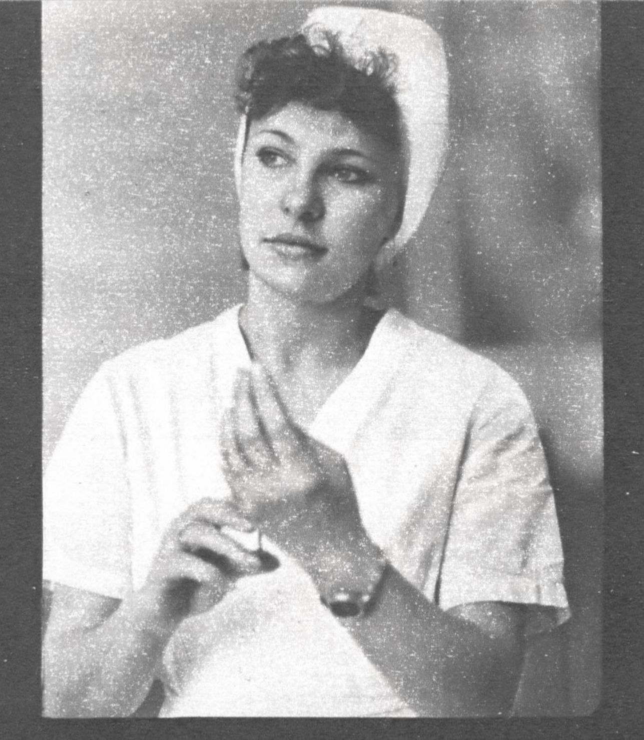
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.11.85. Подписано к печати 11.12.85. А 00436. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2969. Заказ № 1765.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Семейный дуэт Маркиных. Ольга работает медсестрой, Юрий — старшим мастером на обувной фабрике.

Фото А. БОЧИНИНА

Учитесь танцевать вальс

«Вторая позиция! Округлили локти. И раз-два-три... Мягче, мягче движения!»

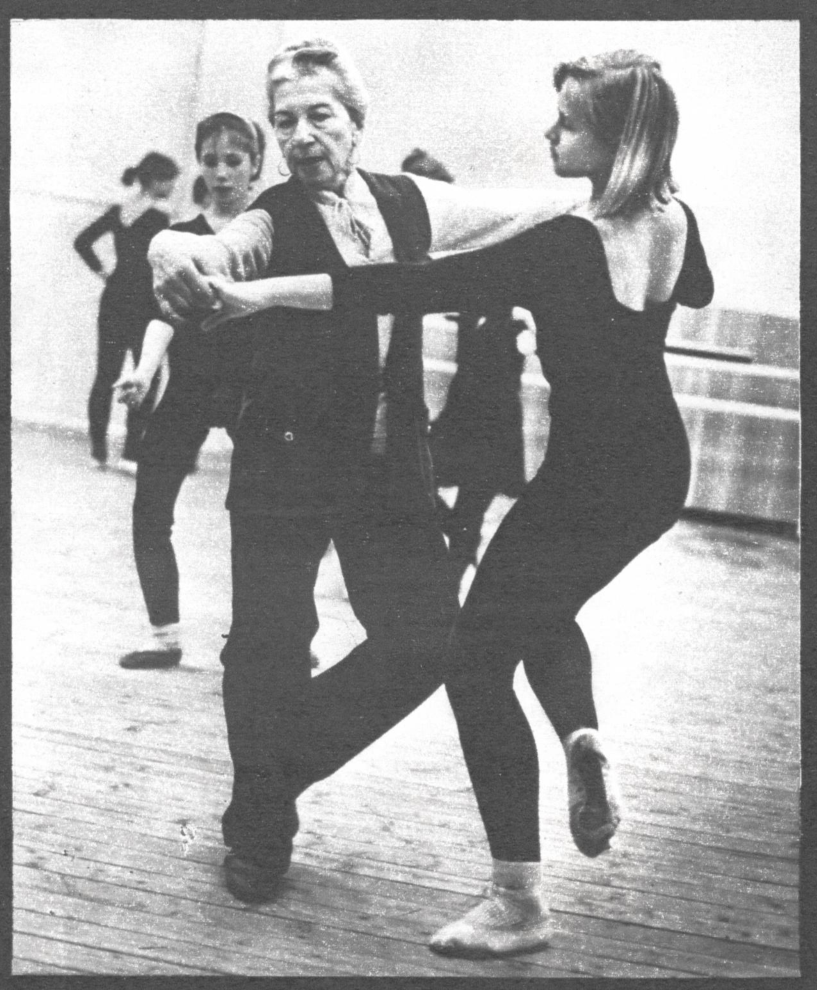
В студии народного танца московского Дворца культуры имени М. Горького идут обычные занятия. Скользят, кружатся по огромному залу пара за парой, отражаются в высоких зеркалах тоненькие девичьи фигурки. Музыка прерывается, и в который уже раз педагог-балетмейстер, заслуженный работник культуры РСФСР Седа Тиграновна Васильева просит повторить все сначала. Еще раз. И еще...

Как непросто все же научиться танцевать, казалось бы, такой знакомый вальс. Непросто, потому что к исполнению предъявляются высокие профессиональные мерки. Все эти ребята занимаются в подготовительной группе. Заветная мечта каждого из них: перейти в старшую, основную группу — ядро ансамбля. А для этого нужно выдержать конкурсные испытания, и довольно нелегкие.

Ансамбль народного танца отметил в нынешнем году свое двадцатилетие. Самодеятельные артисты выступали на лучших столичных сценах: в Кремлевском Дворце съездов, в Большом театре, в Концертном зале имени Чайковского. С их искусством знакомились жители Праги и Берлина, Софии и Будапешта. С концертными программами студийцы побывали на гастролях в Дании, Лаосе, Вьетнаме, Финляндии, ФРГ.

Об уровне подготовки студийцев можно судить и по тому, что некоторые из них становятся профессиональными артистами. Танцует в «Березке» Татьяна Сидорова, в Государственном ансамбле танца России — Юля Кочеткова, Вячеслав Мишин, Татьяна Прошина. Но больше всего воспитанников студии в Государственном академическом ансамбле народного танца СССР. Это не случайность: студия недаром именуется спутником прославленного коллектива.

Приверженность традициям школы Моисеева объясняется еще и тем, что художественный руководитель студии, заслуженный артист РСФСР Б. В. Петров и педагог-балетмейстер, заслуженный артист РСФСР Н. А. Данилов — в прошлом солисты этого коллектива. Нередкий гость у студийцев и народный артист СССР Игорь Моисеев. Где же искать народные таланты, как не в самодеятельности!

Занятия ведет заслуженный работник культуры РСФСР С. Т. Васильева.

Однако было бы неверно думать, что для большинства самодеятельных артистов дом культуры — лишь некая ступень, необходимая для перехода на профессиональную сцену. Нет, ни электромонтажник-метростроевец Александр Малашин, ни студентка МАТИ Руслана Кокорева, ни сборщица 1-го часового завода Ирина Згерская своей профессии менять не собираются. Танцы для них — увлечение, стойкое и давно уже ставшее неотъемлемой частью их жизни.

В ансамбле есть и свои семейные дуэты. Юрий и Ольга Маркины участвовали в культурной программе Московской Олимпиады, тогда же и познакомились. Из нескольких тысяч принимавших участие в торжествах артистов их случайно поставили в пару. Пара действительно состоялась.

Днем — работа, вечерами — репетиции. В неделю они занимают ровно девять часов — целую рабочую смену. И скидок на непрофессионализм своих учеников никто из педагогов не делает: искусство танца на любительское и профессиональное здесь не подразделяют. Но и отношение к самодеятельным артистам в студии самое уважительное.

...Три часа длится репетиция, и ритм ее не снижается даже и к концу занятия. Голос хрупкой Седы Тиграновны будто наделен магической силой: об усталости все просто забывают. Нелегко и ей самой, ведь она проводит репетицию уже со второй группой.

Заканчиваются занятия традиционным прощальным поклоном. Время уже позднее, но никто из студийцев, как ни странно, домой особо не торопится. Подхожу к Александру Малашину. Его желтая майка потемнела от пота...

— Тяжело!

— Ну что вы! С работы придешь — голова болит. А здесь я отдыхаю.

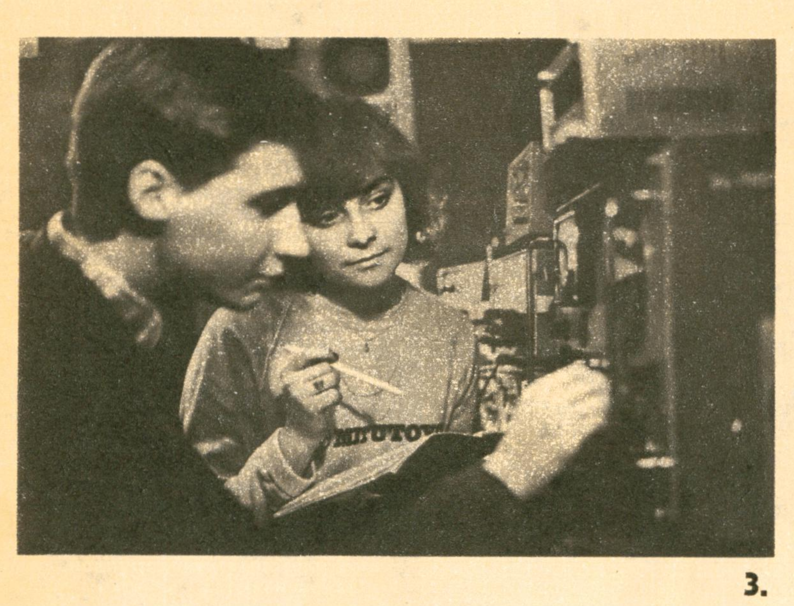
Л. АНДРЕЕВА

1.

2.

3.

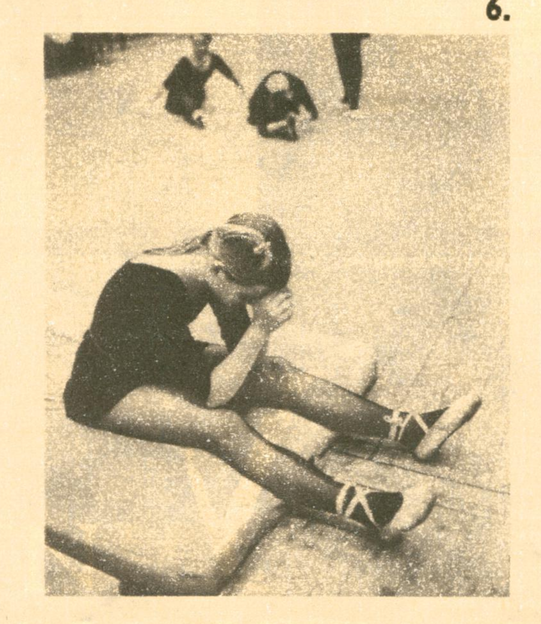

4.

5.

6.

7.

8.

1—2 Электромонтажник Александр Малашин на работе, а вечером — в Доме культуры.

3—4 Так же насыщен день у студентки МАТИ Русланы Кокоревой: после занятий точными науками — танцевальный ансамбль.

5 Скоро репетиция.

6 Опять не получается...

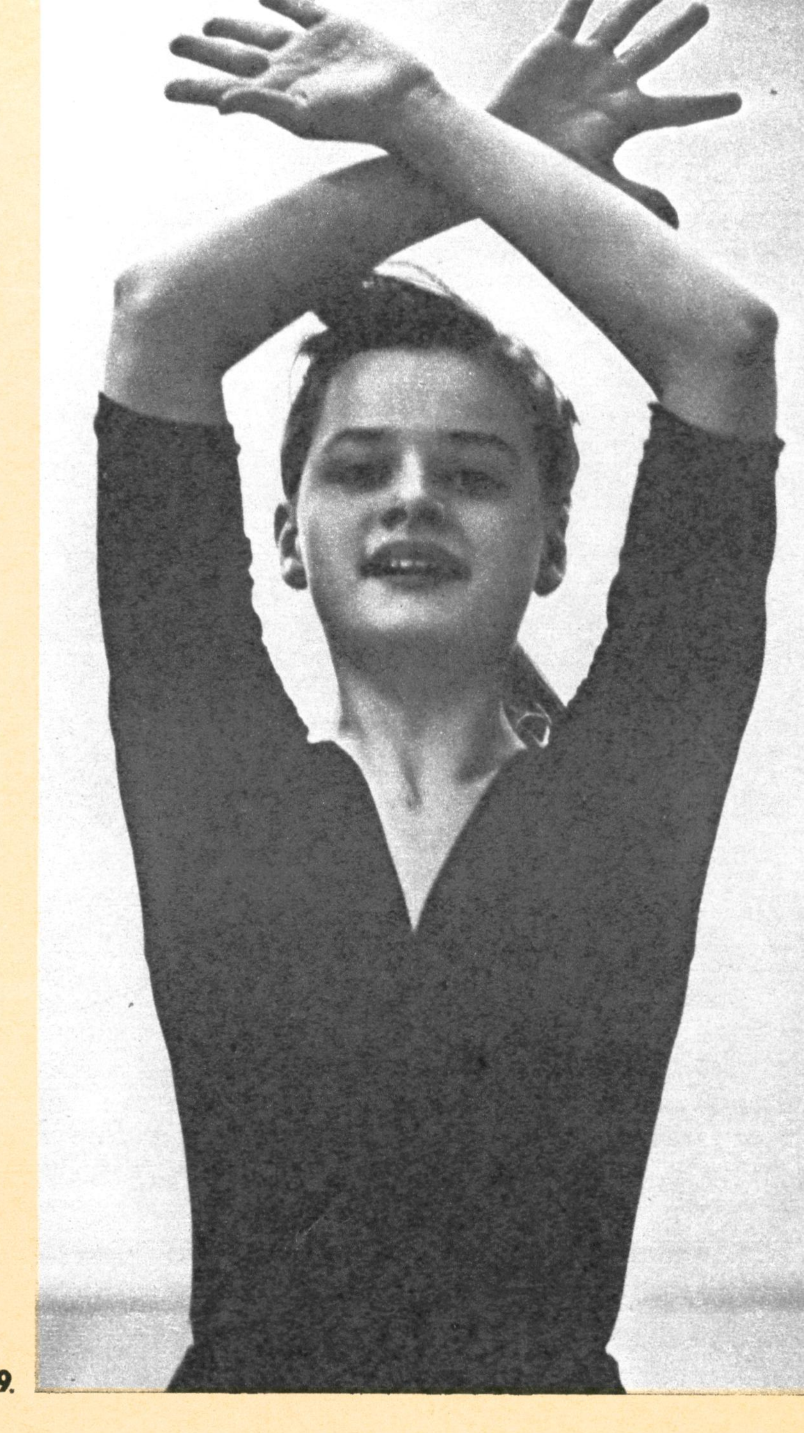
7 Оксана Слепец учится в МАИ на третьем курсе, здесь же она новичок.

8 Хоровод.

9 Катя Куликова хочет стать настоящей артисткой.

10 Передышка.

9.

10.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

